

ISSN 2336-2642

Paradigmata poznání

№ 1, 2016

ZAKLADATELÉ
Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o.
Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických a společenských věd

Šéfredaktorka – doc. Ilona G. Dorošina,
CSc. (kandidát věd v oboru psychologie),
Zástupce šéfredaktora – Umidjon R. Kušaev
Ph.D., (kandidát věd v oboru filosofie)

Mezinárodní redakční rada

prof. **R. V. Abdullaev**, Ph.D. (profesor v oboru ekonomie – Taškent, Uzbekistán);
prof. **V. Boicov**, DrSc. (profesor v oboru informační systémy – Riga, Lotyšsko);
M. Banasik, Ph.D. (doctor v oboru humanitní vědy - Varšava, Polsko);
doc. PhDr. **V. Srb**, Ph.D. (docent v oboru politologie – Kutná Hora, Česká republika);
doc. **A. N. Vernigora**, CSc. (docent v oboru biologie – Penza, Rusko);
B. Ivanovská, Ph.D. (doktor v oboru sociologie – Varšava, Polsko);
doc. PaedDr. **V. Hajkova**, (docent v oboru pedagogika – Praha, Česká republika);
doc. **M. Kamp**, Ph.D. (doktor v oboru historie – Wyoming, USA);
PhDr. **E. Kašparová** (doktor v oboru sociologie – Praha, Česká republika);
prof. **N. G. Khayrulina**, Ph.D. (profesor v oboru sociologie – Tjumeň, Rusko);
doc. **L. Krejčová**, Ph.D. (docent v oboru psychologie – Praha, Česká republika);
prof. **P. N. Kobets**, Ph.D. (profesor v oboru právo – Moskva, Rusko);
prof. **A. V. Korotayev**, Ph.D. (profesor v oboru historie – Moskva, Rusko);
prof. PhDr. **J. Lidžák**, CSc. (profesor v oboru mezinárodní vztahy – Kutná Hora, Česká republika);
prof. **N. V. Mitjukov**, Ph.D. (profesor v oboru stavitelství – Iževsk, Rusko);
doc. PhDr. **M. Sapík**, Ph.D. (docent v oboru filosofie – Kolín, Česká republika);
T. Sigmund, Ph.D. (doktor v oboru filosofie – Praha, Česká republika);
M. Szuppe, Ph.D. (doktor v oboru historie – Ivry-sur-Seine, Francie);
prof. Ing. **J. Tancošová**, Ph.D. (profesor v oboru ekonomie – Bratislava, Slovensko);
RNDr. **P. Zamarovsky**, (doktor v oboru přírodní vědy – Praha, Česká republika).
Interdisciplinární vědecký časopis «Paradigmata poznání»
publikuje společensko-humanitární, technické a přírodní vědy.

Časopis je indexována podle:
Electronic Research Library (Russiaia),
Research Bible (China),
Scientific Indexing Services (USA),
Cite Factor (Canada).

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2016.
© Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických
a společenských věd, 2016.

ISSN 2336-2642

Paradigms of knowledge

№ 1, 2016

THE FOUNDERS
The science publishing center
«Sociosphere-CZ»,
Academia Rerum Civilium –
University of Political and Social Sciences

Editor-in-Chief – Ilona G. Doroshina,
candidate of psychological sciences, assistant professor
Deputy editor – Umidjon R. Kushaev, Ph.D. (philosophy)

International editorial board

prof. **R. V. Abdullaev**, Ph.D. (Economics – Tashkent, Uzbekistan);
prof. **V. Boicov**, DrSc. (Information Systems – Riga, Latvia);
M. Banasik, Ph.D. (Humanities - Warsaw, Poland);
assistant professor PhDr. **V. Srb**, Ph.D. (Politology – Kutná Hora, Czech Republic);
assistant professor. **A. N. Vernigora**, Candidate of Biological Sciences (Penza, Russia);
B. Ivanovska, Ph.D. (Sociology – Warsaw, Poland);
assistant professor PaedDr. **V. Hajkova**, (Education – Prague, Czech Republic);
associate professor **M. Kamp**, Ph.D. (History – Wyoming, USA);
PhDr. **E. Kashparova**, (Sociology – Prague, Czech Republic);
prof. **N. G. Khayrullina**, Doctor of Sociological Sciences, (Tyumen, Russia);
assistant professor **L. Krejcova**, Ph.D. (Psychology – Prague, Czech Republic);
prof. **P. N. Kobets**, Doctor of Law, (Moscow, Russia);
prof. **A. V. Korotayev**, Doctor of History, (Moscow, Russia);
prof. PhDr. **J. Lidak**, CSc. (Political science – Kolin, Czech Republic);
prof. **N. V. Mityukov**, Doctor of Technical Sciences, (Izhevsk, Russia);
assistant professor PhDr. **M. Sapik**, Ph.D. (Philosophy – Kutná Hora, Czech Republic);
T. Sigmund, Ph.D. (Philosophy – Prague, Czech Republic);
M. Szuppe, Ph.D. (History – Ivry-sur-Seine, France);
prof. Ing. **J. Tancosova**, Ph.D. (Economics – Bratislava, Slovakia);
RNDr. **P. Zamarovsky**, (Nature Sciences – Prague, Czech Republic).

Interdisciplinary scientific journal «Paradigmata poznání»
publishes articles socio-humanitarian, technical and natural sciences.

The journal is indexed by:
Electronic Research Library (Russia),
Research Bible (China),
Scientific Indexing Services (USA),
Cite Factor (Canada).

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2016.
© Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických
a společenských věd, 2016.

Слово главного редактора 11

Teorie a analýza

HISTORICKÉ VĚDY

Ямщиков С. В.

Парадигмальные коллизии историографии
революций 1917 года в России 13

EKONOMIE

Emelyanov A. A., Zhigalova Yu. O., Perushkina M. O.

Current problems of social and economic development
of regional consumer market 22

Михуринская Е. А., Минкин Н. С.

Роль информатизации общества и человеческого капитала в развитии
социально ориентированной экономики региона 25

Selyutina L. G., Bondar O. Yu., Magomedragimov M. R.

Actual aspects of the integrated approach to urban areas development 30

FILOZOFICKÉ VĚDY

Тиханычев О. В., Тиханычева Е. О.

О соотношении статических и динамических компонентов в моделях
взаимодействия этносов 32

FILOLOGICKÉ VĚDY

Жарина О. А., Инюточкина А. Д.

К вопросу о современных способах конструирования
и модификации русского языка 36

PEDAGOGICKÉ VĚDY

Baklanova N. K., Stepichev P. A.

Creative orientation development as a requirement
of professional training of a teacher in the XXI century 40

Empirický a aplikovaný výzkum

EKONOMIE

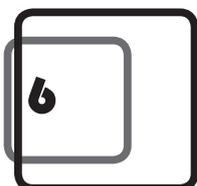
- Arifhodjayeva M.**
Marketing research in innovative development of commercial banks 44

FILOLOGICKÉ VĚDY

- Алимухамедов Р. А.**
О рифме лирического стихотворения
из тюркско-манихейской литературной среды 49
- Goncharenko N. V.**
Suggestive markers of diagnostic strategy in medical discourse 54
- Грудева Е. А.**
Полевая модель концепта осень/autumn в русском и английском языках
(на основе данных ассоциативного эксперимента)..... 57
- Муминов А. М.**
Влияние фонетического и деривационного строения
на степень активности слов в английском языке 62
- Shusharina G. A.**
Representation of regional identity in the Nanai proper names 66
- Shymanskaya O. Y.**
Typological Analysis of Emotion Metaphors in Belarusian and English 69

PEDAGOGICKÉ VĚDY

- Игебаева Ф. А.**
Методы развития творческого мышления
у студентов аграрного университета 72
- Емельянова И. А., Егорова Е. Е.**
Логопедическая работа по предупреждению дисграфии у учащихся
первых классов общеобразовательной школы 75
- Коновалова О. В., Караева Л. В.**
Образовательный кластер социального партнерства в сфере
дополнительных образовательных услуг гимназии 80
- Медведев П. Н., Медведева Н. В., Барсуков А. С.**
Использование технологии CASE STUDY
в процессе профессионализации молодежи 84
- Москатова А. К., Козлов Т. М.**
Дети Нового Времени: перспективная стратегия
начальной спортивной подготовки 87

**Хотимченко А. В., Воротилкина И. М., Бянкина Л. В.,
Верещагин М. В.**

Особенности мотивации спортсменов с поражениями
опорно-двигательного аппарата, занимающихся пауэрлифтингом..... 100

Шехмирзова А. М., Грибина Л. В.

Педагогический коллектив вуза как субъект реализации образовательного
процесса в компетентностном формате (методологические проблемы) 104

SOCIÁLNÍ VĚDY

Андрианова Р. А.

Риски социальной адаптации мигрантов в современном
русском обществе 108

KULTUROLOGIE

Shymansky N. V.

Principles of lines coordination in the early organum 111

Akademický život

План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана
и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2016 году 115

Информация о научных журналах 118

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 119

CONTENTS

From the Editor-in-Chief 11

Theory and Analysis

HISTORICAL SCIENCES

Yamshchikov S. V.

The paradigmatic conflicts of the historiography
of the 1917 revolution in Russia 13

ECONOMICS

Emelyanov A. A., Zhigalova Yu. O., Perushkina M. O.

Current problems of social and economic development
of regional consumer market 22

Mihurinskaya E. A., Minkin N. S.

The role of information society and human capital in the development
of the region socially oriented economy 25

Selyutina L. G., Bondar O. Yu., Magomedragimov M. R.

Actual aspects of the integrated approach to urban areas development 30

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Tikhanychev O. V., Tikhanycheva E. O.

The interaction of static and dynamic components
in models of interaction between ethnic groups 32

PHILOLOGICAL SCIENCES

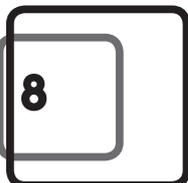
Zharina O. A., Inyutochkina A. D.

On the problem of modern means of construction
and modification of the Russian language 36

PEDAGOGICAL SCIENCES

Baklanova N. K., Stepichev P. A.

Creative orientation development as a requirement
of professional training of a teacher in the XXI century 40

Empirical and applied research

ECONOMICS

Arifhodjayeva M.

Marketing research in innovative development of commercial banks 45

PHILOLOGICAL SCIENCES

Alimukhamedov R. A.

About the rhyme of lyric poem from Turkic-Manichaeen literary environment.....49

Goncharenko N. V.

Suggestive markers of diagnostic strategy in medical discourse 54

Grudeva E. A.

Field model of the concept осень/autumn in Russian and English languages (on association experiment data) 57

Muminov A. M.

The influence of phonetic and derivational structures on the degree of activity of words in the English language 62

Shusharina G. A.

Representation of regional identity in the Nanai proper names..... 65

Shymanskaya O. Y.

Typological Analysis of Emotion Metaphors in Belarusian and English 69

PEDAGOGICAL SCIENCES

Igebaeva F. A.

Methods of development of creative thinking among students of agrarian university 72

Emelyanova I. A., Egorova E. E.

Speech therapy works to prevent dysgraphia in students of first classes of secondary school..... 75

Konovalova O. V., Karaeva L. V.

Education cluster of social partnership in additional educational services of school 80

Medvedev P. N., Medvedeva N. V., Barsukov A. S.

Use case study technology in youth professionalisation 84

Moskatova A. K., Kozlov T. M.

Children of New Times: promising strategy for initial sports training.....87

Khotimchenko A. V., Vorotilkina I. M., Byankina L. V.,

Veretschagin M. V.

Features of motivation of athletes with lesions of the musculoskeletal system involved in powerlifting.....100

Shekhmirzova A. M., Gribina L. V.

Teaching staff of the university as a subject of realization educational process
in the competency format (methodological problems) 104

SOCIAL SCIENCES

Andrianova R. A.

The risk of social adaptation of migrants in modern Russian society 108

CULTUROLOGY

Shymansky N. V.

Principles of Lines Coordination in the Early Organum 111

Academic life

Plan of the international conferences organized by Universities of Russia,
Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Kazakhstan, Uzbekistan,
and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere» in 2016 115

Information about scientific journals 118

Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 120

Совсем недавно начался новый 2016 год. Его наступление было омрачено многими неприятными и трагическими событиями. Европу потрясли массовые домогательства и изнасилования со стороны мигрантов в новогоднюю ночь. Собственно, увеличение числа изнасилований в Европе произошло именно после наплыва беженцев, но говорить об этом на весь мир стали только сейчас. Одной из громко провозглашаемых европейских ценностей является толерантность. Под страхом неодобрения окружающих или даже государственных органов люди с улыбкой принимают все чудачества или даже извращения окружающих как проявления их индивидуальности. Но такая терпимость к любому поведению других людей может обернуться и другой стороной.

Европу заполонили толпы молодых мужчин, многие из которых не хотят работать, а хотят заниматься сексом. Согласно устоявшимся представлениям о терпимости в Европе надо с уважением относиться к их личному выбору. В Библии сказано: «Если тебя ударили по правой щеке, подставь левую». Но что тогда можно сказать в русле христианской морали и либеральной толерантности женщинам и девочкам-подросткам? Наверное: «Если тебя изнасиловал араб, отдайся африканцу». Видимо, скоро наступит время, когда до жителей Европы дойдет смысл написанного в «Декларации принципов толерантности»: «Толерантность – это не уступка». Истинная толерантность – это взаимное уважение, равноправие и справедливость. Но если одна из сто-

рон презирает, оскорбляет и использует другую для собственного удовольствия, в то время как другая молча сносит унижения – это потворствование криминальному и нравственному беспределу. Толерантность подразумевает признание ценности другой культуры, а не добровольный отказ защищать собственную культуру и личное достоинство от агрессивных «варваров», захватывающих новые богатые земли.

На протяжении тысячелетий завоевание новых территорий осуществлялось с помощью оружия. Одни нападали, грабили, насиловали и убивали, а другие защищались и тоже убивали. Но сейчас мы видим совсем другой сценарий. Одни просто пришли и остались тут жить, между делом грабя и насилая. А другие не могут дать отпор, потому что пришедшие – не солдаты, а безоружные люди. Однобокое воспитание терпимости лишает людей иммунитета к вторжению не просто инородных, а вредоносных, разрушительных и чрезвычайно опасных человеческих масс в веками создаваемую цивилизацию с уникальной культурой и особым жизненным укладом. Столкновение культур способно обогатить обе культуры, но столкновение культуры с бескультурьем, жестокостью и преступностью может эту культуру полностью разрушить.

Важно отметить, что всему миру уже становится понятно, что наплыв беженцев на Европейский континент продиктован на превалирующем уровне субъективными факторами. Социально-политическая нестабильность, война, кровопролитие в отдельно взятой

стране опять и снова становятся элементами геополитического давления и воздействия некоторых государств и их групп. С этой точки зрения проблему беженцев целесообразно рассматривать как тяжелое последствие множества объективных и субъективных причин, которые имеют непосредственное отношение к наглым и противоречащим международным нормам стремлениям отдельных сил сего мира.

И ни в коем случае нельзя забывать, что толерантность – общесоциальный феномен и относится ко всем уровням взаимодействия и взаимоотношений социальных субъектов. Это означает, что толерантность необходимо соблюдать не только на межличностном, но одновременно межгрупповом, межгосударственном, международном и т. д. уровнях. ... Европейский континент не исключение.

И. Г. Дорошина

Historické vědy

УДК 930.2

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ КОЛЛИЗИИ ИСТОРИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА В РОССИИ

С. В. Ямщикова

*Кандидат исторических наук, доцент,
Государственный университет «Дубна»,
г. Дубна, Московская область, Россия*

THE PARADIGMATIC CONFLICTS OF THE HISTORIOGRAPHY OF THE 1917 REVOLUTION IN RUSSIA

S. V. Yamshchikova

*Candidate of Historical Sciences,
assistant professor,
State University «Dubna»,
Dubna, Moscow region, Russia*

Summary. In the article the paradigmatic conflicts of the historiography of the Russian revolutions of 1917 are revealed through the prism of scientific problems, «the army in the revolutionary events of 1917», analyzed the study in the period from 1917 to the mid 90-ies of the twentieth century. The author, using a wide range of historiographical sources, traces the formation of the main paradigmatic approaches to the study of the Russian revolutions of 1917, its army factor in particular and concludes that the most promising paradigm a basis of studying this problem since mid 90-ies becomes socio-cultural, psihomotornyi analysis of the Russian society of the revolutionary era.

Keywords: paradigm; historiography; revolution; 1917; Russia; society; army.

Историография революций 1917 г. обширна и многогранна. Одной из её ярко выраженных граней предстаёт изучение роли армии в революционной борьбе 1917 г. Эта проблема всегда находилась в центре внимания исследователей истории российских революций. В её рамках формировались парадигмальные основания изучения всего революционного процесса в России первой четверти XX в.

Большую и важную часть историографии этой проблемы составляют исторические труды, воспоминания, записки, автобиографии революционных деятелей, лидеров политических течений, партий и групп. В этом огромном историографическом наследии отразились все оттенки политической, идеологической мысли и что особенно ценно, научно-теоретические, парадигмальные подходы.

Одними из первых попытались осмыслить роль армии в событиях 1917 г. генералы и офицеры русской армии. Генерал А. И. Деникин подчёркивал особое значение вооружённых сил в «русской смуте» и гибели страны. Он писал о солдатских массах, на которые опирались большевики, как о грабителях и насильниках, как о черни, которая погубила Россию и армию. А. И. Деникин считал политически наивными и противоречащими исторической действительности сетования определённой части русского офицерства и генералитета на то, что именно февральская революция, Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, деятельность Временного правительства и советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов, корниловщина или пропаганда большевиков развалили армию. «Позволю себе не согласиться с мнением, что большевизм явился решительной причиной развала армии: он нашёл лишь благодарную почву в систематически разлагаемом и разлагающемся организме» [16, с. 12], – писал А. И. Деникин. По его мнению, эта почва была подготовлена до 1917 г., в период первой мировой войны, когда русский народ утратил веру в общегосударственную православно-монархическую идею [11, с. 122].

В либеральной историографии основное значение придавалось политико-правовым, социо-культурным и социопсихологическим аспектам революций 1917 г. в России. Кадетско-либеральное объяснение хода революционных событий сводилось к утверждению о том, что Россия доросла только до бунта, а не до революции. При этом солдатское движение рисовалось как разгул необузданной стихии. Так, П. Б. Струве февральскую революцию назвал «солдатски-рабочим бунтом», а октябрьские события – солдатским бунтом, превратившимся «в грандиозный и позорный всероссийский по-

гром» [25, с. 42]. П. Н. Милуков заявлял, что разложившаяся армия была пригодна только для внутренних погромов [21, с. 97]. Большевистскую партию он считал заговорщической организацией, которая пришла к власти, опираясь на поддержку солдат, уставших от войны [22, с. 169–170].

В эсеро-меньшевистской литературе главной движущей силой революционных событий 1917 г. также признавались деклассированные солдатские массы, а большевистская партия называлась «чисто солдатской» партией. «Большевистский партийный кружок, совершивший переворот при помощи деклассированной солдатской массы, которой был обещан немедленный мир, не является партией, выражающей подлинные классовые интересы рабочих» [32], – сообщала читателям газета «Тверской край», орган печати тверских меньшевиков.

Эсеры и меньшевики опровергали утверждения о том, что февральская революция развалила армию. В. Чернов, один из лидеров партии эсеров, разложение армии объяснял полным банкротством военной теории, стратегической безграмотностью и отсталостью, бесчисленными ошибками, безнадежным положением с вооружением и снабжением армии, низким уровнем командного состава [1, с. 220]. А. Р. Гоц, А. Ф. Керенский вину за разложение русской армии возлагали на большевиков, которые своей демагогической пропагандой разжигали низменные инстинкты толпы [10, с. 28–29; 14, с. 179].

Взгляд на революционные события 1917 г. как на солдатский бунт получил широкое распространение в западной советологической литературе. При таком подходе солдаты изображаются как анархизирующая, бунтарская масса, с помощью которой большевики пришли к власти. Так, например, Л. Шапиро называл солдатскую массу «разложившимся

отрядом», «праздной, деморализованной толпой» [Цит по: 23, с. 10].

С позиций теории стихийности интерпретировал события 1917 г. в России известный английский историк Э. Х. Карр. Он полагал, что большевики лишь подстраивались под те радикальные требования, которые стихийно формулировались и выдвигались массами, в том числе и не в последнюю очередь, солдатскими массами [13, с. 10–11].

В зарубежной историографии имеет место и концепция «волюнтаризма», теория заговора. Суть этой концепции заключается в том, что октябрьская революция была совершена кучкой большевиков, тактика которых сводилась к тому, чтобы при помощи демагогических, популистских лозунгов развязать тёмные инстинкты масс, побудить их сломать государственную машину, а затем, поднявшись на гребне анархии, захватить власть и удерживать её при помощи террора. П. Феденко в книге «Новая история КПСС» утверждал, что большевики пришли к власти «на волне недовольства солдатских масс войной, обещая им немедленный мир с Германией» [35, с. 43, 49]. Об армейских массах, как объекте манипулирования со стороны большевистской партии, писали немецкие историки К. Д. Брахер, Г. фон Римши. В большевистской пропаганде среди солдат они усматривали подстрекательские мотивы, направленные на разложение армии и разжигание анархии [8, с. 12].

В 1982 г. в Иерусалиме вышла книга М. Френкина «Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. Подготовка и проведение октябрьского мятежа: 1917–1918 гг.». Автор считает солдат главной силой февральской революции, все политические кризисы 1917 г. трактует как чисто солдатские кризисы, отражающие последовательные ступени дезорганизации армии. Средствами дезорганизации армии он считает Приказ № 1 Петро-

градского совета и большевистский лозунг немедленного прекращения империалистической войны. По мнению М. Френкина, в октябрьские дни 1917 г. большевики опирались не на гарнизоны, которые были ими жесамими разложены, а на наёмные отряды красногвардейцев и матросов [36, с. 337].

У представителей объективистского направления зарубежной историографии иной, более рациональный взгляд на роль армейских масс в революционных событиях 1917 г. Для них октябрьская революция – не следствие разложения армии, а закономерный результат обострения социальных противоречий, закономерный итог социокультурного кризиса российского общества начала XX века.

В работах американского историка А. К. Уайлдмена специально исследуется проблема «армия и власть в 1917 г.». Он доказывает, что у русских солдат отсутствовало чувство патриотизма, им были чужды такие ценности как нация, государство, которые формируются в течение длительного культурного воспитания или образования. Рост революционных настроений в армии, по мнению А. К. Уайлдмена, был результатом политики коалиционного правительства, которое не оправдало надежд солдат на скорый мир и тем самым лишилось морального авторитета в глазах солдат [34, с. 19, 26].

Д. Штурман вину за развал армии также возлагает на соглашательское Временное правительство, «которое шаталось между генералитетом и Советами, но как правило оказывалось на поводу у Советов» [38, с. 215].

У истоков большевистской историографии проблемы стоял В. И. Ленин. Квинтэссенцию ленинских работ составляет тезис о пролетариате как главной движущей силе и гегемоне революционных событий 1917 г. и о партии большевиков как творце исторического процесса. Характеризуя движущие

силы февральской революции, Ленин писал: «Пролетариат делал революцию, требуя мира, хлеба и свободы ... и он повёл за собой большинство армии, состоящее из рабочих и крестьян» [17, с. 73]. Так сформировалась революционная армия буржуазно-демократической революции. На этапе социалистической революции, по мысли Ленина, в состав революционной армии входили милиция и Красная гвардия из рабочих и крестьянской бедноты, а также солдаты, выступавшие на стороне пролетариата.

В ответ на обвинения большевиков в разложении армии, в подрыве обороноспособности страны Ленин указывал, что разлагали армию не большевики, а прежде всего правящие классы, которые объявили захватническую войну «великой» и гнали в наступление раздетых, разутых, голодных солдат. Упрёк большевикам в подстрекательстве, экстремизме он отвергал констатацией того, что «страна рабочих и беднейших крестьян ... раз в 1000 левее Черновых и Церетели, раз в 100 левее нас» [18, с. 35]. Ленин настаивал на том, что большевикам надо идти с «полевевшими массами» [19, с. 408]. Вождь большевиков подчёркивал, что «наша революция не свалилась с неба, а родилась и росла на земле, залитой кровью в четырёхлетней империалистической войне народов, среди миллионов и миллионов людей, измученных, истерзанных, одичавших в этой войне» [20, с. 475–476].

О пагубном влиянии первой мировой войны на психику русского народа много писали в своих публицистических статьях И. Бунин, М. Горький, Е. Чириков и др. Так, в известном цикле очерков «Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре» М. Горький обращал внимание на склонность русского народа к анархии, на его дикость и невежество и рассматривал их как результат условий, в которых жил народ. Благодаря четырёхлетней войне

«русская стихия» – психология русской массы – сделалась ещё более тёмной, хлёткой и озлобленной» [9, с. 185], – отмечал он. Конечно, по мнению Горького, «бесшабашная демагогия большевизма» [9, с. 192] возбуждала тёмные инстинкты масс, но «вся Русь, а не только её армия начала разрушаться задолго до того, как социалисты получили в ней право голоса». М. Горький указывал на решающую роль солдат в революционных событиях 1917 г.: «Война – 14–17 годов – дала власть в руки пролетариата, именно – дала, никто не скажет, что пролетариат сам, своею силою, взял в руки власть – она попала в руки его потому, что защитник царя, солдат, замученный трёхлетней войною, отказался от защиты интересов Романова ... Необходимо помнить, что революция начата солдатами Петроградского гарнизона» [9, с. 183–184, 246].

Писатель и публицист Е. Н. Чириков главной силой и опорой большевизма также считал солдат [37, с. 29]. При этом он говорил о психопатологии деятелей российских революций: «Фанатики и психопаты революции из интеллигенции находили ... живой отклик среди психически больных уже вернувшихся с фронта людей и таким образом, вырастили шайки кровожадных революционеров, которые подкреплялись ещё каторжниками и профессиональными грабителями и убийцами» [37, с. 30].

Роль разлагающейся русской армии как основного детонатора революционного взрыва 1917 г. и источника постреволуционной анархии и хаоса подчёркивалась западными политическими деятелями, писателями и публицистами. «В 1917 г. война зажгла революцию. Русская армия, измученная, обескровленная ... продолжающейся три года военной кампанией, без оружия, без боеприпасов, без продовольствия, преданная прогерманскими генералами, доведённая до распада анархией царизма, растревожённая революционным

вихрем, не хотела и не могла более воевать» [30, с. 352], – писал французский общественный деятель Жорж Садуль. Английский писатель Герберт Уэллс, посетивший советскую Россию осенью 1920 г. констатировал: «... Развалившаяся русская армия сорвалась с линии фронта и хлынула обратно в Россию – лавина вооружённых крестьян, возвращающихся домой без надежд, без продовольствия, без всякой дисциплины. Это было время разгрома, время полнейшего социального разложения. Это был распад общества. Это был вызванный отчаянием взрыв самых тёмных сил человеческой природы, и в большинстве случаев коммунисты несут не большую ответственность за эти злодеяния, чем, скажем, правительство Австралии» [Цит по: 2, с. 15].

В официальной советской историографии 20–30-х гг. главенствующее положение заняло изучение идейно-политических факторов армейского движения. Историки исследовали формы и методы борьбы большевиков за солдатские массы, за привлечение армии на сторону революции и революционное движение в вооружённых силах. В работах М. И. Ахуна и В. А. Петрова, И. Г. Кизрина, О. Н. Чаадаевой, Р. П. Эйдемана и В. А. Меликова содержится вывод о разложении царской армии задолго до февральской революции. Причины успеха большевистской партии эти авторы видели в том, что большевики овладели стихийным революционным движением в армии, внесли в него руководящее начало и к октябрю 1917 г. имели значительное преимущество перед своими политическими противниками.

В первых трудах историков и деятелей большевистской партии солдатская масса характеризовалась как сугубо крестьянская по составу и идеологии. Л. Д. Троцкий обращал внимание на то, что «благодаря войне крестьянство оказалось организовано в виде

многомиллионной армии. Весом этой многомиллионной армии, от которой ведь всё непосредственно зависело, мелкобуржуазные революционеры давили на пролетариат и вели его первое время за собой» [33, с. 250–251]. Причины разложения старой армии он видел «в износе старого механизма, в том глубоком разрыве, который разделял Нацию-армию, Народ, Солдата и Высшую жестокую касту – офицеров» [Цит по: 30, с. 324].

М. Н. Покровский в статье «Большевики и фронт в октябре – ноябре 1917 г.» опровергал тезис Троцкого о солдатах как главной движущей силе октябрьской революции. Опираясь на свидетельство генерала Марушевского о том, что «на улицах дрались только матросы и вооружённые рабочие, солдаты запасных полков были апатичны», Покровский сделал вывод о том, что октябрьскую революцию совершили исключительно рабочие и матросы, которые «больше представляли пролетариат, чем крестьянство» [26, с. 158].

Аксиоматическое положение о пролетариате как гегемоне всех революционных событий 1917 г. надолго закрепились в официальной советской историографии. Изучая проблему «армия в революциях 1917 г.», историки обязаны были воспроизводить стереотипную схему, согласно которой основным вооружённым оплотом пролетарской революции была Красная гвардия, вокруг которой объединялись и сплачивались большевистски настроенные солдаты и матросы. Попытки некоторых исследователей хотя бы немного отойти от этой схемы резко пресекались их коллегами. Так, например, вывод Х. И. Муратова о «доброжелательном нейтралитете» солдатских масс в октябрьские дни 1917 г. [24, с. 301] жёстко критиковался П. А. Голубом [7, с. 156]. После ряда критических проработок было свёрнуто изучение вопроса о роли

стихийности в февральской революции, предпринятое в середине 60-х годов Э. Н. Бурджаловым и П. В. Волобуевым.

В рамках официальной концепции работали советские историки (А. М. Андреев, Т. Ф. Кузьмина, Л. Г. Протасов, Л. Н. Торопов), специально изучавшие роль тыловых гарнизонов русской армии в событиях 1917 г. Они пришли к выводу об изменении форм и содержания солдатского движения под влиянием организационно-идеологической деятельности партии большевиков: от стихийных и разрозненных выступлений солдаты переходили к сознательной революционной борьбе за свержение буржуазного Временного правительства и установление диктатуры пролетариата.

Во второй половине 80-х годов началось переосмысление всей концепции революций 1917 г. Прежде всего, появился новый взгляд на истоки, причины революционных потрясений в России. Начало отхода от старых догм и стереотипов положили публицисты. Но вместе с тем они привнесли много версий, гипотез, эмоций, декларативности в осмысление прошлого. В литературно-художественной и исторической публицистике эпохи перестройки октябрьская революция зачастую расценивалась как трагическая историческая случайность, как заговор тёмных сил, не будь которых, исторический путь России был бы другим.

Профессиональные исследователи истории России первой трети XX в. почти единодушно признали тот факт, что издержки капиталистической модернизации российского общества, проявившиеся с особой остротой в период первой мировой войны, неспособность и невозможность для Временного правительства решить насущные социально-экономические и политические проблемы привели к социально-экономической катастрофе и распаду общества, государственности и сделали неиз-

бежной третью российскую революцию [См., например: 3; 15].

По мнению ряда авторитетных российских историков, решающую роль в революционных событиях 1917 г. в России сыграли солдатские массы [5, с. 134; 29, с. 110; 31, с. 156]. При этом к характеристике солдатских масс как крестьянства, одетого в серые шинели, добавилось их определение как маргиналов со своими специфическими взглядами на жизнь, интересами, психологией, поведенческими стереотипами [4, с. 46; 6]. Следует обратить внимание на то, что всё чаще стала подчёркиваться необходимость изучения массового сознания армейской среды и факторов, обуславливающих его изменения. И это вполне закономерно и объяснимо, поскольку за поверхностностью, где действуют политические и социально-экономические данности, скрываются глубинно-психологические и социокультурные факторы. В традиционной советской историографии, при господстве формационного подхода и социально-экономического детерминизма, социокультурный аспект проблемы рассматривался либо в контексте борьбы большевиков за армию, либо через призму «развития революционного сознания» армейских масс.

Конечно, отход от традиционных взглядов на события 1917 г. в России был невозможен без обстоятельного изучения массового сознания и политической культуры революционной эпохи. В начале 90-х годов начинается изучение настроений армейских масс, раскрытие черт их социально-психологического облика и выявление особенностей их менталитета. В небольших статьях В. И. Старцева и А. П. Жилина, в выступлениях В. П. Наумова, Л. Г. Протасова, А. В. Чертищева, В. И. Миллера на научной конференции «Проблемы истории Февральской революции» (Москва, февраль 1992 г.) и в докладе Л. Г. Протасова на

международном коллоквиуме «1917 год в России: массы, партии, власть» (Санкт-Петербург, 11–15 января 1993 г.) вопросы массового сознания армейской среды впервые были освещены по-новому. Большинство положений, высказанных первыми исследователями массового сознания армейской среды с новых позиций, сомнений не вызывали тогда и не вызывают сейчас. Но, например, вывод В. И. Старцева о том, что у солдатских масс существовала «тяга к демократии и гражданским правам» [31, с. 153] или заключение А. П. Жилина о развернувшейся весной – летом 1917 г. острой политической борьбе как главном факторе деморализации русской армии [12, с. 165], нуждались в уточнении.

Более продуктивным был проведенный Л. Г. Протасовым коррелятивный анализ идеи Учредительного собрания в структуре общественного сознания, в том числе сознания армейских масс. На основе такого анализа Л. Г. Протасов сформулировал новый для российской историографии вывод о слабости социокультурных предпосылок для формирования политической демократии западного типа в России [27, с. 81; 28, с. 146].

Таким образом, за период с 1917 г. до середины 90-х гг. появилось значительное количество работ, публикаций и научных исследований по проблеме «армия в революциях 1917 г.», были выработаны различные парадигмальные подходы к её изучению. Наиболее перспективным направлением исследований по данной проблематике с середины 90-х гг. стало комплексное изучение процесса формирования социально-психологических особенностей армейских масс и на этой основе выяснение глубинных причин и форм их социального, а чаще всего асоциального, поведения в тех или иных ситуациях революционной эпохи.

Библиографический список

1. Алексеева Г. Д. Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. – М. : Наука, 1989. – 317 с.
2. Бакулин В. Ленин и стихийный социализм в России // Коммунист. – 1990. – № 15. – С. 12–18.
3. Барсамов В. А. Под старым названием по новому пути // Социально-политические науки. – 1991. – № 5. – С. 97–105.
4. Булдаков В. П. На повороте. 1917 год: революции, партии, власть // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. – М. : Политиздат, 1991. – С. 8–48.
5. Булдаков В. П. XX век в истории России: имперский алгоритм? // Межнациональные отношения в России и СНГ. М. : ИЦ «АИРО-XX» – «Ратобор», 1994. – С. 122–140.
6. Волобуев П. В. Революция и народ (методологические и теоретические аспекты) // Октябрьская революция. Народ: её творец или заложник? – М. : Наука, 1992. – С. 14–15.
7. Вопросы истории. – 1959. – № 8.
8. Гаврилов Л. М. Солдатские комитеты в Октябрьской революции. (Действующая армия). – М. : Наука, 1983. – 222 с.
9. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. – М. : Сов. писатель, 1990. – 400 с.
10. Гоц А. Р. Демократия и оборона // Народ и армия. Сборник военно-политических статей. Вып. 1. – Пг., 1918. – С. 24–32.
11. Деникин А. И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. – 1990. – № 3. – С. 120–153;
12. Жилин А. П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. – М. : Наука, 1994. – С. 153–165.
13. Карр Э. Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929. – М. : Интер-Версо, 1990. – 208 с.
14. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. – 1991. – № 1. – С. 166–187.
15. Клейн Б. С. Россия между реформой и диктатурой (1861–1920 г. г.) // Вопросы истории. – 1991. – № 9–10. – С. 3–13.
16. Красная летопись. – 1926. – № 6.
17. Ленин В. И. О задачах РСДРП в русской революции. Автореферат // Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 72–78.

18. Ленин В. И. На зубок новорождённому ... «Новому» правительству // Полн. собр. соч. – Т. 32. – С. 33–35.
19. Ленин В. И. Письмо к товарищам // Полн. собр. соч. – Т. 34. – С. 398–416.
20. Ленин В. И. Пророческие слова // Полн. собр. соч. – Т. 36. – С. 472–478.
21. Милуков П. Н. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Т. 1. – Париж, 1927. – 400 с.
22. Милуков П. Н. Почему большевики взяли верх? // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? – М. : Политиздат, 1991. – С. 157–182.
23. Минц И. И. Международное значение военного опыта большевиков в Великой Октябрьской социалистической революции // Военные организации партии большевиков в 1917 году. – М. : Наука, 1986. – С. 5–13.
24. Муратов Х. И. Революционное движение в русской армии в 1917 году. – М. : Воениздат, 1958. – 391 с.
25. Новое время. – 1991. – № 28.
26. Покровский М. Н. Большевики и фронт в октябре – ноябре 1917 г. // Красная новь. – 1927. – № 11. – С. 157–170.
27. Протасов Л. Г. Учредительное собрание в системе послефевральских представлений о власти // 1917 год в исторических судьбах России. – М. : Изд-во «Прометей», 1992. – С. 80–81.
28. Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива // Анатомия Революции: 1917 год в России: классы, партии, власть. – СПб. : Глаголь, 1994. – С. 134–148.
29. Родина. – 1992. – № 10.
30. Садуль Ж. Записки о большевистской революции. 1917–1919. – М. : Книга, 1990. – 400 с.
31. Старцев В. И. Человек с ружьём в Октябре // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? – М. : Политиздат, 1991. – С. 151–156.
32. Тверской край. – 1918. – 5 января.
33. Троцкий Л. Д. К истории русской революции. – М. : Политиздат, 1990. – 447 с.
34. Уайлдмен А. К. Армия и вопрос о законности власти в России // Отечественная история. – 1994. – № 2. – С. 19–30.
35. Феденко П. Новая история КПСС. – Мюнхен, 1960. – 142 с.
36. Френкин М. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. Подготовка и проведение октябрьского мятежа. 1917–1918 гг. – Иерусалим : Став, 1982. – 400 с.
37. Чириков Е. Народ и революция // Аврора. – 1992. – № 1. – С. 10–31.
38. Штурман Д. У края бездны // Новый мир. – 1993. – № 7. – С. 213–232.

Bibliograficheskiy spisok

1. Alekseeva G. D. Kritika eserovskoy kontseptsii Oktyabrskoy revolyutsii. – М. : Nauka, 1989. – 317 с.
2. Bakulin V. Lenin i stihiyunyy sotsializm v Rossii // Kommunist. – 1990. – № 15. – С. 12–18.
3. Barsamov V. A. Pod staryim nazvaniem po novomu puti // Sotsialno-politicheskie nauki. – 1991. – № 5. – С. 97–105.
4. Buldakov V. P. Na povorote. 1917 god: revolyutsii, partii, vlast // Istoriya Otechestva: lyudi, idei, resheniya. Ocherki istorii Sovetskogo gosudarstva. – М. : Politizdat, 1991. – С. 8–48.
5. Buldakov V. P. NH vek v istorii Rossii: imperskiy algoritm? // Mezhnatsionalnyie otnosheniya v Rossii i SNG. М. : ITs «AIRO-XX» – «Ratobor», 1994. – С. 122–140.
6. Volobuev P. V. Revolyutsiya i narod (metodologicheskie i teoreticheskie aspekty) // Oktyabrskaya revolyutsiya. Narod: eYo tvorets ili zalozhnik? – М. : Nauka, 1992. – С. 14–15.
7. Voprosy istorii. – 1959. – № 8.
8. Gavrilov L. M. Soldatskie komitety v Oktyabrskoy revolyutsii. (Deystvuyuschaya armiya). – М. : Nauka, 1983. – 222 с.
9. Gorkiy M. Nesvoevremennyye myisli: Zametki o revolyutsii i kulture. – М. : Sov. pisatel, 1990. – 400 с.
10. Gots A. R. Demokratiya i oborona // Narod i armiya. Sbornik voenno-politicheskikh statey. Vyip. 1. – Pg., 1918. – С. 24–32.
11. Denikin A. I. Ocherki russkoy smutyi // Voprosy istorii. – 1990. – № 3. – С. 120–153;
12. Zhilin A. P. K voprosu o moralno-politicheskom sostoyanii russkoy armii v 1917 g. // Pervaya mirovaya vojna: diskussionnyie problemy istorii. – М. : Nauka, 1994. – С. 153–165.
13. Karr E. H. Russkaya revolyutsiya ot Lenina do Stalina. 1917–1929. – М. : Inter-Verso, 1990. – 208 с.
14. Kerenskiy A. F. Rossiya na istoricheskom povorote // Voprosy istorii. – 1991. – № 1. – С. 166–187.
15. Kleyn B. S. Rossiya mezhdru reformoy i diktaturoy (1861–1920 gg.) // Voprosy istorii. – 1991. – № 9–10. – С. 3–13.
16. Krasnaya letopis. – 1926. – № 6.
17. Lenin V. I. O zadachah RSDRP v russkoy revolyutsii. Avtoreferat // Poln. sobr. soch. – Т. 31. – С. 72–78.

18. Lenin V. I. Na zubok novorozhdYonnomu ... «Novomu» pravitelstvu // Poln. sobr. soch. – T. 32. – S. 33–35.
19. Lenin V. I. Pismo k tovarishcham // Poln. sobr. soch. – T. 34. – S. 398–416.
20. Lenin V. I. Prorocheskie slova // Poln. sobr. soch. – T. 36. – S. 472–478.
21. Milyukov P. N. Rossiya na perelome. Bolshevistskiy period russkoy revolyutsii. T. 1. – Parizh, 1927. – 400 s.
22. Milyukov P. N. Pochemu bolsheviki vzyali verh? // Oktyabr 1917: velichayshee sobyitie veka ili sotsialnaya katastrofa? – M. : Politizdat, 1991. – S. 157–182.
23. Mints I. I. Mezhdunarodnoe znachenie voennogo opyta bolshevikov v Velikoy Oktyabrskoy sotsialisticheskoy revolyutsii // Voennyye organizatsii partii bolshevikov v 1917 godu. – M. : Nauka, 1986. – S. 5–13.
24. Muratov H. I. Revolyutsionnoe dvizhenie v russkoy armii v 1917 godu. – M. : Voenizdat, 1958. – 391 s.
25. Novoe vremya. – 1991. – № 28.
26. Pokrovskiy M. N. Bolsheviki i front v oktyabre – noyabre 1917 g. // Krasnaya nov. – 1927. – № 11. – S. 157–170.
27. Protasov L. G. Uchreditelnoe sobranie v sisteme poslefevral'skikh predstavleniy o vlasti // 1917 god v istoricheskikh sudbah Rossii. – M. : Izd-vo «Prometey», 1992. – S. 80–81.
28. Protasov L. G. Vserossiyskoe Uchreditelnoe sobranie i demokraticeskaya alternativa // Anatomiya Revolyutsii: 1917 god v Rossii: klassyi, partii, vlast. – SPb. : Glagol, 1994. – S. 134–148.
29. Rodina. – 1992. – № 10.
30. Sadul Zh. Zapiski o bolshevistskoy revolyutsii. 1917–1919. – M. : Kniga, 1990. – 400 s.
31. Startsev V. I. Chelovek s ruzhYom v Oktyabre // Oktyabr 1917: velichayshee sobyitie veka ili sotsialnaya katastrofa? – M. : Politizdat, 1991. – S. 151–156.
32. Tverskoy kray. – 1918. – 5 yanvarya.
33. Trotskiy L. D. K istorii russkoy revolyutsii. – M. : Politizdat, 1990. – 447 s.
34. Uayldmen A. K. Armiya i vopros o zakonnosti vlasti v Rossii // Otechestvennaya istoriya. – 1994. – № 2. – S. 19–30.
35. Fedenko P. Novaya istoriya KPSS. – Myunhen, 1960. – 142 s.
36. Frenkin M. Zahvat vlasti bolshevikami v Rossii i rol tyilovyykh garnizonov armii. Podgotovka i provedenie oktyabrskogo myatezha. 1917–1918 gg. – Ierusalim : Stav, 1982. – 400 s.
37. Chirikov E. Narod i revolyutsiya // Avrora. – 1992. – № 1. – S. 10–31.
38. Shturman D. U kraya bezdnyi // Novyy mir. – 1993. – № 7. – S. 213–232.

© Ямциков С. В., 2016

Economie

UDC 339.13

**CURRENT PROBLEMS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF REGIONAL CONSUMER MARKET**

A. A. Emelyanov

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
students,*

Yu. O. Zhigalova

M. O. Perushkina

*Plekhanov Russian University of Economics,
Ivanovo branch, Ivanovo, Russia*

Summary. The article shows the current problems of social and economic development of regional consumer market. Described is the modern period of development of the market mechanism from the point of view of transition to economic independence of regional systems. Discussed are the conditions of normal functioning of the regional consumer market as a system. Stressed is the importance of the study of market conditions analysis and the factors which can aggravate negative influence of the consumer market enterprises on the population of the region. Shown are the main functions carried out by the consumer market in the economy of the region. Defined are the priorities in the social and economic development of the regional consumer market.

Keywords: consumer market; regional consumer market; social and economic development; regional economy.

The consumer market is the most important attribute of the modern system and its effective development in modern conditions is one of the major problems of the market economy development [5]. The essential role among the factors having impact on the regional consumer market belongs to social, demographic and geographical shifts in the structure of the population as well as to changes of consumer preferences [6].

The modern period of development of the market mechanism is characterized by transition to economic independence of regional systems in the conditions of strengthening of the market relations and weakening of distributive functions of the central governing bodies. In this regard the tendency of transition to the use of the control system provides effective develop-

ment of the consumer market in the conditions of democratization of administrative functions of market mechanisms of motivation and change.

It should be noted that the consumer market includes not only the sphere of trade, performance of work, rendering services and the sphere of production of goods at all stages of their life cycle, but also the sphere of consumption of goods. It is impossible to isolate direct consumption of goods from the concept of the consumer market. On the other hand, the relations arising in the course of consumption form the basis of financial economic functioning of all interested participants of the consumer market. The development of effectively functioning system of the market is the most important component of economic transformation process.

The consumer market is the central link in the general system of the interconnected markets. Results of its development have impact on functioning of other markets; in many respects they define their state and, therefore, the general economic balance.

Normal functioning of the regional consumer market as a system is possible only in case of organic and harmonious interaction of all its elements in spite of the fact that each of them plays an independent role in the realization of the system purposes. The main objective of consumer market functioning is the development of the respective territory, improvement of quality and the local population living standard. The condition of the consumer market is an important indicator of social and economic development of the region and of the country in general [1].

Historical experience of consumer market development indicates the need of application of the incentives and regulators based on the use of the market relations. Only at the level of sufficient saturation of demand and development of the competition between producers there is consumer market that subordinates the production to satisfaction of public requirements and provides more reliable mechanism of realization of its purposes. At the same time it forms an economic basis for continuous strengthening of capital investments for the purpose of updating products and introduction of new technologies in the production cycle.

One of the most important tasks which regional executive power is urged to solve is the study of market conditions. Any long-term, operational, administrative or marketing decision has to be made proceeding from tactical estimates and forecasts. Market condition is the concrete economic market situation which is developed at the moment of time under the influence of social, economic, demographic, political and other factors, including random ones [3].

Nowadays the condition of the consumer market is negatively influenced by

the following factors of social and economic development of the region which can aggravate negative influence of the consumer market enterprises on the population of the region:

- low purchasing power of the majority of categories of citizens;
- high differentiation in the standard of living in the cities and rural areas;
- backwardness of market infrastructure of regions;
- deterioration of the demographic situation;
- existence of negative tendencies in regional economy [1].

When determining strategic innovative priorities in the development of the consumer sector of regional economy, researchers should pay more attention to the following innovative programs and large projects:

- a) guaranteed provision of the population with the qualitative and environmentally friendly food on the basis of the agro-industrial complex development;
- b) formation of the legal base and implementation of organizational actions for a dynamic and sustainable development and maintenance of the competition in the food markets of the region;
- c) introduction of innovative technologies and quality management system at the agricultural enterprises, the enterprises of food and processing industry of the region;
- d) increase of effective use of the regional agro-food complex;
- e) implementation of monitoring of ecological living conditions of the population [4].

Thus, we see the necessity of profound studying of current problems of the regional consumer market development in order to define disproportions in the development of the consumer market as well as in the social and economic situation in the region. All this requires regional concretization and specification of measures for creation of the system of social guarantees and mechanisms.

Bibliography

1. Иневатова О. А. Социально-экономические особенности развития регионального потребительского рынка // Вестник ОГУ. – 2010. – № 2 (108), Февраль. – С. 67–72.
2. Лапаева М. Г., Корабейников И. Н., Макеева Е. Н. Управление социально-экономическим развитием региона в условиях становления сетевой экономики: монография. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2009. – 268 с.
3. Борисоглебская Л. Н., Агапов А. В., Кочергина В. Д. Инновационные подходы формирования и оценки потенциала потребительского рынка региона // Научные ведомости БГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2008. – Вып. № 5 (45). – Т. 7. – С. 192–199.
4. Шнякина Ю. Р. Проблемы регионального управления развитием потребительского рынка товаров и услуг // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 2 (34). – С. 371–374.
5. Emelyanov A. A. To the Problem of Development and Functioning of Consumer Market // Новая наука: стратегии и векторы развития: Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции (19 ноября 2015 г. Стерлитамак) / в 2 ч. Ч. 1 – Стерлитамак: РИЦ АМИ, 2015. – С. 78–80.
6. Emelyanov A. A., Prityko E. A., Moroz E. V. Some Aspects of Regional Consumer Market Potential Development // Problems and prospects of development of economy and management: materials of the III international scientific conference on December 3–4, 2015. – Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2015. – С. 150–151.

Bibliography

1. Inevatova O. A. Sotsialno-ekonomicheskie osobennosti razvitiya regionalnogo potrebitelskogo ryinka // Vestnik OGU. – 2010. – № 2 (108), Fevral. – S. 67–72.
2. Lapaeva M. G., Korabeynikov I. N., Makeeva E. N. Upravlenie sotsialno ekonomicheskim razvitiem regiona v usloviyah stanovleniya setevoy ekonomiki: monografiya. – Orenburg : IPK GOU OGU, 2009. – 268 s.
3. Borisoglebskaya L. N., Agapov A. V., Kochergina V. D. Innovatsionnyie podhodyi formirovaniya i otsenki potentsiala potrebitelskogo ryinka regiona // Nauchnyie vedomosti BGU. Seriya: Istorija. Politologiya. Ekonomika. Informatika. – 2008. – Vyipusk № 5 (45). – T.7. – S. 192–199.
4. Shnyakina Yu. R. Problemyi regionalnogo upravleniya razvitiem potrebitelskogo ryinka tovarov i uslug // Problemyi sovremennoy ekonomiki. – 2010. – № 2 (34). – С. 371–374.
5. Emelyanov A. A. To the Problem of Development and Functioning of Consumer Market // Novaya nauka: strategii i vektoryi razvitiya: Mezhdunarodnoe nauchnoe periodicheskoe izdanie po itogam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (19 noyabrya 2015 gg. Sterlitamak) / v 2 ch. Ch. 1 – Sterlitamak: RITs AMI, 2015. – S. 78–80.
6. Emelyanov A. A., Prityko E. A., Moroz E. V. Some Aspects of Regional Consumer Market Potential Development // Problems and prospects of development of economy and management: materials of the III international scientific conference on December 3–4, 2015. – Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2015. – S. 150–151.

© Emelyanov A. A., Zhigalova Yu. O.,
Perushkina M. O., 2016

к формированию современной информационной инфраструктуры региона, которая состоит из таких элементов, как устойчивые информационные потоки, новые информационные потоки рыночных структур и теневые информационные потоки. Роль информационной системы региона должна состоять в обеспечении сбора, обработки и распространении электронной и печатной информации, проведении аналитических, социологических и маркетинговых исследований, реализации мероприятий, направленных на повышение информационной культуры бизнес-среды, а также в обеспечении доступности к публичной информации, предоставляемой государственными структурами.

Следует отметить, что в современной экономической науке представлены различные подходы к определению уровня информатизации общества, основанные на использовании различных методов и инструментов оценки. По нашему мнению, принимая во внимание, что информатизация как характеристика инновационной среды социально ориентированной экономики региона обеспечивается совокупностью материально-технических и интеллектуальных ресурсов, наиболее объективным является подход, предусматривающий расчет индекса развития информационных и коммуникационных технологий (ИРИКТ) [5].

Индекс развития информационных и коммуникационных технологий отражает их качество и степень соответствия сетевой инфраструктуры новым технико-эксплуатационным требованиям, а также характеризует уровень развития персональных компетенций и готовность общества эксплуатировать новые технологии [5]. Индекс развития информационных и коммуникационных технологий является комплексным, поскольку включает три субиндекса: субиндекс доступа, субиндекс использования и субиндекс компетен-

ций в использовании информационно-коммуникационных технологий.

Субиндекс доступа к ИКТ отражает наличие объектов информационно-технологической инфраструктуры, а также возможность использования базовых информационно-коммуникационных технологий и представлен совокупностью индикаторов, характеризующих количество стационарных телефонных линий на 100 жителей, количество контрактов на оказание услуг мобильной связи на 100 жителей, ширину Интернет-канала в расчете на одного пользователя, долю семей, имеющих компьютер и долю семей, которые имеют доступ к Интернету.

Субиндекс использования ИКТ характеризует степень развития технической инфраструктуры и включает индикаторы, отражающие количество Интернет-пользователей на 100 жителей, количество абонентов широкополосного Интернета на 100 жителей (минимальная скорость 256 кбит/с), количество контрактов на оказание мобильного широкополосного Интернет-доступа на 100 жителей.

Субиндекс компетенций в использовании ИКТ характеризует уровень умений, навыков и профессиональных знаний в данной области и представлен совокупностью индикаторов, отражающих уровень образованности взрослого населения региона, совокупную долю учащихся в учебных заведениях средней и высшей ступени.

Процесс развития современного информационного общества характеризуется, прежде всего, высоким уровнем развития человеческого капитала и интеллектуализации труда, а также инновационностью экономики. Учитывая, что главной целью структурных трансформаций социально ориентированной экономики региона является создание общества пересекающихся множеств, наиболее важным системообразующим фактором является человеческий капи-

тал, который способен обеспечить экономический рост, изменить приоритеты в использовании ресурсов как предпосылок создания транснационального информационного пространства. При этом, наиболее важным является проявление функционального воздействия человеческого капитала как главного ресурса, позволяющего генерировать и внедрять новые идеи относительно эффективной организации экономической деятельности, соответствующие целям и приоритетам социально ориентированной экономики региона.

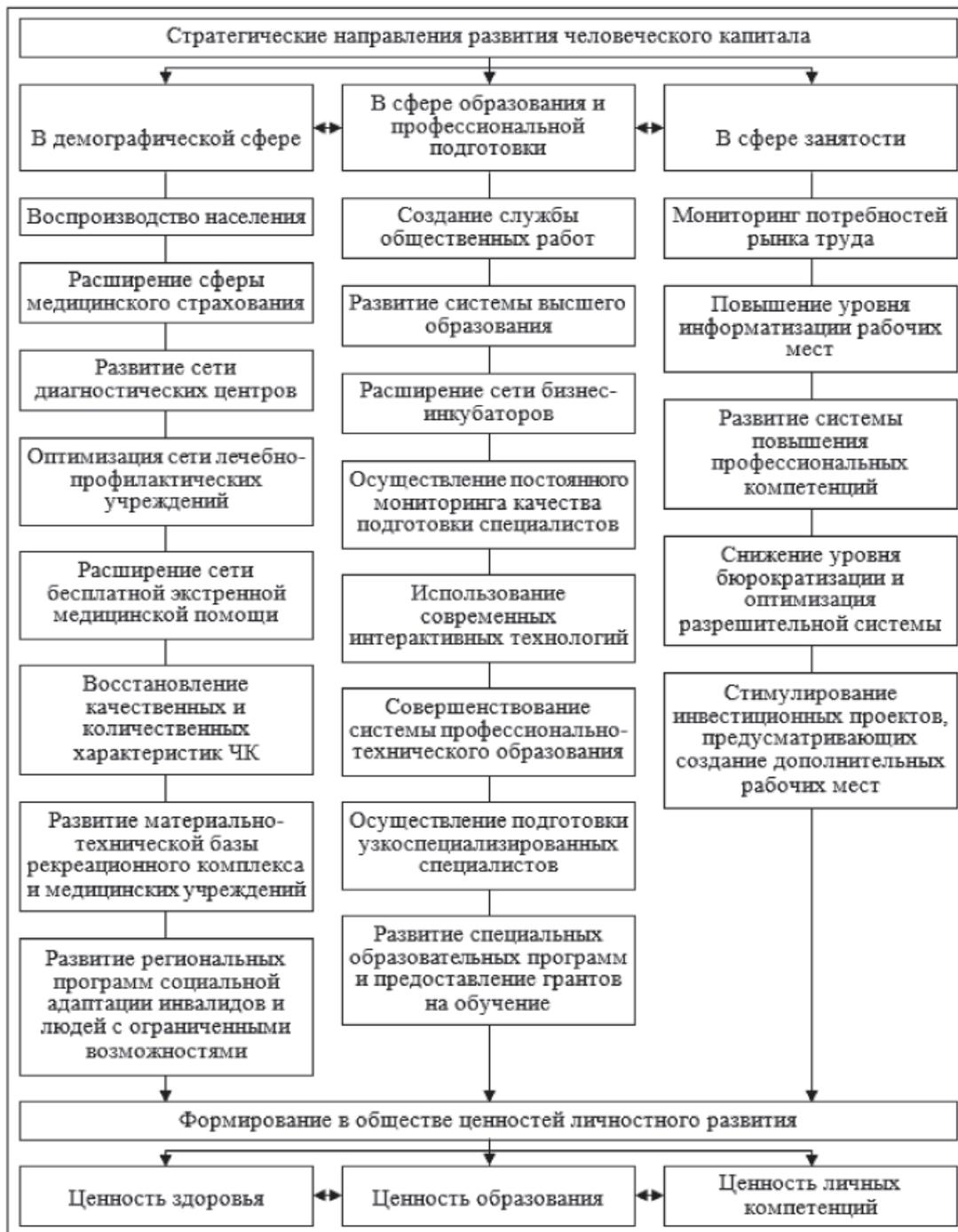
Основываясь на подходах ученых [1–5], возможно считать, что современный период развития общества характеризуется усилением роли человеческого фактора, изменением в структуре трудовых ресурсов, увеличением значения умственного высококвалифицированного и творческого труда. При этом в научной работе [1] акцентируется внимание на «неизбежном имущественном расслоении общества по признаку образования» ввиду возникновения интеллектуального класса и доминирования меритократии (власти интеллектуальной элиты), что предопределяет трансформацию отношений собственности на продукт интеллектуальной деятельности как основного приоритета постиндустриального общества. Поэтому усиление роли человеческого фактора в информационном развитии общества создает предпосылки для повышения ценности образования и трансформаций отношений собственности в сфере интеллектуальной деятельности. Результатом данных трансформаций является активизация развития ассоциированных форм организации бизнеса, изменение статуса наемного работника и совершенствование форм партнерских отношений.

В этой связи, в качестве одного из приоритетных направлений, обуславливающих повышение уровня информатизации общества, следует рассматривать информатизацию образования

как процесс создания благоприятной среды для развития интеллектуальных способностей, повышения уровня личностных компетенций и развития культуры знаний. Это требует совершенствования научных подходов к разработке механизмов управления системой образования на основе использования современных информационно-коммуникационных технологий, трансформации методологии, методов и организационных форм обучения, создания методических систем обучения, ориентированных на развитие интеллектуального потенциала. В результате возможно создать систему, позволяющую развивать образовательные технологии на основе реализации возможностей информационно-телекоммуникационных средств и инструментов, что обеспечит активизацию интеграционных тенденций процесса познания закономерностей предметных областей знаний (социальной, экологической, информационной и др.).

Принимая во внимание роль человеческого капитала в процессе формирования условий для повышения уровня информатизации общества, предлагаются стратегические направления развития человеческого капитала, учитывая основные цели региональной общественной системы, обеспечивающие способность региональной экономики к расширенному воспроизводству, увеличению сфер использования интеллектуального капитала и формированию постиндустриального информационного общества (рисунок).

Реализация данных направлений предусматривает необходимость разработки управляющих воздействий, сфокусированных на развитии инновационности экономики региона, повышении уровня интеллектуализации труда и информатизации общества, гармоничное взаимодействие которых формирует благоприятные условия для осуществления процессов жизнедеятельности населения.

Стратегические направления развития человеческого капитала в контексте ценностных приоритетов социально ориентированной экономики

Основываясь на концепции факторов, возможно полагать, что следствием влияния факторов интеллектуализации труда, инновационности экономики, информатизации общества, предпринимательской активности и человеческого капитала являются расширение границ экономического сотрудничества, развитие межрегиональных связей, активизация международной интеграции человеческого капитала, а также модификация форм конкурентных отношений. Это позволяет считать, что системообразующие факторы новой экономики (информатизация общества, человеческий капитал, инновационная среда и предпринимательская активность) следует рассматривать как детерминанты социально ориентированной экономики региона, роль которых проявляется посредством их функционального воздействия на трансформации структуры социального пространства.

Таким образом, учитывая современные особенности формирования структурных условий социально ориентированной экономики региона, необходимым является совершенствование нормативно-законодательной базы, регулирующей инновационную деятельность предприятий региона, разработки действенных механизмов стимулирования развития науки и образования, а также создания благоприятных условий для активизации предпринимательских инициатив и развития персональных компетенций в сфере использования информационных и коммуникационных технологий. Это обеспечит создание условий для максимально эффективного использования внутренних

ресурсов (человеческий капитал, природно-ресурсный и экономический потенциал), оптимизацию межрегиональных взаимосвязей, формирование интеллектуального капитала, а также защиту национальных интересов в условиях глобализации мирового экономического пространства и перераспределения сфер геополитического влияния и др.

Библиографический список

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М. : Академия, 1999. – 185 с.
2. Ракитов А. И. Наука и устойчивое развитие общества // Общественные науки и современность. – 1997. – № 4. – С. 5–11.
3. Регіональна політика: методологія, методи, практика / НАН України. Інститут регіональних досліджень; [ред. М. І. Долішній]. – Львів, 2001. – 700 с.
4. Рубанов В. А. Безопасность России в переходный период // Вопросы экономики. – 1994. – № 12. – С. 45.
5. The Global Competitiveness Report 2009–2010, World Economic Forum, Geneva, Switzerland 2009 Klaus Schwab. – P. 478.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bell D. Grjadushhee postindustrial'noe obshchestvo. – M. : Akademiya, 1999. – 185 s.
2. Rakitov A. I. Nauka i ustojchivoe razvitie obshchestva // Obshhestvennyye nauki i sovremennost'. – 1997. – № 4. – S. 5–11.
3. Regional'na politika: metodologija, metodi, praktika / NAN Ukraïni. Institut regional'nih doslidzhen'; [red. M. I. Dolishnij]. – L'viv, 2001. – 700 s.
4. Rubanov V. A. Bezopasnost' Rossii v perehodnyj period // Voprosy jekonomiki. – 1994. – № 12. – S. 45.
5. The Global Competitiveness Report 2009–2010, World Economic Forum, Geneva, Switzerland 2009 Klaus Schwab. – R. 478.

© Михуринская Е. А., Минкин Н. С., 2016

**ACTUAL ASPECTS OF THE INTEGRATED APPROACH
TO URBAN AREAS DEVELOPMENT**

L. G. Selyutina
O. Yu. Bondar
M. R. Magomedragimov

*Doctor of economic, professor,
students,
Saint-Petersburg
State University of Economics,
Saint-Petersburg, Russia*

Summary. Article is devoted to the actual topic of urban areas development. The authors have researched the modern approach to a rational use and a management of the large territory based on the collaboration of state and private sectors and the complex accounting of town-planning zones functions compatibility. The characteristics of territories complex development management for housing construction are considered, types of development projects within the large-scale development of real estate are analyzed. It is shown that at the rational organization of planning of town-planning processes it is possible to provide an increase of complex development efficiency and a redevelopment of urban areas.

Keywords: territory; large city; developer; planning; real estate market.

Sustainable and effective development of the cities is impossible without an integrated approach to the realization of the processes of justification and administrative decisions development within urban construction.

Now in the cities of Russia there is a trend of construction business integration and as a result, show interest to a large-scale investment and construction project. At the same time, the state, in turn, seeks to stimulate housing construction by involvement the large undeveloped or inefficiently used territories in a turnover.

Under complex development of urban territories should understand the formation of an integrated and balanced urban development solution that allows you to achieve high economic, social and environmental performance, as well as the synergy effect from their combination in a particular area.

Projects complex development of urban territories can be divided into two big groups. The first group includes free from building urban areas complex development projects. Other group includes the built-up territories complex development projects.

Currently in St. Petersburg is implementing a number of projects complex development of urban territories for housing construction, initiated by the city Government through the bidding procedure (development of territory of the village Horse Lahti in Primorsky district of St. Petersburg, development of territory "North Valley" in Vyborg district of St. Petersburg, the investor in both projects is "Glavstroy SPb" LLC) and a number of projects started by the Russian and foreign private companies with ownership of large plots of land (development of territory in Moscow district of St. Petersburg – the project of residential eco-quarter uptown "Triumph Park", the investor – the international construction company MirLand Development Corporation, development of territory in Krasnoselsky district of St. Petersburg – the project "The Baltic pearl" where the investor is the Shanghai construction Corporation, etc).

Renovation of the territories which are built up houses of the first generation of industrial housing construction and emergency fund is one of the priorities of the St. Petersburg's housing policy.

It has now formed a mechanism for the implementation of such projects. By the end of 2015 the construction company “SPb Renovation”, which is engaged in realization a program of redevelopment areas housing the first mass series, plans to build a houses in four blocks: Ligovsky, Krasnii Kirpichnik, Grazhdanskii 1-1a and Malaya Okhta.

Let us consider the specifics of defining the management of urban areas complex development projects.

Integrated territorial development projects are the most extensive, as determined by the extended number of the project participants, the volume of investments, high social responsibility of the investor, technical and economic indicators of development, the ability to impact on the surrounding territory.

Therefore, the projects of integrated development of territories have specific management features, characterized by a high degree of professionalism of the project manager.

The organization of process of effective planning of the urban development processes at all stages of implementation of the project is an important for the integrated development of territories.

To improve efficiency, it is important to plan the budget of the project accurately and seek to maximize technical and economic indicators, observing balance of the territory in which the project will be competitive and demanded in the market of developer real estate.

Having considered of managerial decision-making in the context of the integrated development of urban territories, it is advisable to identify the main stages of the process of the formation of the integrated development of the territory management system of large cities. These include:

– The formation of a common base of information resources on objects of town-planning including information about the current use of the territory, the existing restrictions of urban decision-making and scheme of a current state of engineering networks.

– Integrated assessment, drawing up of analytical schemes with a list of the problems of urban development.

– Concept development and overall implementation of the project.

Thus, according to features described above within the implementation projects complex development of territories is important to pay special attention to the conceptual planning stage, within which is formed the concept and general order the implementation of the project, and analyzed the possibilities of the project, planned relationships with all the participants of the project (administration, owners of the neighboring territories, etc.).

Библиографический список

1. Ватченко Б. С. Оценка имущественного потенциала региона // Социосфера. – 2013. – № 3. – С. 200–204.
2. Селютина Л. Г. Формирование маркетинговых инвестиционных решений в системе управления жилищным строительством и реконструкцией жилой застройки // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. – 2009. – Т. 28. – № 1. – С. 5–10.
3. Селютина Л. Г. Анализ основных социально-экономических показателей потребности в жилье // Экономические проблемы развития строительства в регионе в современных условиях: сб. научных трудов. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – С. 57–66.
4. Фомин П. А. Цели и стратегии в развитии крупного города // Приволжский научный вестник. – 2015. – № 6–2 (46). – С. 30–32.

Bibliograficheskiy spisok

1. Vatchenko B. S. Otsenka imuschestvennogo potentsiala regiona // Sotsiosfera. – 2013. – № 3. – S. 200–204.
2. Selyutina L. G. Formirovanie marketingovykh investitsionnykh resheniy v sisteme upravleniya zhilishnyim stroitelstvom i rekonstruktsiey zhiloy zastroyki // Vestnik INZhEKONa. Seriya: Ekonomika. – 2009. – T. 28. – № 1. – S. 5–10.
3. Selyutina L. G. Analiz osnovnykh sotsialno-ekonomicheskikh pokazateley potrebnosti v zhile // Ekonomicheskie problemy razvitiya stroitelstva v regione v sovremennykh usloviyah: sb. nauchnykh trudov. – SPb. : Izd-vo SPbGUEF. – 2002. – S. 57–66.
4. Fomin P. A. Tseli i strategii v razvitiy krupnogo goroda // Privolzhskiy nauchniy vestnik. – 2015. – № 6–2 (46). – S. 30–32.

© Selyutina L. G., Bondar O. Yu.,
Magomedragimov M. R., 2016

Filozofické vědy

УДК 314.122.66

О СООТНОШЕНИИ СТАТИЧЕСКИХ И ДИНАМИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ В МОДЕЛЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТНОСОВ

О. В. Тиханьчев *Кандидат технических наук, профессор,
Академия военных наук,
г. Москва, Россия*
Е. О. Тиханьчева *студентка,
Финансовый университет
при Правительстве РФ,
филиал в г. Краснодаре, Россия*

THE INTERACTION OF STATIC AND DYNAMIC COMPONENTS IN MODELS OF INTERACTION BETWEEN ETHNIC GROUPS

O. V. Tikhanychev *Candidate of Technical Sciences, Professor,
Academy of Military Sciences,
Moscow, Russia*
E. O. Tikhanycheva *student,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
the branch in Krasnodar, Russia*

Summary. The article analyzes the presence of common components in the models of interaction between ethnic groups and models of drive heating. It is determined that some of the components of these models are similar. Analysis of models allows you to select the components of the same type. The same components, the effect of heterogeneous models to each other and to a single process simulation. The conclusion about the need to consider this factor in the development of simulation systems ethno-social processes. The proposed approach will significantly improve the accuracy of forecasts and make effective use of social technologies.

Keywords: model of interaction; mathematical simulation; ethnos; the tension of drive; ethnic processes; interstate borders; static models; dynamic models.

В последние десятилетия в рамках межгосударственного управления всё чаще применяются экономические и социальные технологии, реализующие принцип так называемой «мягкой силы». Практика применения таких технологий в рамках организации многочисленных «цветных» и «цветочных» революций показала, что организовать разрушение государства или смену власти современными технологиями мож-

но, а вот управлять процессом возникающего впоследствии «управляемого хаоса» проблематично. Одна из причин этой проблемы – отсутствие механизмов прогнозирования последствий собственных действий, в том числе основанных на методах математического моделирования.

В рамках этого вопроса можно отметить, что в работах [5; 6; 7] был рассмотрен целый ряд моделей, описывающих

параметры состояния этносов и их взаимодействие между собой. Анализ данных моделей показывает, что они часто имеют схожие параметры и, следовательно, должна быть определённая взаимосвязь между формально автономными моделями. Возникает вопрос, какого рода эти связи и как они могут проявляться при практическом использовании моделей.

Для поиска и анализа данных связей целесообразно вспомнить, что любые модели, описывающие состояние общества, принято разделять на статические и динамические [2; 3; 4]. В рамках такой классификации можно сделать вывод, что модели трансграничного межэтнического взаимодействия, рассмотренные в статье [6] относятся к моделям динамического типа, а модели влияния на социальную устойчивость «пассионарной температуры» и их разновидности, описанные в работах [5; 7], можно отнести к статическим моделям одного и того же процесса. Исходя из этого, сущность взаимодействий этих групп моделей определяется взаимодействием внутренних компонентов общества, участвующих во внешнем процессе межэтнического взаимодействия [1; 2; 3; 4]. При этом последний может быть описан через систему уравнений, приведённую на рис. 1.

Рис. 1. Графическая интерпретация модели межэтнического взаимодействия

Наиболее общим (и наиболее распространённым) видом моделей взаи-

модействия является система дифференциальных уравнений вида:

$$\begin{cases} \dot{x} = f_1(x, y, u, t); \\ \dot{y} = f_2(x, y, v, t), \end{cases}$$

соответствующая схеме взаимодействия двух общностей S_1 и S_2 , изображённой на рис. 1. В данной системе уравнений приняты следующие обозначения: x, y – средние численности взаимодействующих систем; u, v – управляющие параметры взаимодействия, как регулируемые, так и стохастические [5].

Уравнения подобного рода получили название уравнений динамики средних (уравнений Ланчестера) и нашли довольно широкое распространение при описании процессов взаимодействия сложных систем. Достоинством таких моделей является удобство анализа получаемых на их основе результатов и учета влияния каждого фактора из числа учитываемых на ход и исход процесса (возможность получать решения в наглядной форме). Недостатком этих моделей является необходимость проведения большой подготовительной работы для их построения. Применение подобных моделей в практике прогнозирования этносоциальных процессов сводится, как правило, расчётам некоторых «конечных состояний».

Но для использования указанного метода необходимо сформировать систему дифференциальных уравнений, оперирующих усреднёнными вероятностями переходов системы между её возможными состояниями. На практике эта задача, а именно задача формализации описания поведения системы является одной из самых сложных. Её решению и служат статические модели исследуемых систем. Не является исключением и случай моделирования процессов межэтнического взаимодействия, где в качестве такой статической модели может использоваться модель «пассионарной температуры» общества [7].

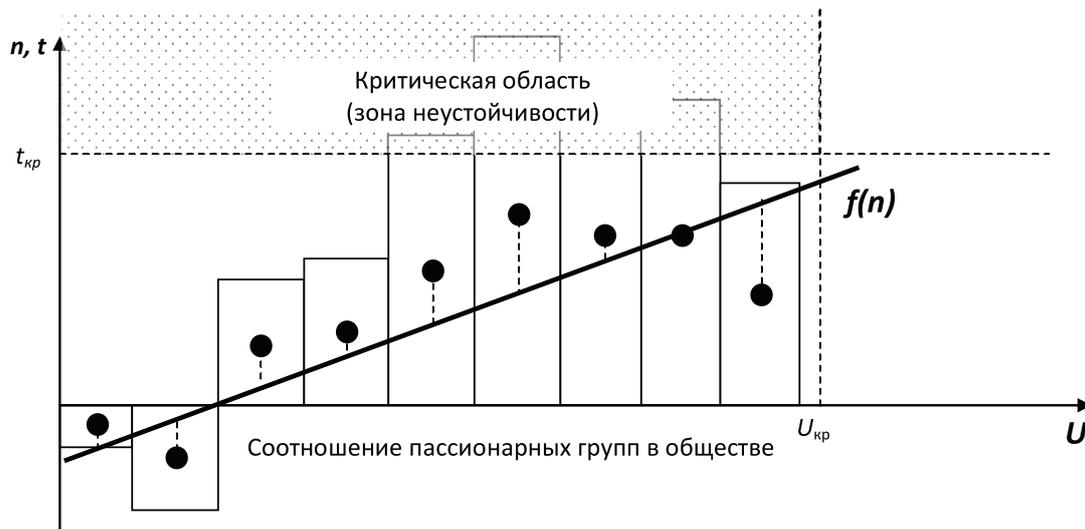

Рис. 2. Статическая модель устойчивости общества на основе показателей «пассионарной температуры»

Применение этой модели позволит сформировать параметры модели, определяющие знак и величину «пассионарного притяжения», создающего миграционные потоки.

Напомним, поведение данной статической модели определяется её графической интерпретацией (рис. 2).

Анализ предложенной в работе [7] модели позволяет не только сформировать искомые параметры, но и проанализировать степень их влияния на динамику процесса.

Так, анализ модели (рис. 2) позволяет сделать вывод, что миграционный поток, направленный из системы наружу будет возрастать при росте «пассионарной температуры» и сужении параметров критической области, определяемых критической пассионарной температурой $t_{кр}$ и критическим значением управляемости $U_{кр}$. При обратных явлениях, будет повышаться интенсивность потоков, направленных внутрь системы.

Анализ взаимосвязанных факторов, присутствующих одновременно в статических и динамических моделях социально-этнического взаимодействия позволит не только более эффективно разрабатывать каждую из них, но и выработать правила создания и применения систем и комплексов моделей, описывающих социально-этническое взаимодействие.

Библиографический список

1. Алагоз А. В. Этнос как составляющая современных политических процессов // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2015. – № 58. – С. 57–61.
2. Кузьменко Г. Н., Назаров А. А. Теория моделирования этносоциальных процессов // Учёные записки РГСУ. – 2011. – № 1. – С. 41–51.
3. Куконков П. И. Конфликтологические проблемы исследования этносоциальных напряжений // Конфликтология. – 2009. – № 1. – С. 139–152.
4. Гончикдоржиева О. Ж. Теоретические подходы к исследованию этносоциальных процессов //

- Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 6. – С. 181–184.
5. Тиханычев О. В., Тиханычева Е. О. Некоторые аспекты моделирования этносоциальных процессов. – М.: Издательство «Эдитус», 2016. – 70 с.
  6. Тиханычев О. В. Об учёте межгосударственных границ при моделировании межэтнического взаимодействия // Социосфера. – 2014. – № 2. – С. 197–201.
  7. Тиханычев О. В., Тиханычева Е. О. Обобщённая модель влияния «пассионарного нагрева» на устойчивость социальных систем // Paradigmata poznání. – 2014. – № 4. – С. 58–62.
  3. Kukonkov P. I. Konfliktologicheskie problemy issledovanija jetnosocial'nyh naprjazhenij // Konfliktologija. – 2009. – № 1. – С. 139–152.
  4. Gonchikdorzhieva O. Zh. Teoreticheskie podhody k issledovaniju jetnosocial'nyh processov // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – № 6. – С. 181–184.
  5. Tihanychev O. V., Tihanycheva E. O. Nekotorye aspekty modelirovanija jetnosocial'nyh processov. – М.: Izdatel'stvo «Jeditus», 2016. – 70 s.
  6. Tihanychev O. V. Ob uchjote mezhgosudarstvennyh granic pri modelirovanii mezhjetnicheskogo vzaimodejstvija // Sociosfera. – 2014. – № 2. – С. 197–201.
  7. Tihanychev O. V., Tihanycheva E. O. Obobshhonnaja model' vlijanija «passionarnogo nagreva» na ustojchivost' social'nyh sistem // Paradigmata poznání. – 2014. – № 4. – С. 58–62.

Bibliograficheskiy spisok

1. Alagoz A. V. Jetnos kak sostavljajushhaja sovremennyh politicheskikh processov // Sborniki konferencij NIC Sociosfera. – 2015. – № 58. – С. 57–61.
2. Kuz'menko G. N., Nazarov A. A. Teorija modelirovanija jetnosocial'nyh processov // Uchjonye zapiski RGSU. – 2011. – № 1. – С. 41–51.

© Тиханычев О. В., Тиханычева Е. О., 2016

Filologické vědy

УДК 81'271

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ СПОСОБАХ КОНСТРУИРОВАНИЯ И МОДИФИКАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

О. А. Жарина

А. Д. Инюточкина

*Кандидат филологических наук, доцент,
студентка,*

*Южный федеральный университет,
Институт филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации,
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия*

ON THE PROBLEM OF MODERN MEANS OF CONSTRUCTION AND MODIFICATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE

O. A. Zharina

A. D. Inyutochkina

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
student,*

*Southern Federal University,
Institute of Philology,
Journalism and Intercultural Communication,
Rostov-on-Don, Rostov region, Russia*

Summary. The article is devoted to the problems of the Russian language modification. Being an essential part of any culture language as a linguistic phenomenon reflects all social and economic changes in the national world outlook. The author describes the historical changes of the Russian language as well as modern trends in its construction and modification, considers the contribution of Russian scientists and literary personalities to the extension of language boundaries and vocabulary. The idea of the Russian language construction and modification by means of the language potential itself but not by using borrowing words is revealed in the article.

Keywords: language construction; language modification; vocabulary; borrowing words; barbarisms; creative activity; language potential.

В настоящее время особо остро стоит вопрос преобразования и модификации языков. Исчезновение слов, выражений и даже самих языков – актуальная проблема современного общества. Ведь вместе с языковыми особенностями, с самим языком утрачивается и культура народа. Язык – это одна из крупнейших ее составляющих. В языке отражаются все социальные, мировоззренческие идеи.

С доисторических времён человек живёт в социуме. Это вызвало необходи-

мость уметь одному человеку как-то сообщить другому свои мысли, желания, чувства. Так из потребности общения, передачи своих мыслей и возник язык. Наблюдая за историей языка, мы можем проследить тенденции и культуры эпох. Без языка невозможно существование современного человека и его культуры.

Важно понимать, что «Язык следует рассматривать не как мертвый продукт, но как созидательный процесс», – писал Вильгельм фон Гумбольдт [2].

Носители языка являются «строителями» новых слов, выражений и даже грамматических норм. Именно они развивают и видоизменяют родной язык. Поэтому одной из основных наших задач, как хранителей культуры своей нации, является сохранение и развитие русского языка. Безусловно, каждый день мы привносим что-то новое в язык, осознанно или неосознанно, но очень редко эти новшества в языке становятся нормой и заносятся в словарь. Как правило, проходит большой промежуток времени от рождения чего-то нового в языке до его становления нормой.

Язык – есть творение всего народа. Итак, рассмотрим происходящие явления в языке на примере словарного запаса русского языка. Новое слово рождается из уст определенного индивида, а потом эта появившаяся лексическая единица либо принимается, либо отторгается языковой средой. Величайшие писатели, поэты, общественные деятели нашей страны вошли в историю русского языка. Ведь именно они помогали ему развиваться, внося туда изменения, преобразуя его. Здесь важно отметить знаменитых культурных деятелей, которые внесли свой вклад в развитие языка. Так, в трудах М. В. Ломоносова появились слова, которых в нашем языке прежде не было, поскольку даже не заходило речи об этих понятиях. Великий ученый ввел в обиход такие слова, как маятник, насос, созвездие, чертеж, кислород, атмосфера, радиус, эклиптика, оптика, периферия, микроскоп, эфир [9]. А ведь на сегодняшний день мы даже не представляем наш язык без этих слов. Ломоносов призывал развивать живой, понятный, образный язык, а для этого надлежит учиться у народной речи и вносить ее здоровые элементы в литературные произведения. Ломоносов пишет, что развитие языка должно покоиться «на природном его свойстве»: «того, что ему весьма не свойственно, из других языков не вносить». Это замечание и в наше

время очень актуально. Современный русский язык перенасыщен американизмами и англоязычными выражениями, которые все больше вытесняют из оборота живое русское слово.

Н. М. Карамзин – выдающийся историк, крупнейший русский литератор, в свою очередь, ввел такие понятия, как промышленность, рассеянность, трогательный, моральный, человечность, влюбленность, сосредоточить [4].

Поэт Игорь Северянин привнес в русский язык такие популярные слова, как бездарь и автомобиль [3]. Слово отсебятина – создание русского художника К. П. Брюллова. Ф. М. Достоевский считал одной из своих главных заслуг то, что он ввел глагол стушеваться [5]. Так как литература – это лишь часть языка, а ввести новое слово в язык это большое достижение.

Таким образом, слова, которые вошли в нашу повседневную речь, были созданы индивидами. А ведь зачастую мы не помним имена тех, кто ввел различные понятия в наш язык. Но, безусловно, сейчас, с изобретением технологий, не составляет труда проследить, кто и с каким значением впервые употребил то или иное слово. Благодаря сети Интернет создание новых слов и их распространение проходит намного легче и быстрее. Это, в свою очередь, привело к постепенному утрачиванию анонимной, фольклорной эпохи в развитии языка, так как на данном этапе авторство той или иной работы строго соблюдается и сохраняется.

На наш взгляд, самым интересным и наиболее редко встречающимся является уровень действия в области знаков – созидательная деятельность, то есть введение новых знаков в язык. К этой деятельности можно отнести словарь В. И. Даля. Даль предложил русскому языку около 14 тысяч новых слов, то есть около 7% всех слов в его словаре [1]. К созидательной деятельности относится и творчество А. Белого, И. Северянина, А. Солженицына.

Солженицын был основателем проекта «Русский словарь языкового расширения», где он пытался восстановить всё самое главное из словаря Даля с включением новых слов. В предисловии к своему словарю Солженицын пишет: «Лучший способ обогащения языка – это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств» [7]. И в этом является одна из самых главных задач современной лингвистики.

Обратимся к нынешнему состоянию русского языка. Какими же новыми словами за последние 20 лет обогатился русский язык? Можно выделить такие слова: паб, киллер, паркинг, гипермаркет, президентство, бодибилдинг, спичрайтер, то есть в основном заимствованные из английского языка слова. И если каждый день русский язык пополняется такого рода словами, то что с ним будет дальше? На сегодняшний день происходят неоправданные заимствования английских слов. Варваризация языка, наполнение его иноязычными заимствованиями (варваризмами) может привести к коренной модернизации русского языка.

Иноязычные заимствования не несут в себе ничего плохого, они даже иногда необходимы, но, на наш взгляд, необходимо дать достойный ответ на этот наплыв иноязычных слов. В начале 18 века происходил активный процесс заимствования слов из французского, немецкого языков. Но, уже во второй половине 18 века русский язык смог дать достойный ответ, породив огромное количество слов, которые мы привели в пример из работ Ломоносова, Карамзина и других знаменитых ученых и писателей. Таким образом, русский язык сумел вобрать в себя эти варваризмы и при этом всё-таки остался русским языком. Так и сейчас стоит вопрос о том, останется русский язык русским языком, обогащая себя за счет всех других языков, но обладающим способностью творить на собственной морфемной основе.

Так, например, корни -добр- и -зол- основополагающие корни для выражения нравственности народа. Исчезли такие слова как: добродей (остался только злодей), было слово добродество, а осталось только злорадство. Наш язык с того времени в каком-то смысле обеднел. Мы не только не творим новых слов, но и теряем те слова, которыми пользовались наши предки, которые обогащали их общение между собой, способы выражения их чувств.

Как сказал выдающийся философ Людвиг Витгенштейн: «Границы моего языка обозначают границы моего мира» [8]. Язык очеловечивает людей. Оскудение словарного запаса в русском языке, по мнению исследователей, произошло в первой половине 20 века. Самое полное издание словаря Даля под редакцией Будуэна-де-Куртенэ, вышедшее в свет в 1909 году, содержало 220 тысяч слов. Следующее же полное издание вышло в 1940 году под редакцией Ушакова, и оно содержало 88 тысяч слов. Так, словарный запас русского языка сократился почти втрое.

А ведь в каждой нише языка можно найти возможности для языкового роста. Больше всего этой возможностью пользовался знаменитый составитель словарей В. И. Даль. Он творил, расширяя наш язык. Он вводил в свои словарные гнезда те слова, которые не могли быть зарегистрированы, которых просто не существовало. Даль считал, что эти слова демонстрируют жизненность русского языка. Ведь словарь назывался: «Толковый словарь живого великорусского языка». Словарь отражает не только устную речь, диалекты, он отражает сам рост слова.

Даль в своей работе приводит также потенциальные слова, он раскрывает русские лексические возможности. Он старается, чтобы эти слова стали известны читателю словаря и в перспективе вошли бы в норму. Этот подход можно назвать проективным подходом к языку. Но эти новые слова никогда не выступали у Даля

в качестве главных. Словарь Даля читали и вдохновлялись им такие известные писатели как А. Белый, Хлебников, С. Есенин, А. Солженицын.

На сегодняшний день существует проективный словарь русского языка: «Дар слова». Это сетевой проект филолога, философа, культуролога Михаила Эпштейна, который выходит с 17 апреля 2000. Главной его темой является искусство создания новых слов и понятий, а также пути обновления лексики и грамматики русского языка, развитие корневой системы, расширение моделей словообразования. Более того, в России стал проводиться конкурс слово года [6]. По итогам каждого года выбираются слова, выражения, жаргонизмы, неологизмы, которые в наибольшей степени характеризуют данный год, могут стать памятными для потомков, выражают самые характерные тенденции. Так, для 2009 года было выделено два таких слова – перезагрузка, антикризисный. Для 2007 года – гламур. Эти слова могли быть придуманы давно, но на тот этап они являлись новыми и актуальными.

Наш исторический опыт говорит о том, что все экономические, социальные, политические изменения в обществе на самом деле не приводят к радикальному изменению этого общества. Ментальность общества остается непоколебима, потому что ментальность общества выражается, прежде всего, в языке. Язык – это ключ к ментальности общества. Так, если не изменяется язык, если не обогащается его лексический состав и особенно его грамматика, которая характеризует самые глубинные пласты языка, то не изменится и само общество. Необходимо конструировать язык не его редукцией и иностранными заимствованиями, а новыми лексическими единицами, которые создаются при помощи богатых возможностей русского языка.

Библиографический список

1. Дар слова // Emory university. – URL: <http://www.emory.edu/INTELNET/dar274.htm> (дата обращения: 29.11.2015).
2. Журнальный зал в РЖ, «Русский журнал» [Офиц. сайт]. – URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/3/ep18.html> (дата обращения: 28.11.2015).
3. Лекции И. Л. Викентьева о творческих личностях [Офиц. сайт]. – URL: <http://vikent.ru/author/1270>.
4. Русская литература 18 века [Офиц. сайт]. – URL: <http://istlit.ru/txt/ruslit18/159.htm> (дата обращения: 26.11.2015).
5. Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – 2-е изд. – М. : Локид-Пресс, 2005.
6. Слово года // Новая газета URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/48358.html> (дата обращения: 22.11.2015).
7. Солженицын А. И. Русский словарь языкового расширения. – 3-е изд. – М. : Русский путь, 2000. – 280 с.
8. Философия философии Людвиг Витгенштейна // Костромка «Костромской философ». – URL: <http://kostromka.ru/philosophy/durilov/9.php> (дата обращения: 22.11.2015).
9. Энциклопедия заблуждений [Офиц. сайт]. – URL: http://neznal.ru/20110524_slova-gradusnik-ravnovesie-chertezh-opyt-kislota-pridumal-mixail-lomonosov (дата обращения: 26.11.2015).

Bibliograficheskiy spisok

1. Dar slova // Emory university. – URL: <http://www.emory.edu/INTELNET/dar274.htm> (data obrascheniya: 29.11.2015).
2. Zhurnalnyi zal v RZh, «Russkiy zhurnal» [Ofits. sayt]. – URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/3/ep18.html> (data obrascheniya: 28.11.2015).
3. Lektsii I. L. Vikenteva o tvorcheskih lichnostyah [Ofits. sayt]. – URL: <http://vikent.ru/author/1270>.
4. Russkaya literatura 18 veka [Ofits. sayt]. – URL: <http://istlit.ru/txt/ruslit18/159.htm> (data obrascheniya: 26.11.2015).
5. Serov V. V. Entsiklopedicheskiy slovar krylatyih slov i vyirazheniy. – 2 izd. – M. : Lokid-Press, 2005.
6. Slovo goda // Novaya gazeta. – URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/48358.html> (data obrascheniya: 22.11.2015).
7. Solzhenitsyn A. I. Russkiy slovar yazykovogo rasshireniya. – 3 izd. – M. : Russkiy put, 2000. – 280 s.
8. Filosofiya filosofii Lyudviga Vitgenshteyna // Kostromka «Kostromskoy filosof». – URL: <http://kostromka.ru/philosophy/durilov/9.php> (data obrascheniya: 22.11.2015).
9. Entsiklopediya zabluzhdeniy [Ofits. sayt]. – URL: http://neznal.ru/20110524_slova-gradusnik-ravnovesie-chertezh-opyt-kislota-pridumal-mixail-lomonosov (data obrascheniya: 26.11.2015).

© Инюточкина А. Д., Жарина О. А., 2016

Pedagogické vědy

UDC 37.036.5

CREATIVE ORIENTATION DEVELOPMENT AS A REQUIREMENT OF PROFESSIONAL TRAINING OF A TEACHER IN THE XXI CENTURY

N. K. Baklanova

*Doctor of Education, professor,
Institute of Psychology, Sociology
and Social Relations, Moscow City Teachers
Training University, Moscow, Russia*

P. A. Stepichev

*Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant professor,
Russian State Social University,
Moscow, Russia*

Summary. The article is dedicated to the development of creative professional orientation of students. The authors have developed a model describing the process of this development based on English language teaching, that included goals, conditions, educational technologies, methods, principles, criteria and indicators to estimate the level of creative professional orientation of students. The research based on the revealed criteria showed that the level of creative professional orientation is higher after the training.

Keywords: creative professional orientation; professional craftsmanship; creative potential; creative professional performance.

Let best of people be teachers

John Amos Comenius

The XXI century is the age of information and computerization, new technologies and changes in social and economic fields. Modern rapidly changing circumstances such as modernization of education and paradigm shift from knowledge oriented to competence oriented education as well as demands of market economy and competition require high qualification, developed creative abilities and professional skills. Professional craftsmanship of a teacher is especially significant in the context of market relations and tough competition as a precondition of getting a job, being

morally and monetary satisfied with the professional choice.

To be able to prepare a student for an autonomous life with all its difficulties and unpredictable changes, a teacher should be ready for nonstandard, creative, socially significant and optimal performance. It's not sufficient to have professional literacy to succeed in the field of teaching, it's essential to have professional craftsmanship.

As new fields in science and technology emerge only a creative personality with an ability to think outside the box, to risk, to take responsibility for one's decisions is capable of bringing to life new creative ideas thus achieving highly professional performance.

New goals of education, renewal of its content, forms and methods require

a teacher who possesses research skills, creative orientation and creative teaching style as only such teacher is able to create and bring to life new ideas.

We understand creative orientation of a teacher as a system of sustainable motives including creative professional interests, needs and values, defined by a creative potential of a person and reflected in his or her professional performance [5, p. 12]. Professional orientation of a person is viewed in the context of professional craftsmanship theory which novelty lies in the combination of the approaches of the Psychology of Personality and Activity Psychology. The theory considers professional craftsmanship as a holistic system, new quality level of professional performance, integrative quality of a personality, synthesis of professionalism, creativity and spirituality [3, p. 34–36].

Professional craftsmanship as a new quality level of professional performance is defined by the criteria of professional appropriateness, purposefulness, individual and creative orientation and rationality.

Professional craftsmanship as an integral quality of a personality corresponding the new level of its development is characterized by professional orientation, way of thinking, and self-consciousness which are at the same time parts of its structure.

Research on development of creative orientation of a teacher-to-be is conducted in the context of foreign language teaching. Creative orientation is viewed both as an integrative quality of a person and a new level of professional performance. It enabled us to reveal criteria and indicators and work out the model describing creative orientation development through the means of foreign language teaching.

The indicators for developed creative orientation are interest to profes-

sional creativity, perception of professional creativity as a value and an ideal of professional performance. The criteria are creative potential and creative professional performance.

To be able to build up creative orientation of teachers-to-be we needed to reveal their interests in the field of professional creativity, to estimate their perception of creativity as a value, to measure their creative potential and creativity level.

A variety of questionnaires was given to students majoring in foreign languages, primary school teaching, preschool education, history, geography, IT, philology and social education. The answers of students for the questionnaire on professional interests revealed mainly passive interest [5, p. 16]. The choice of values in Rokich questionnaire revealed that creativity is not included in top ten values. The priority is given to health, wealth and family leaving creativity behind. E. I. Rogova questionnaire on creative potential revealed the average level of it for most of the students except a few. Though low level of creative potential was also not revealed in the research. Torrance test of creativity thinking “Circles” showed the following results. One third of students showed high results in fluency, one fifth performed well in flexibility and just a few students were good at originality. As far as creative professional performance is concerned students also showed moderate results. Thus we can draw a conclusion that it’s essential to develop creative orientation as part of professional training of students.

To accomplish this goal the following tasks were given:

- create several oxymorons such as hot snow, square circle, etc.;
- create a fantastic plot (what would happen if...) and retell it from different perspectives;

- create a parody;
- creative a funny motto or a glossary on informal student terms.

The tasks provoked interest and contributed to creative orientation of students. The answers were quite creative and showed positive dynamics in the development of creative orientation of teachers-to-be.

A meaningful role in the development of creative professional orientation belongs to building up skills of autonomous performance. Analyzing the potential of modern multimedia means of teaching, K. V. Baklanov states that the most effective are such forms of autonomous learning that are related to applying IT technologies which are popular among teenagers. Using such methods provides motivation for studying and research thus developing creative qualities of a personality [2, p. 68–70].

The development of creative professional orientation of a teacher in our research was conducted through foreign language teaching, which included creative learning process organization, was based on the potential of the English language, its professionally oriented teaching. The technology integrated above mentioned creative tasks, specially designed games such as vocabulary gambling board games and communicative-oriented games and professionally oriented texts. The following forms methods and principles were used: dialogue and polylogue, open-ended questions, taking into consideration the potential of the text, organizing creative learning environment. The lessons were conducted in small groups which is a beneficial setting for creative development [7]. At the lesson methods of stimulation of creativity such as brainstorming, associations, 6 thinking hats by de Bono, essay writing [4], etc. were applied.

Our research revealed positive dynamics on such criteria as creative potential and creative professional performance and we also got positive results according to such indicators as interest to professional creativity, perception of professional creativity as a value, initiative, autonomous learning and productivity.

Thus our research let us reveal the conditions for successful development of creative professional orientation of a teacher. Among the most significant is building up learning environment that fosters creativity that is possible if we keep in mind the following conditions:

- let students be active and creative participants and co-creators of the lesson and extra-curriculum studies;
- focus content, forms, methods and means of learning on professional and creative development of a personality;
- create situations of success and positive emotional experience [1];
- give students sufficient amount of freedom in choosing content, forms and methods to build up their own learning agendas;
- apply IT technologies and computer-based tasks;
- focus on professional development.

The conditions can be applied in a variety on settings if we change the content of curriculum thus adopting these ideas to any other specialty where creative professional development is also needed.

Bibliography

1. Азатян С. А., Романенко О. С., Степичев П. А. Опыт развития творческого потенциала школьников на занятии иностранным языком // Современные гуманитарные исследования. – М., 2012. – № 3.
2. Бакланов К. В. Использование мультимедийных презентаций в процессе адаптации студентов – первокурсников к процессу

- обучения в вузе // Вестник Российского нового университета. – 2014. – Вып. 1. – С. 68–70.
3. Бакланова Н. К. Психолого-педагогические основы профессионального мастерства специалистов культуры художественного профиля : дис. ... д-ра пед. наук. – М. : МГУКИ, 1997. – 499 с.
  4. Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2 т. Т. 1. – М. : НИИ школьных технологий, 2006. – 816 с. – (Серия: Энциклопедия образовательных технологий).
  5. Степичев П. А. Формирование направленности педагога на профессиональное творчество в процессе обучения иностранному языку: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – М. : Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, 2010. – 24 с.
  6. Learning Teaching' Scrivener, Jim, Heinemann, 1994. – 431 p.
- Bibliography**
1. Azatyan S. A., Romanenko O. S., Stepichev P. A. Opyit razvitiya tvorcheskogo potentsiala shkolnikov na zanyatii inostrannym yazyikom // Sovremennyye gumanitarnyye issledovaniya. – M., 2012. – № 3.
  2. Baklanov K. V. Ispolzovanie multimediynykh prezentatsiy v protsesse adaptatsii studentov – pervokursnikov k protsessu obucheniya v vuze // Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. – 2014. – Vyip. 1. – С. 68–70.
  3. Baklanova N. K. Psihologo – pedagogicheskie osnovyi professionalnogo masterstva spetsialistov kulturyi hudozhestvennogo profilya : Dis. ... d-ra ped. nauk. – М. : MGUKI, 1997. – 499 с.
  4. Selevko G. K. Entsiklopediya obrazovatelnykh tehnologiy: v 2 t. T. 1. – М. : NII shkolnykh tehnologiy, 2006. – 816 s. – (Seriya: Entsiklopediya obrazovatelnykh tehnologiy).
  5. Stepichev P. A. Formirovanie napravlenosti pedagoga na pro-fessionalnoe tvorchestvo v protsesse obucheniya inostrannomu yazyiku: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata pedagogi-cheskikh nauk. – М. : Moskovskiy gosudarstvenniy gumanitarniy universitet im. M. A. Sholohova, 2010. – 24 s.
  6. Learning Teaching' Scrivener, Jim, Heinemann, 1994. – 431 p.

© Baklanova N. K., Stepichev P. A., 2016

Empirický a aplikovaný výzkum

Ekonomie

UDC 339.138

MARKETING RESEARCH IN INNOVATIVE DEVELOPMENT OF COMMERCIAL BANKS

M. Arifhodjayeva

*Researcher,
Tashkent State University of Economics,
Tashkent, Uzbekistan*

Summary. The article is about the formation and usage of bank innovations and introducing them into the activities of commercial banking system of Uzbekistan. The author tries to describe the commercial banking system in Uzbekistan and its place in the world banking system. She emphasizes the fact that nowadays there is no doubt *about* the close interaction of bank innovation potential and its competitive position. She points out the operative reaction to market tendencies, periodically orienting to bank-customers and forming its specified stimulus and constantly growing requirements conditioning a fast reaction to bank innovations. She makes reasonable conclusions which deserve attention.

Keywords: innovative technology; market share; cashless payment; bank services; accounts; bank products; bank management; economic growth.

Uzbekistan is one of the few countries of the world where state economic growth has been provided for the last years. For 2005–2012 periods the GDP annual growth rate is 7–8%. Great contribution in gaining such results has been paid by the Banking system. It is enough to say that the total capital growth of the banking system in 2012 was 24,3%. Nowadays, the sufficiency of capital level of Uzbekistan's banking system is – 24%, which is three times higher than Basel Committee Requisites on International bank monitoring which is – 8% [5].

Main points of the modern commercial banks development are:

a) the growth of cashless money circulation;

b) the growth rate of population demand for the bank services using plastic cards;

c) providing cashless payment;

d) new communication means in bank account management etc.

In such situation the main determinative factor providing the competitiveness of commercial banks is the strategic development program based on the formation and effective application of the innovative potential, including the development of new banking technologies, products and types of services. Realizing of such program must be carried on step-by-step in consideration of the existing banking management peculiarities, balancing the bank resources and the demands of current and potential bank -customers.

Stable and effective activity of commercial banks is the main point of their perspective development and a favourable condition for the country's economic development. It indicates the growth rate of the country's economy in whole. In order to improve the marketing conditions in banking system of Uzbekistan it is necessary to introduce innovative information technologies, state-of-the-art methods and modern management models, directed to the improvement of competitiveness. It is of special importance for achieving the long-term goals and stable development of commercial banks to introduce up-to-date innovative technologies which enable the Uzbekistan commercial banks improve and increase the efficiency of services, create competitive advantages and make the marketing share stable. The current situation of financial markets plays an immediate role and influences to the development of innovative banking technologies.

Innovation technologies of banking should be considered as a sum-total of all rules and methods of banking organization influencing to the bank development in all its spheres of activities and improving the effectiveness of its activities. Choice of any strategy, including the innovative strategy, implicates the individually organized house-holding mechanism providing its realization. Orientation (alignment) of the mechanism, especially its functioning and structure depends on the peculiarities of innovation processes mapped by the innovation typology advancing in the bank innovation activity. In order to elaborate the aims and the results of the innovation and choosing the approaches to it the innovation must be completely classified.

The formation of innovation activity during the development process and introduction of new bank products must consider the bank's mission and reflect

the specific features of its activities. It is necessary to single out the influencing part (aimed segment) and the kind of shaping activity direction, providing competitive advantage. Elaboration of innovative services must be based on the life cycle analysis of the product in consideration of peculiarities of bank activity; as well as in consideration the preference of bank-customers and the potentials.

Particular point of the case is the pricing peculiarities of the bank services, expressed by the dependent macroeconomic indicators fixed by government on state level. This reality makes the bank to seek new purposeful segments and expand the bank services. The actual problem of the present banking conditions is to provide a banking competitiveness. One of the main factors of successful banking activity is the policy of persistent innovation. World banking practice shows, marks out the following types of bank innovations, united by common aims:

- a) new services connected with the, development of financial markets;
- b) services connected with cash management;
- c) innovations in the traditional part of the loan-capital markets.

General categories of banking innovations reflect the most essential properties of particular types of bank products and services [1].

According to economic content innovations in banking sphere may be subdivided in two types: technological and productive. Technological innovations involve electronic money-order means and bank-cards; productive innovations involve – new bank products which are connected with bank operations and services as well as the traditional bank operations in the period of their development, either during the change of management conditions [3].

Commercial bank innovations may be either the creation of more sophisticated (elaborated) or new bank products which are able to satisfy customer's wants which hadn't been satisfied before or application of more sophisticated technologies for already existing products. Among the indispensable properties of the innovations such characteristics can be marked out: the novelty, which is able to satisfy market demand and commercial marketability. These points completely respond to the concept "bank product". As the concept "innovative activity of a bank" can be understood diversely it is necessary to clear up the concept "novelty" separately concerning to the introduction of new bank products. Thus, novelty can be any bank product independently developed (elaborated) by a bank in order to satisfy customer's wants and unprecedented in markets. Innovation can also be bank product which is being used by the bank in the range of other bank-services, introduced to new markets, as well as a bank-product implemented by the bank after analyzing the market and assessing the commercial marketability i. e. making a copy of already existing in the market bank-product. Innovation process comprises all the aspects of bank activity and it has cyclic character. Consolidating the facts of the innovation activity of commercial banks, it is necessary to mark out the definite regularities of their origin and implementation. It should be noted here that the problems of innovation management which become actual at definite stages of functioning of creditor are closely connected with the problems of strategic management. At present, development and creation of new bank products become actual strategic problems which are considered as conditions of stable and effective functioning of banks as well as its preserving and strengthening of competitive position. Aim defin-

ing process implicates the creation and determination of common guidelines of bank's innovation activities. The goals fixed by the bank determine the quantity and the nature of resulting innovative processes. Goals are subdivided into short-term goals and long-term goals. Long-term goals usually implicate the achievement of a stage of bank development determined by strategic tasks. Long-term goals usually comprise three-five-year period. Short-term goals vary depending on the tactic tasks of the bank. Their life-time may vary from one – two months to one – two years. Innovation activity practice shows that long-term goals are less elaborated at their start. They find their elaboration details at the last stages of goal-achievement. Long-term goals in contrast to short-term goals are submitted to correction occasionally during their achievement process.

Dominancy of any type of innovation determines the type and direction of bank's innovation strategy. In its turn bank-innovation typology permits to develop corresponding economic and managerial mechanisms as they are determined by the type of introduced innovation and by the chosen innovation strategy. In the case any bank in realizing process of systematic approach to define his innovation strategy gets the possibility(opportunity) of more exact market-positioning, defines the advancing forms and realizes its developments and products at markets which are variable for different innovation types. And, of course, the Bank must consider its innovation activity in consideration of the above mentioned principles and aspects of classification. Thus, in this way the strategic innovation management of the bank gains special currency in the process of commercial bank functioning which provides its innovation activity. By means of strategic management realization the problems:

a) at which stage are the innovation processes initiated?

b) what are the characters of innovation activities of banks?, will be solved [2].

Solution of tasks for successful and long-term services offered by the bank to customers bank-products demands analysis and prognosis of its possibilities at the moment and in perspective. Besides that the inner structure and the bank workmanship must be organized in the way in order to react quickly to variable market-situation and to the demands of bank-customers. All the above-mentioned bank constituents must be considered in the frame of bank business-plan and state bank's marketing activity position. At present a real revolution related with development and realization of long-term innovation have been taking place in the sphere of bank-marketing and selling activities. According to some assessment retail banks which are capable to realize innovation strategy in customer-servicing can increase profitability of their banking operations at a rate to one customer up to 50–100 % [4].

Bank marketing is a component of banking management and it is closely connected with the strategic development of the bank. The essence of strategic marketing in innovation activity is expressed in the bank-policy in which development, introduction and learning of new financial instruments are realized on the basis of preparatory marketing research. Marketing research makes the important (significant) part of the system providing the bank's innovation development. The information gained from the marketing research favour the development of adequate innovation strategy. The main result of marketing research is the information which helps to reveal the problems and opportunities directing to compile an innovation introduction program for dynamic bank-development.

Structural marketing research aimed at creating necessary reserve for organizationaleconomic innovations must be carried on by the help of economic-statistical models. Modeling capability depending on the market capacity rate of macroeconomic parameters are provided by forecasting model factors. These factors permit the certain-service supplying banks to reveal the influence rate of independent factors to the market capacity rate, sales prognoses, to forecast the variation scales and the length of life cycle stages of the innovation and as a result to tap an adequate market innovation strategy.

Modern organizational-economic innovations in the sphere of marketing can't be realized without information technologies [IT]. Marketing IT – E-marketing is directed upon forming a developed data base containing information about the acting and potential *customers*, about the interaction experiences with them. Such data base permits to make the customer-service individual, makes the innovation targeted. And, in its turn such data-base created in frame of bank information system is of great interest for the bank customers as an inquiry system. It permits to save, to process and use the information in every case in interaction with customers with low expenses.

Preference on the results of market structure research should be given to that direction of innovative development which favors the formation of new markets of bank-product realization and provides the efficiency increase. Market concentration level *must* guarantee that volume of new product sale which provides an effective functioning of sales network. The structure of the bank-product line is considered optimal if it creates bank conditions for realizing the new bank-products alongside with the formation of well-functioning traditional markets.

Thus, the formation and usage of bank innovations are very complicated and complex problem which comprises all functioning aspects as: planning, project developing, marketing and production. Nowadays there is no doubt *about* the close interaction of bank innovation potential and its competitive position. Modern bank reacts operatively to market tendencies, periodically orienting to bank-customers and forming its specified stimulus and constantly growing requirements conditioning a fast reaction to bank innovation. Nowadays, practically any bank faces the problem of immediate and resolute initiatives directed to innovative processes and their management, because the very position, alongside with other problems, is the criterion point of bank survival at markets.

Bibliography

1. Баришева А. В. Инновации. – М., 2006.
2. Сиразиева Л. С. Инновационная составляющая деятельности кредитных организа-

ций // Проблемы современной экономики. – 2007. – № 4. – С. 222–226.

3. Викулов В. С. Типология банковских инноваций // Финансовый менеджмент. – 2004. – № 6. – С. 12–19.
4. Гадисова Т. М. Внедрение инновационных стратегий и технологий как фактор достижения успеха коммерческих банков // Креативная экономика. – 2011. – № 10(58). – С. 98–102.

Bibliography

1. Barisheva A. V. Innovatsii. – M., 2006.
2. Sirazieva L. S. Innovatsionnaya sostavlyayuschaya deyatelnosti kreditnykh organizatsiy // Problemyi sovremennoy ekonomiki. – 2007. – № 4. – S. 222–226.
3. Vikulov V. S. Tipologiya bankovskikh innovatsiy // Finansovyy menedzhment. – 2004. – № 6. – S. 12–19.
4. Gadisova T. M. Vnedrenie innovatsionnykh strategiy i tehnologiy kak faktor dostizheniya uspeha kommercheskikh bankov // Kreativnaya ekonomika. – 2011. – № 10(58). – S. 98–102.

© Арифходжаева М., 2016

Filologické vědy

УДК 82-193.7

О РИФМЕ ЛИРИЧЕСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ ТЮРКСКО-МАНИХЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СРЕДЫ

Р. А. Алимухамедов

*Преподаватель,
Ташкентский государственный
институт востоковедения,
г. Ташкент, Узбекистан*

ABOUT THE RHYME OF LYRIC POEM FROM TURKIC-MANICHAEAN LITERARY ENVIRONMENT

R. A. Alimukhamedov

*Teacher,
Tashkent State Institute
of Oriental Studies, Tashkent, Uzbekistan*

Summary. Turkic-Manichaeic literary environment is not so rich by works as a Turkic-Buddhist literary environment. But it has own specialities. One of them is the first lyrical poem in the history of Turkic written literature. This poem belongs to Aprinchur tigin, who lived and created in this period. This article is devoted to the rhyme of this lyrical poem. There are many opinions about the rhyme of the poem. They vary in interpretation. One of the differences is the breakdown of the verse in the ranks. All the scientists gave their arguments on the basis of the condition of manuscript, and placing it in the text. In the article all these interpretations are analyzed and given conclusions. Results of this article can be used in the study and definition of ancient Turkic poetry.

Keywords: Manichaeism; old Turkic-Manichaeic poems; kug; taghshut; interpretation of the poems; Aprinchur tigin; Kul Tarkan.

Древнетюркское стихосложение имеет давнюю историю. Самые старые стихотворения на древнетюркском языке создавались в тюркско-буддийской, тюркско-манихейской, тюркско-нехристианской среде. Тюркско-манихейская эпоха не так богата поэтами, как тюркско-буддийская среда, но и она дала таких поэтов, как Апринчур Тигин и Кул-таркан [1, с. XX–XXI; 4, с. 50].

Апринчур Тигин является одним из популярных поэтов тюркско-манихейской эпохи. До нас дошли стихотворения религиозно-философского и лирического содержания. В настоящее время рукопись его стихов (Т. М. 419) хранится в фонде рукописей Берлинской акаде-

мии и включает в себя стихотворение-восхваление (мадхия) и стихотворение лирического характера.

В данной статье мы будем рассматривать рифмовку лирического стихотворения Апринчур Тигина.

По мнению турецкого тюрколога Шинаси Текина, стихи Апринчур Тигина относятся к восьмому или девятому веку н. э. [2, с. 227]. Ниже мы приводим полный транскрипционный текст стихотворения (стихотворение взято из изданий: Arat R. R. Eski türk şiiri. Ankara : Türk tarih kurumu basımevi, 1991. с. 18–21; Содиков Қ. Қадимги турк фалсафаси. Тошкент, 2008. с. 48–50).

Транскрипция

Перевод¹*adruq öz- ...**Самая избранная ...**... yüzlügüm ...**... луноликая ...**adinçığ amraq ...**Несравненна и любима ...**amraq özkiäm ...**Люблю тебя, моя душа ...**qasınçığımın ö[yü] qadğurar-men
qadğurduq[ça] qaşı körtläm
qavişışayur-men**Думая о страданиях, переживаю,
Переживая о тебе, вспоминаю и хочу
быть с тобою одной, чернобровая
моя.**öz amraqımın öyür-men öyüevirür-men**Думая о своей возлюбленной, забываю обо всем,**ödü ... çün öz amraq[ımın] öpügsäyür-men**Вспоминая-думая ... хочу поцеловать
свою любимую**barayın tisär baç amraqım
baru yimä umaz-men bağırsaqım**Хочу я дойти до любимой моей
Но, боюсь, не дойду до желанной своей.**kiräyin tesär kiçigkiäm
kirü yimä umaz-men kin yipär yüdligim**Хочу я войти, любовь моя
Но не могу шагнуть, моя благоухающая
мускусом**yaruq täñrilär yarlıqazun
yavaşım birlä yaqışipan adrilmalim**Пусть светлые боги благословят,
Пусть будем вместе и не расста-
немся с любовью,**küçlüg priştilär küş birzün**Пусть могущественные ангелы
дадут нам силу**közi qaram birlä külüşügün oluralim**Седеть, смеясь и радуясь с моею
черноглазю*

Впервые об этом стихотворении упоминает немецкий тюрколог А. Ф. Лекок в своей статье, изданной в 1919 году, в котором он дает транскрипцию и перевод стихотворения [6, с. 288]. Его исследование нам недоступно, поэтому мы не можем его проанализировать. Следующий издатель этого лирического стихотворения – Г. Шедер – в дополнениях к своему исследованию дал транскрипцию текста на основе публикации Лекока, расположив текст двустихиями. Г. Шедер не занимался специально стихотворной формой произведения и остановил свое внимание на ней в связи с содержанием, которое

он исследовал в целях обнаружения истоков мистики в поэзии.

Именно разбивка текста на стихотворные строки явилась спорным моментом в изучении стихотворения и особенно заинтересовала ученых [6, с. 288].

Турецкий тюрколог Р. Р. Арат в своей книге, посвященной старотюркскому стихотворению, дает его полное описание, транскрипцию и перевод стихотворения на турецкий язык. Произведение было написано на бумаге на староуйгурский письменности. Размеры бумаги 24×15,5 см. Верхняя часть бумаги истребана, поэтому начало стихотворения

¹ Перевод сделан автором статьи.

восстановлено неполностью. На лицевой стороне бумаги написано восхваление Мани, а на обратной стороне – стихотворение вышеуказанного автора, но в другом стиле, то есть лирическое стихотворение. По поводу автора здесь написано следующее: [tükä]d[i Aprin] čur-tigin [...] – закончено [...] *Aprinčur Tugina*. Р. Р. Арат не учитывает первые две строки, которые мы дали в тексте стихотворения, т. е. он рассмотрел 21 строку в виде трёхстиший. Автор статьи делит каждую строку на слоги, однако на каждой строке выходят разномастные слоги: с четырехсложного до одиннадцатисложного. Автор отмечает, что в этом стихотворении вместо рифмы наблюдается вертикальная аллитерация, но не в конце ряда, а в начале, то есть рифмуются начальные слова. Р. Р. Арат полагает, что это стихотворение может быть самым первым лирическим стихотворением в истории тюркского стихосложения.

Известно, что в стихотворении самым важным элементом является рифма. В старотюркском стихосложении ударение падает на первый слог слова, составляющего рифму. Таким образом, в старотюркских стихах первые слова служат для рифмовки стихотворения [1, с. 18–19]. С Р. Р. Аратом можем согласиться в плане рифмовки слов, но не рифмовке всего стихотворения.

С разбивкой этого стихотворения с Р. Р. Аратом не согласился Ш. Текин, который разделил текст на шесть четверостиший [6, с. 288]. Наиболее серьезную статью, посвященную этому стихотворению опубликовал Т. Ганджеи. Он разделил текст на три четверостишия и научно обосновал это разделение. Он считал, что предложения должны быть расположены двустишиями на основе параллелизма между каждым высказыванием, а затем двустишия следует объединить в катрены с соблюдением строфической аллитерации в смежных строках. Ш. Текин не согласился

с доводами Т. Ганджеи, отстаивая свое разделение текста. По поводу взглядов Ш. Текина выступил с разъяснениями О. Ф. Серткай. Самая последняя турецкая работа об этом стихотворении принадлежит Т. Текину, который воспроизводит текст в разбивке Ш. Текина, но делает перестановку слов в строках первого четверостишия [6, с. 288].

В своем исследовании, посвященном стихотворению И. В. Стеблева излагает следующее: “Споры о вариантах разделения текста на стихотворные строки вызваны тем, что он был записан как прозаическое сочинение. К тому же стихотворение оказалось построенным столь искусно в звуковом отношении, что допускает разные возможности расположения текста. Поскольку в ритмическом отношении оно не силлабическое, а относительно равносложное (от 8 до 14 слогов в строке), то главным мерилom для исследователей становится строфическая аллитерация (в начале стихотворных строк). Искусство его создателя было так высоко, что наряду со строфической аллитерацией он употребил богатую междусловную аллитерацию. Если ориентироваться на нее, то становится возможным выделить из предложений синтагмы с начальной аллитерацией, т. е. разбить предложения так, чтобы получились три строки (как это сделал Р. Р. Арат) или четыре (как у Ш. Текина). Следует сказать, что аллитерация в разбивке текста у Арата и Текина более интересная, чем у Т. Ганджеи, так как там аллитерируют все строки в строфах: ааа, ббб, и т. д. (у Арата), аааа, бббб (у Текина). Несмотря на это, думается что более прав Т. Ганджеи, хотя в звуковом отношении текст в его разбивке выглядит несколько скромнее: аабб и т. д. Прав же Ганджеи потому, что, разделяя текст на стихотворные строки, он исходит прежде всего из его смыслового содержания. Действительно, стихотворение содержит параллельные высказывания,

заклученные в повторяющиеся синтаксические конструкции, и этим обстоятельством нельзя пренебрегать. Отказ же от эффектной сплошной аллитерации в начале стиха (столь характерной для четверостиший из “Большого гимна к Мани”) компенсируется богатейшей междусловной аллитерацией, подчеркивающей ритм стиха внутри стихотворных строк”. Ритмическая и звуковая организация стихотворения является более упорядоченной, особенно в области аллитерационной системы. Последовательно проведена междустиховая аллитерация, охватывающая по две стихотворные строки, ярко выражена междусловная аллитерация, имеются и рифмиды [6, с. 288–289]. Данное мнение госпожи Стеблевой дает нам более глубокое разъяснение рифмовки этого лирического стихотворения. Она, опираясь на разбивку стихотворения господином Ганджеи (три сохранившихся четверостиший и одна испорченное в начале), приводит свой перевод данного текста [6, с. 289].

В своем толковании этого стихотворения Л. Ю. Тутушева считает, что стихотворение посвящено земной любви и может быть расценено как первое известное лирическое стихотворение на тюркском языке. Оно, в отличие от других, написано трехстишиями с рифмующимися соответственно строками двух соседних трехстиший [7, с. 241–242]. Можно согласиться с мнением автора статьи по поводу первого лирического стиха, так как очень трудно, почти невозможно найти среди этих (буддийских, манихейских) эпох такое лирическое стихотворение.

Узбекский тюрколог К. П. Садыков о рифме стихотворения дает другой вариант толкования. По его версии, стихотворение рифмовано в форме четверостишия и стих составляет 16 рядов. Рифма основана на аллитерации первых слов стихотворения [3, с. 48–49].

Размер этого стихотворения не похож на стихотворный размер бармак или аруз. Стихотворный размер бар-

мак основан на одинаковом количестве слогов в каждой строке, а аруз основан на определенном чередовании долгих и кратких слогов. Это указывает на то, что стихотворные произведения, написанные до X века нашей эры, имеют свои стихотворные размеры.

Стих можно отнести к лирическому, так как идет мысль о возлюбленной. Влюбленный, раскрывая свои чувства к возлюбленной, говорит, что он хочет быть с ней, говоря, как она красива и привлекательна. В последних строках приведены имена манихейского бога *yaruq täñrilär* – светлый бог (бог солнца). Это говорит о том, что стихотворение написано на манихейской среде.

Исследователь тюркских стихов И. В. Стеблева в своей книге описывает развитие тюркского стихотворчества таким образом: «Практика исконного тюркского стиха знала только один принцип воспроизведения – пение и речитатив. ... путь развития тюркоязычного стиха скорее всего таков: от тонико-темпорального стиха эпохи рунического письма, регулируемого временем стопы-такта, к силлабо-метрическому стиху классической тюркоязычной поэзии» [5, с. 26]. Анализ вышеуказанного примера позволяет нам отнести его ко времени «... регулируемого временем стопы-такта». В добавление к этим нормам можно еще сказать следующее: «В поэтических произведениях древнеуйгурских авторов наблюдается большое разнообразие стихотворных размеров, по-своему разработанная и развитая техника стиха. В них используются разные типы рифм (смежная, перекрестная, опоясывающая и др.), вертикальная и горизонтальная аллитерация, реди́ф, рефрен и т. п.

Но едва ли не самой характерной для древнеуйгурских стихотворных произведений, начиная с древнейших ее образцов, является начальная вертикальная аллитерация, нередко переходящая в начальную рифму. Конечная рифма является в меньшей степени

строгой, имеет зачаточный (аффиксальный) характер и вытекает из синтаксического параллелизма, но проследживается тенденция к введению более сложных форм рифмы, использованию редифа. Эти факты в какой-то мере свидетельствуют в пользу того мнения, что начальная аллитерация в тюркском стихе – явление более древнее, чем конечная рифма» [7, с. 236–237]. Эти правила относятся ко всем стихотворным произведениям вышеуказанной эпохи. Однако, каждое лирическое произведение имеет свою характеристику: например, гимны, посвященные Мани и другим святым, имеют специфическую особенность – рефрен.

Мы считаем, что стихотворение состоит из 16 рядов и имеет рифму в начале и в конце ряда. В арузе аналогично с “махдлуб кофия” в зулькафиятайн, рифмующиеся слова стоят в начале и в конце ряда [9, с. 36]. Стих рифмован в форме четверостишия. Если смотреть рифмовку стиха с начальных слов, то можно сделать такой вывод: в первом четверостишии все ряды рифмованы между собой: 2, 3, 4 четверостишия рифмованы в виде смежной рифмы. А если наоборот, то есть рифмовать конечные слова, то можно прийти такому выводу: по поводу первого четверостишия нельзя сделать вывод, так как окончания в этом ряду отсутствуют, во 2 и 3 четверостишии ряды рифмованы между собою. 4 четверостишие рифмовано с помощью перекрестной рифмы.

Мы полагаем, что этот стих можно отнести к аллитерационному стиху [8, с. 26–27], потому что в стихотворении аллитерация стоит на первом месте.

Таким образом, изучение тюркско-манихейской среды позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Древнетюркское стихосложение опирается на аллитерацию слов.
2. Вышеуказанное стихотворение, безусловно, можно отнести к первому имеющемуся лирическому стихотворению, написанному на тюркском языке.

3. В древнетюркско-манихейской среде стихи называли куг (*küg*) – “гимн”, такшут (*taqşut*) – стих.

4. Дальнейшее тщательное изучение стихотворных произведений тюркско-манихейской среды даст нам новые и точные сведения о стихосложении древнетюркских стихов.

Библиографический список

1. Arat R. R. Eski türk şiiri. – Ankara : Türk tarih kurumu basimevi, 1991.
2. Ercilasun Ahmet B. Türk dili tarihi. – Ankara, 2008.
3. Содиқов Қ. Қадимги турк фалсафаси. – Тошкент, 2008.
4. Содиқов Қ. П. Уйғур ёзуви тарихи (манбашунослик ва китобат тарихи масалалари). – Тошкент, 1997.
5. Стеблева И. В. Поэзия тюрков VI–VIII веков. – М., 1965.
6. Стеблева И. В. Стихи и время // Сад одного цветка. – М. : Издательство «Наука», 1991.
7. Тутушева Л. Ю. Поэтические памятники древних уйгуров // Тюркологический сборник 1972. – М. : Издательство «Наука», 1973. – С. 238–242.
8. Хатамов Н., Саримсаков Б. Русско-узбекский толковый словарь литературоведческих терминов. – Ташкент, 1983.
9. Ҳожиаҳмедов А. Шеър санъатларини биласизми? – Тошкент, 2001.

Bibliograficheskiy spisok

1. Arat R. R. Eski turk siiri. – Ankara : Turk tarih kurumu basimevi, 1991.
2. Ercilasun Ahmet B. Turk dili tarihi. – Ankara, 2008.
3. Sodikov K. Kadimgi turk falsafasi. – Toshkent, 2008.
4. Sodikov K. P. Uygur Yozuvi tarihi (manbashunoslik va kitobat tarihi masalalari). – Toshkent. 1997.
5. Stebleva I. V. Poeziya tyurkov VI–VIII vekov. – M., 1965.
6. Stebleva I. V. Stih i vremya // Sad odnogo tsvetka. – M. : Izdatelstvo «Nauka», 1991.
7. Tugusheva L. Yu. Poeticheskie pamyatniki drevnih uygurov // Tyurkologicheskiy sbornik 1972. – M. : Izdatelstvo «Nauka», 1973. – S. 238–242.
8. Hatamov N., Sarimsakov B. Russko-uzbekskiy tolkovyy slovar literaturovedcheskih terminov. – Tashkent, 1983.
9. Hozhiahmedov A. She'r san'atlarini bilasizmi? – Toshkent, 2001.

© Алимухамедов Р. А., 2016

**SUGGESTIVE MARKERS
OF DIAGNOSTIC STRATEGY IN MEDICAL DISCOURSE**

N. V. Goncharenko

*Candidate of Philological Sciences,
senior lecture,
Volgograd State Medical University,
Volgograd, Russia*

Summary. This article discusses the questions of effectiveness in speech communication in the field of medical discourse. A dialogue between a doctor and a patient is considered to be the leading method of diagnostics. The usage of special interviewing techniques through various suggestive questions becomes one of the effective tricks of suggestive influence of doctor's speech in medical discourse. A variety of suggestive questions that arise in the course of the conversation between a doctor and a patient and the presentation of patients' complaints are considered in this paper as well. All of this contributes to the successful course of the dialogue in medical discourse.

Keywords: medical discourse; suggestive influence; suggestive questions; communicative strategy; interviewing techniques.

Professional experience of the doctor is not only the usage of medical technology, but also the particulars of doctor's personality and a number of communication skills, which allow to provide suggestive impact on the patient, create a relationship of trust between a doctor and a patient and lead to better therapeutic outcomes [1, 2, 4].

A dialogue between a doctor and a patient begins with medical diagnostics. To do the diagnostics means to recognize that in medical discourse is to define a disease on the basis of the thorough examination of the patient.

It is known that diagnostic strategy includes personal acquaintance of the doctor with the patient, an external examination of the patient, doctor's acquaintance with patient's complaints, collecting of his medical anamnesis (the learning of the patient's conditions of life, his earlier disease setting, whether the disease is hereditary and etc.), the collection of objective data on the physical health of the patient (cardiography, X-ray, blood pressure measurement, blood tests, etc.).

It is obviously that diagnostic strategy is informative strategy. A dialogue between a doctor and a patient is considered to be

the leading method of diagnostics (collection of anamnesis). A method of obtaining of information can be verbal (questioning of the patient, a variety of probing questions that arise in the course of the conversation and the presentation of complaints by the patient) and non-verbal (examination of the patient) [1, p. 123].

Collecting information usually starts with verbal communication, with the interrogation of the patient. In the process of verbal communication, the doctor gradually reduces physical distance: at some point of the conversation he leans closer to a patient or touches a patient's hand, avoiding sudden movements and rough touches. Thus, by giving the patient an opportunity to get used to reduction of interpersonal distance, the doctor prepares him for physical contact (palpation, percussion, auscultation).

As we see it, the medical checking up of a patient associated with physical contact, becomes easier if it is naturally included in the process of verbal communication. The process of obtaining information about a patient requires from a doctor the ability to formulate questions. The function of impact as an integral component

of the suggestive function of interrogative sentence is implemented in achievement of a verbal response received as a response to a question. Above all, suggestive nature of questions is expressed by mandatory programming of the replica-response where the regulation is achieved due to the fact that the recipient has to give an answer (forced to answer) the question. Programming of the answer is one of the strategic objectives of the speaker with the help of which he forces the listener to continue the dialogue in the needed direction for himself.

An important point is that doctor's questions can be divided into close-type and open-type [3, 4]. So far as it is known, close-type questions are used to obtain specific information and usually assume the answer in a nutshell, confirmation or denial. For example: *"Do you have a headache?"*, *"When do you often have a cough, in the morning or in the evening?"*, *"Do you often have tonsillitis?"*, *"Is it difficult for you to breathe through the nose?"* and so on.

At our best guess, open-type questions allow to receive more deep, detailed answers, may include not only a description but also evaluation of symptoms, their subjective meaning for the patient, further details and data: *"Give me more details about the pain"*, *"What is the difficulty in your breathing?"*, *"What are you doing to relieve their condition?"*, *"What do you gargling with?"*.

It is vital to note that frequently Doctor's questions are similar to a clue, i. e. have a suggestive character: *"Does the pain irradiate to the left arm?"*, *"Do you have shortness of breath when walking?"*, *"What kind of pain do you have, sharp or blunt?"*, *"Do you associate deterioration of health with the lifting of heaviness or only with a change of the weather?"*, *"Do the pain increase on swallowing?"*. Therefore, interviewing techniques applied by a doctor may be the way of suggestive influence in diagnostic strategy of medical discourse.

To determine the degree of suggestiveness in the formulation of the question, let us consider the typology of questions proposed by Ernst Kretschmer, a German psychologist [3]. The author identifies four types of questions, which read as follows:

1. *Please tell me what brought you here.*
2. *Have you any pain or not?*
3. *Do you feel any pain?*
4. *You feel pain, isn't it?*

The author calls type 1 – question is devoid of suggestive tone, type 2 is the alternative wording of the question, type 3 is a passive suggestive question and type 4 is an active suggestive question [3].

According to the researcher, the first form of the question has a great advantage that creates an entirely free-of-bias-state of mind of the patient. But it seems to us, the disadvantage of this statement is that surveys of this type take quite long time, patients have unlimited opportunities to speak, mentioning the important things with many unimportant ones, and sometimes even forget to tell about the important ones. The author notes that the question of an alternative type 2 has the great advantage that it absolutely restricts the topic, saves time and allows the physician to bring the patient to needed condition for certain diagnostic questions. The doctor avoids deliberate suggestiveness by providing equal emphasis on both parts of the question. Intensive focus of the first part of the question can make the patient to think that the doctor does suggest severe pain to him. More favorable is polynomial elaborated formulation of the question, for example: *"What kind of pain do you have: pressing, compressing or piercing?"*, *"If you are being late, can you run till the bus stop or quickly cross the street?"*. Another question: *"What disturbs: you get tired or feel pain in legs, or shortness of breath occurs, or the heart begins to beat?"*.

According the author's opinion, some suggestive element is enclosed in each alternative question, as the physician uses it to direct patient's attention to a certain

point [3]. We agree with the researcher, that the third type of question contains an obvious suggestive moment. Under the influence of passive suggestive question, the patient may think that pain is included into the picture of the disease, and that he should be polite enough to respond positively in this sense, even if he does not feel any pain or pain is not significant. This type of question can easily persuade the patient to answer simply “yes”, but the question: “*Do you have nothing hurts?*” to answer “no”. Every time impressively asked alternative question is forcing the patient to concentrate. It should be noted that alternative questions are particularly valuable because they allow us to avoid wrong answers or misunderstanding caused by suggestion.

Finally, the researcher calls type 4 is an active suggestive question which has largely psychological characteristics of type 3, and suggests a very compulsive positive statement of a question [3].

In our view it is essential that these characteristics should be taken into account when the doctor has to deal with patients with a high degree of suggestibility and shyness, so a doctor determines the choice of a particular method of questioning according to the communicative peculiarities of patients. Depending on the available time, the doctor gives the patient the opportunity to speak freely or puts alternative questions for short. Intentionally a doctor does not use a passive suggestive question (type 3) often, because it is associated with some disadvantages and has no advantages. A doctor does not use active suggestive question hastily but uses it quite intentionally for certain indications: “*Do you hurt so much when I bend your leg?*”, “*Do you feel pain when I’m here to press?*” Or: “*Does the pain disappear when I lift the leg in the calm extended*

state?”. A doctor encourages a patient to certain answers by asking these questions.

To sum it up, we conclude that the knowledge of interviewing techniques and the ability of a doctor to conduct an active dialogue, to articulate meaningful questions, to ask suggestive and clarifying questions, to lead responses of a patient into the right direction, to concentrate his attention, to suggest a patient necessary information, all of these contribute to the successful course of the dialogue and the implementation of suggestive influence of communication in the medical discourse.

Bibliography

1. Гончаренко Н. В. Суггестивные характеристики медицинского дискурса. – Волгоград, 2015. – 224 с.
2. Жура В. В. Принципы организации «медицинского интервью» // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. – 2005. – № 4. – С. 60–62.
3. Кречмер Эрнст. Суггестивные вопросы // Медицинская психология. – URL: <http://www.psychiatry.ru/lib/53/book/53>.
4. Mishler E. The Discourse of Medicine: Dialectics of Medical Interviews (Language and Learning for Human Service Professions). Norwood. – N.J. : Ablex, 1984. – 241 p.

Bibliography

1. Goncharenko N. V. Suggestivnyie harakteristiki meditsinskogo diskursa. – Volgograd, 2015. – 224 s.
2. Zhura V. V. Printsipyi organizatsii “meditsinskogo intervyyu” // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta. – 2005. – № 4. – S. 60–62.
3. Krechmer Ernst. Suggestivnyie voprosyi // Meditsinskaya psihologiya. – URL: <http://www.psychiatry.ru/lib/53/book/53>.
4. Mishler E. The Discourse of Medicine: Dialectics of Medical Interviews (Language and Learning for Human Service Professions). Norwood. – N.J. : Ablex, 1984. – 241 p.

© Goncharenko N. V., 2016

УДК 81'37

**ПОЛЕВАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА ОСЕНЬ/AUTUMN
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ
(НА ОСНОВЕ ДАННЫХ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)**

Е. А. Грудева

*Кандидат филологических наук,
Ставропольский государственный
аграрный университет,
г. Ставрополь, Россия*

**FIELD MODEL OF THE CONCEPT ОСЕНЬ/AUTUMN IN RUSSIAN
AND ENGLISH LANGUAGES (ON ASSOCIATION EXPERIMENT DATA)**

E. A. Grudeva

*Candidate of Philological Sciences,
Stavropol' State Agrarian University,
Stavropol, Russia*

Summary As any comparative study, the study of the concepts is aimed at identifying distinctive features of the object. Ethno-specificity may be a sign that formed the basis of the nomination, that is an internal form of the name and might be viewed in stereotyping models of perception and behavioral reactions, reflected in the semantics of the concept. Ethno-specificity of the concept in the context of cross-language mapping gives grounds to consider it as a unit of national mentality, different from the mentality as a general totality of the features of the national character. The work describes the concept *autumn* in multilingual cultures in cognitive-linguistic aspect, undertakes the attempt to create the field model of the Russian concept *осень* and the English concept *autumn* in terms of the core, base layer and periphery, and analyzes the representation of the said concept in the language consciousness of the Russian and English languages native speakers.

Keywords: field model; core; base layer; periphery; association experiment; language image; notional component; figurative component.

В данной статье, на основе полевой модели концепта, предложенной З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, рассматриваются русский концепт *осень* и английский концепт *autumn* в терминах ядра, базового слоя и периферии. При построении данной модели и изучении и описании ядра, базового слоя и периферии концепта *осень/autumn* использовались данные ассоциативного эксперимента.

Поскольку, согласно И. А. Стернину, в ядре концепта заключен чувственный образ, который кодирует концепт как мыслительную единицу в универсально-предметный код, но-

сящий индивидуальный чувственный характер [4, с. 58], то для того, чтобы выявить чувственно-образное ядро концептов, чаще всего используются психологические методы.

Проведенный нами эксперимент включал в себя 4 части и был построен таким образом, что задания каждой части последовательно раскрывали структуру данных концептов, описываемую в терминах ядра и базовых слоев. Подобная методика моделирования и исследования концепта наиболее полно отражает и раскрывает исследуемый концепт и позволяет выявить его национальные характеристики.

Для того чтобы выявить современную образную составляющую **ядра** концепта осень/*autumn* мы попросили испытуемых описать наиболее яркий образ, который возникает у них при слове «осень» и «autumn». В результате эксперимента выяснилось, что осень у русскоговорящих респондентов ассоциируется, в первую очередь, с дождем (93 %), а у англоязычных – с листопадом – *foliage* (96 %). Следовательно, **ядром** современного русского концепта осень можно считать образ дождя, английского концепта *autumn* – образ листопада – *foliage*.

Базовый слой концепта осень/*autumn* был выявлен путем анализа образной и понятийной составляющих.

Образная составляющая. Языковой образ – это та категория языкового сознания, в контексте которого он вступает в новые ассоциативные отношения, необходимые для языкового моделирования того или иного феномена национальной культуры, для формирования языковой картины мира в виде образных представлений. В ходе опроса были получены общие для русского и английского восприятия стереотипные чувственно-визуальные образы (93 %). Так, во многом совпала группа ассоциат, характеризующих осеннее время года и присущие ему температурные и атмосферные явления: дождь/*rain*; листопад/*fall of the leaves*; туман/*mist, fog*; холод/*cold*; ветер/*wind*; слякоть/*slush*; серое небо/*gray sky*; теплая одежда/*warm (wool) clothes*.

Частично совпали группы ассоциат (3 %), характеризующие деятельность человека в данное время года: начало учебного года/*school starting*; образы растений: яблоки/*apples*; *autumn flowers*/осенние цветы и цветочные ассоциаты: желтые, красные листья/*red, yellow leaves*.

4 % ассоциат являются специфическими. Среди типичных «русских» образов можно выделить такие как небо свинцового цвета, грязь, 1 сентября (ассоциата начало учебного года свойственна английскому менталитету тоже, однако календарная дата встречается только у русскоязычных опрошенных), а также ассоциаты работа на огороде (даче), домашние заготовки.

Среди типичных образов, возникающих в английском языковом сознании и не встречающихся у русскоязычных испытуемых, особое место занимают те, которые имеют отношение к праздникам: *pumpkin* «тыква», *turkey* «индейка», *Halloween* «Хеллоуин», *Guy Fawkes night* «ночь Гая Фокса», *Thanksgiving* «день Благодарения».

Необходимо также отметить, что группа цветочных ассоциат и ассоциат, выражающих эмоциональное отношение человека к осени, гораздо шире представлена у русскоязычных респондентов, чем у англоязычных, что говорит о большей восприимчивости русского человека к окружающему миру и подтверждает идею А. Вежицкой о том, что «русская культура относит вербальное выражение эмоций к одной из основных функций человеческой речи <...>. При этом русский язык имеет исключительно богатый репертуар лексических и грамматических выражений для разграничения эмоций и придания особой окраски межличностным отношениям» [1, с. 43].

Понятийная составляющая. Сравнив словарные дефиниции толковых словарей и определения, предложенные носителями языка, можно сделать вывод, что когнитивные признаки, образующие понятийную зону концептов осень и *autumn* в словарных определениях, достаточно

редуцированы, поскольку включают в себя компоненты только природного характера, в то время как психологическое значение содержит компоненты как природного, так и антропоцентрического характера, такие как «эмоциональная характеристика времени года» и «деятельность людей», а также «цветовую» характеристику времени года.

В целом основные (базовые) когнитивные признаки концепта осень/*autumn* у русско- и англоязычных респондентов схожи: данное время года вызывает амбивалентную эмоциональную окраску – самое красивое время года/*most beautiful season*; депрессия/*depression*; умиротворение/*relaxation*; скука/*dull*. Деятельность людей в данное время года также во многом совпадает – начало учебного года/*school starting*, работа в саду/*work in the garden*, хотя именно этот когнитивный признак ярче всего показывает отличия в сознании представителей разноязычных культур: сюда можно отнести такие типично русские ассоциации как домашние заготовки, 1 сентября и присутствие в большей степени носителям английского языка ассоциации *lazy days in front of a fire* «ленивые дни перед камином», *home cooking* «готовим дома», *fair* «ярмарка», *holidays* «праздники».

К **периферии** концепта мы отнесли оценочную составляющую, которая является наиболее значимой в определении национально-культурной специфики концептов, поскольку включает в себе понятия, образы и оценки современных носителей языка.

Обобщив данные ассоциативного эксперимента, как свободного, так и направленного (проводимого нами с целью выявления образной и понятийной составляющих концепта),

можно сделать выводы о том, что концепт осень в сознании **носителей русского языка** имеет амбивалентную оценку ((очень) люблю осень – не люблю осень). Свидетельством этому могут служить эмотивные характеристики, предложенные нашими респондентами. Так, прилагательные и наречия, используемые при описании данного времени года, отражают как положительную, так и отрицательную оценки: золотая (осень, пора), золотые (листья), прекрасно, приятно, красиво, поэтично, здорово, прекрасное (время года), (воздух) особенный, уютное (чувство); унылая, печальная (пора), темно, холодно, дождливо, грустно.

Существительные, характеризующие осень, также вызывают как положительные, так и отрицательные эмоции: унылая пора, очей очарованье; в осеннем засыпании природы есть особая прелесть; осень – это часто кризис; осень – подготовка к смерти; осень – подъем; осень – перемены; погружение в себя; внутренний покой; меланхолия.

Глаголы, характеризующие природные явления и деятельность людей в это время года, в основном несут положительную характеристику: дожди барабанят по крышам, на воде круги расходятся от капель, а потом остаётся запах мокрой листвы; капли дождя разбиваются об оконные стекла; погулять по парку, попинать и покидать золотые листья; мурчание кошки, потрескивание поленьев в камине, прогулки по парку, обостряются чувства, хочется творить, бежать фотографировать; шуршание листьев под ногами.

Можно судить об эмоциональном, созерцательном восприятии осени у представителей русской лингвокультуры, поскольку подавляющее число полученных нами в ходе исследования

ответов, так или иначе, отражают эмоции и переживания, вызываемые осенним сезоном.

В сознании современных **носителей английского языка** концепт *autumn* оценивается положительно. Как показали результаты психолингвистического эксперимента, в отличие от носителей русского языка, для англоязычных респондентов более важной является антропоцентрическая характеристика осеннего сезона, поскольку огромное значение уделяется деятельности людей в это время года. Исходя из полученных ответов, очень часто деятельность связана с домашними хлопотами, в первую очередь с пищей и ее приготовлением: *mom cooking pasta* (мама готовит пасту); *making quince jam with my Great-Grandma* (вместе с прабабушкой готовим варенье из айвы); *stirring honey in tea* (добавляем мед в чай); *roasting pumpkin seeds* (жарим тыквенные семечки), *opening oven! pumpkin pie!* (открытая духовка, тыквенный пирог), *doughnuts with sprinkles on them!* (посыпанные пончики), *turkey* (индейка), *jugs of cider* (кувшины с сидром), *poached pears with brandy and cloves* (груши, запеченные с бренди и гвоздикой), *yams* (ямс – сладкий корнеплод), *jars of jam, homemade, blackberries; ketchup, store bought*, (банки с вареньем домашнего приготовления, черничное, кетчуп, купленный впрок); а также с культурными мероприятиями, проводимыми осенью: *lots of arts & crafts fairs going on this time of year* (огромное количество ремесленных ярмарок и выставок проводятся в это время года) и осенними праздниками: *Halloween* (Хеллоуин); *ghosts and goblins* (привидения и гоблины), *Vampires... and other spooky Halloween fun...* (вампиры... и другие существа Хеллоуина), *Jack O'Lantern*

(фонарики на Хеллоуин); *Octoberfest* (Октоберфест), *Thanksgiving* (День Благодарения); *zero eight eight days to Christmas* (088 дней до Рождества).

Также большое значение уделяется внешним проявлениям осени, осенним краскам, запахам, приметам: *gorgeous colors* (роскошные краски), *incandescent sunsets* (закаты цвета раскаленного железа); *changing colors* (листья меняют цвет), *leaves falling* (листопад), *morning dew* (утренняя роса), *nights longer* (ночи становятся длиннее), *red maple leaves* (красные кленовые листья), *clear crisp air, evening mystery, fashions changing, golden colors* (чистый прохладный воздух, вечерняя таинственность, золотые краски), «*sweet*» *smoke of burning leaves* («сладковатый» запах сжигаемых листьев).

В отличие от русского языка, где концепт осень получает амбивалентную оценку, английский концепт *autumn* оценивается положительно. Отрицательную характеристику концепта *autumn* можно считать окказиональной, примером которой служат такие сугубо индивидуальные характеристики как *Ugh! Summer over!* (Ох! Лето закончилось!); *depression* (депрессия); *long nights followed by drizzly mornings mud on my butt from biking on wet streets nasty... I'll stop with the doom and gloom now* (долгие ночи, после которых утром мои ботинки становятся сырыми и грязными... Пожалуй, хватит этих грустных рассуждений).

Таким образом, можно утверждать, что русский концепт осень имеет амбивалентную оценку. Более значимыми для представителей русской лингвокультуры являются эмоциональное восприятие осени и ее признаки (природные и атмосферные явления, краски окружающего мира, переживаемые чувства), чем деятельность.

В восприятии представителей англоязычной лингвокультуры *autumn* оценивается положительно, на первое место выходит антропологическая характеристика времени года (люди и их деятельность) и внешние проявления (осенние краски, запахи, приметы).

Библиографический список

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер с англ. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
2. Грудева Е. А. Концепты лето и осень в разноязычных культурах: когниолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. – 22 с.
3. Грудева Е. А. Концепты лето и осень в разноязычных культурах: когниолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1999. – 30 с.
5. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – С. 58–65.

Bibliograficheskiy spisok

1. Vezhbitskaya A. Yazyik. Kultura. Poznanie / per s angl. – M.: Russkie slovari, 1996. – 416 s.
2. Grudeva E. A. Kontseptyi leto i osen v raznoyazyichnyih kulturah: kogniolingvisticheskiy aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Stavropol: Izd-vo SGU, 2011. – 22 s.
3. Grudeva E. A. Kontseptyi leto i osen v raznoyazyichnyih kulturah: kogniolingvisticheskiy aspekt: Dis. ... kand. filol. nauk. – Stavropol: Izd-vo SGU, 2011.
4. Popova Z. D., Sternin I. A. Ponyatie «kontsept» v lingvisticheskikh issledovaniyah. – Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1999. – 30 s.
5. Sternin I. A. Metodika issledovaniya struktury kontseptu // Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki. – Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 2001. – S. 58–65.

© Грудева Е. А., 2016

УДК 81'342

**ВЛИЯНИЕ ФОНЕТИЧЕСКОГО И ДЕРИВАЦИОННОГО СТРОЕНИЯ
НА СТЕПЕНЬ АКТИВНОСТИ СЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

А. М. Муминов *Кандидат филологических наук, профессор,
Узбекский государственный
университет мировых языков,
Ташкент, Узбекистан*

**THE INFLUENCE OF PHONETIC AND DERIVATIONAL STRUCTURES
ON THE DEGREE OF ACTIVITY OF WORDS IN THE ENGLISH LANGUAGE**

A. M. Muminov *Candidate of Pedagogical Sciences, professor,
Uzbekistan State University of World Languages,
Tashkent, Uzbekistan*

Summary. The present article is devoted to the influence of phonetic and derivational structure on the degree of activity of words in the English language. The activity is understood as the degree of occurrence of different peculiarities, which show the role of a word in language and speech. The number of meanings, more or less derivatives, valency and being components of more or less phraseological units are considered as the aspects of activity of words. The activity of borrowed and native verbs is compared in English and Uzbek. The degrees of influence of phonetic and derivational structures of words belonging to different origins have been revealed in non-related languages.

Keywords: activity; phonetic and derivational; rang; semantic activity; word formation-activity; borrowed words; fluency; phraseological activity; syllable.

Слова, как известно, обладают разными языковыми (количество значений, наличие производных и др.) и речевыми (частотность) характеристиками. Эти свойства, присущие в различной степени разным словам, показывают их статус и роль в языке и речи. Для обобщенного обозначения этих характеристик иногда пользуются терминами «активность» или «продуктивность». Активность – эта степень проявления в разных словах свойств, которые непосредственно определяют роль слова в языке и речи.

Понятие активности слова в сфере научных знаний неоднозначно и в должной мере не освещается в лингвистической литературе (Р. С. Гинзбург [1], А. А. Зенкович [2], В. А. Москович [3], George K. Zipf [6], P. Guiraud [7] и другие). Однако практически всегда активность выступает как универсальное свойство, присущее всем словам.

В имеющихся исследованиях, как правило, такие характеристики слова, как многозначность, частотность, валентность, словообразовательная активность и фразеологическая активность и другие изучаются изолированно, а не как разные аспекты активности слова в целом. Не выявлены причины неодинаковой степени активности разных этимологических групп слов по этим разным свойствам. Для практических потребностей лексикографии, и от части, методики преподавания языков также необходимо исследование активности слова.

Можно предположить, что слово развивается под действием бесконечного большого числа лингвистических и экстралингвистических факторов, которые по-разному могут определить развитие разных аспектов его активности. Основная задача данного исследования –

проследить, на какие аспекты активности иноязычных и исконных глаголов наиболее интенсивно влияют их фонетические и деривационные строения.

Как известно, наиболее существенное, типичное для лексики данного языка может быть скорее найдено в той ее части, которая является наиболее употребительной [4]. Поэтому непосредственным объектом исследования является активность глаголов, входящих в частотный словарь М. Уэста [10], который включает 2 тысячи наиболее частотных графических единиц. Общее число глаголов, извлечённых из этого словаря, составляет 826 единиц.

Рассмотрение этимологической характеристики этих глаголов по данным Shorter Oxford Dictionary показало, что в их числе 451 глагол иноязычного происхождения, а исконных – 334. Этимология остальных глаголов (41) неизвестно, поэтому они в настоящей работе не рассматриваются. Количество значений и производных собрано из словарей Shorter Oxford Dictionary и Webster's New International Dictionary. Привлечены также данные словарь Хорнби и Англо-русский фразеологический словарь А. В. Кунина [2].

Для измерения степени активности исследуемых слов мы используем статистический метод ранжирования. Под рангом слов понимается его номер в списке слов, расположенных в порядке убывания их числовых характеристик по активности. Для выявления трех групп слов с разной степени активности (высокой, средней, низкой), сначала определяется разность между максимальным и минимальным рангами по формуле:

$$\frac{X_{\text{макс}} - X_{\text{мин}}}{n}$$

Разность между максимальным ($X_{\text{макс}}$) и минимальным ($X_{\text{мин}}$) рангами исследуемых слов по разным аспектам делится на число групп (n), определяя

тем самым интервал между искомыми группами.

Исследование разных факторов, обуславливающих степень активности слов по разным аспектам требует разного подхода к обработке материала. Так, при делении слов на слоги мы исходили из сонорной теории [8], согласно которой слог представляет собой сочетание более звучного (сонорного) элемента с менее звучным. Деривационное строение анализируемых глаголов определялся по принципам Г. Марчанда [9]. Направление производности в случаях конверсии определялся с помощью методики, разработанной П. А. Соболевой [5].

Анализ материала показал, что влияние фонетического строения на словообразовательную и фразеологическую активность наблюдается более интенсивно у исконных глаголов, чем у иноязычных. Например, среди односложных, двухсложных и трехсложных слов, иноязычные глаголы, имеющие высокую степень словообразовательной активности составляют три примерно равные группы (соответственно: 30,9; 36,2; 36,0 %). Однако процент глаголов с высокой степени словообразовательной активности среди исконных слов, имеющих односложное строение больше, чем среди двухсложных (соответственно: 39,0 и 3,2 %). Можно отметить слабую зависимость грамматической валентности исследуемых глаголов разных этимологических групп от их фонетического строения. Например, глаголы с низкой степенью грамматической валентности среди односложных слов как иноязычного, так и исконного (англосаксонского) происхождения составляет значительный процент (соответственно: 49,7 и 37 %). Вместе с тем семантическая активность иноязычных и исконных глаголов почти в равной мере связано с их фонетическим строением.

Например, в обеих группах глаголов с высокой степенью семантической активности больше среди односложных

слов, чем среди двусложных и трехсложных и т. д. Так слова с высокой степенью семантической активности среди односложных иноязычных глаголов составляют 47,3 %, а среди двусложных – 14,2 %. Исконные глаголы с высокой степенью семантической активности среди односложных слов – 36,2, а среди двусложных – 3,0 %. Например, односложные глаголы *pay, form, move, pack*, *pass* имеют более восьми значений. Трехсложные глаголы *sacrifice, educate, interrupt, recommend* имеют одно-три значения.

Итак, проведенный анализ подтвердил мнение тех лингвистов, которые считают, что слова, имеющие мало число слогов, обладают большим числом значений и, наоборот, многосложные слова имеют меньшее количество значений.

Оказалось, что деривационное строение как иноязычных, так и исконных глаголов оказывает сильное влияние на их семантическую и словообразовательную активность. Например, среди иноязычных глаголов, имеющих простые основы слов с высокой степенью словообразовательной активностью больше, чем среди глаголов с производной основой (49,5 и 9,7 %). В то же время зависимость степени грамматической валентности и фразеологической активности от деривационного строения слабее у иноязычных глаголов, чем у исконных. Например, среди иноязычных слов с простой фразеологической активностью, составляют две почти равные группы (41,5 и 47,2 %), а среди исконных слов с простой основой, глаголов обладающих низкой степенью фразеологической активности, приблизительно в три раза меньше, чем глаголов с производной основой (15 и 43 %).

Например, глаголы *compose, possess, touch, carry, save* другие обладают простой основой и каждый из них имеет более восьми значений. Глаголы с производной основой *joke, group,*

disappear, standardize, sympathize имеют одно-три значения. Глаголы *appoint, allow, advance, intend, order* имеют простые основы и образуют более пяти моделей каждый. Почти половина глаголов с простой основой обладает низкой фразеологической активностью (к этой группе относятся глаголы *divide, prepare, excuse, refuse, adopt, admit* и почти одна треть – нулевой фразеологической активностью (это такие глаголы как *extend, permit, remark, elect, exist* и т. д.)

Как видно из анализа материала, каждый из рассмотренных факторов оказывает большее или меньшее воздействие на степень активности изучаемых слов, но не один из них, взятый в отдельности, не может определить степень активности исследуемых глаголов в чистом виде. Вероятно, это объясняется, во-первых, тем, что действие одного фактора на степень активности слова осложняется сильным влиянием другого. Так, например, если на степень активности анализируемых глаголов действует фонетическое строение, то на это влияние может накладываться влияние и других факторов, например, таких как лексико-семантическая характеристика или возраст; во-вторых, тем, что на степень активности рассматриваемых слов влияют не только изучаемые нами факторы, но ряд других.

Мы рассмотрели влияние фонетического и деривационного строения на степень активности глаголов по преимуществу высокой частотности. Для сравнения интересно определить, сохраняется ли у наименее частотных иноязычных глаголов такое соотношение между фонетическим и деривационным строением и степенью активности по разным аспектам.

Более подробное рассмотрение влияния фонетического и деривационного строения на степень активности глаголов, имеющих низкую частотность (84 слова с частотой употребления

4–50) показало, что основная часть глаголов с низкой частотностью отличается низкой и реже средней степенью активности по рассматриваемым параметрам. Например, среди слов с простой глаголы с низкой степенью грамматической валентности составляют 88,2% и среди односложных слов глаголы с низкой словообразовательной активностью составляют 78,7%. Эти данные свидетельствуют о том, что фонетическое и деривационное строение иноязычных глаголов с низкой частотностью не влияет на их активность по разным параметрам.

Само собой разумеется, что проведенное нами исследование и сделанные из него выводы, далеко не исчерпывают всех вопросов, связанных с проблемой активности слов и факторов ее обуславливающих. Исследование активности слов других частей речи могло бы выявить специфику слов разных частей речи.

Библиографический список

1. Гинзбург Р. С. К вопросу о классификации словарного состава. Научная конференция. Вопросы описания лексико-семантической системы языка. – М., 1971.
2. Зенкович А. А. Лексическая полисемия и фразеологическая активность слова (на материале ЛСГ соматизмов русского и белорусского языков). – М., 2010.
3. Москович В. А. Статистика и семантика. – М., 1969.
4. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. – М., 1956.
5. Соболева П. А. Словообразовательные отношения по конверсии между глаголами и отглагольным существительным в современ-

ном английском языке: дисс. канд. филол. наук. – М., 1959.

6. George K. Zipf. The Meaning and Frequency Relationship of Words. The Journal of General Psychology. – USA, 1945. – Vol. 33.
7. Guiraud P. Les caracteres statistiques la vocabulaire francais. – Paris, 1954.
8. Jespersen O. Linguistics. – Copenhagen, 1933.
9. Marchand H. The Categories and Types of Present Day English Word formation. – Weisbaden, 1960.
10. West M. A General Service List of English Words. – London, 1959.

Bibliograficheskiy spisok

1. Ginzburg R. S. K voprosu o klassifikatsii slovarnogo sostava. Nauchnaya konferentsiya. Voprosyi opisaniya leksiko-semanticheskoy sistemy yazyika. – М., 1971.
2. Zenkovich A. A. Leksicheskaya polisemiya i frazeologicheskaya aktivnost slova (na materiale LSG somatizimov russkogo i belorusskogo yazyikov). – М., 2010.
3. Moskovich V. A. Statistika i semantika. – М., 1969.
4. Smirnitkiy A. I. Leksikologiya angliyskogo yazyika. – М., 1956.
5. Soboleva P. A. Slovoobrazovatelnyie otnosheniya po konversii mezhdu glagolami i otglagolnyim suschestvitelnyim v sovremennom angliyskom yazyike: diss. kand. filol. nauk. – М., 1959.
6. George K. Zipf. The Meaning and Frequency Relationship of Words. The Journal of General Psychology. – USA, 1945. – Vol. 33.
7. Guiraud P. Les caracteres statistiques la vocabulaire francais. – Paris, 1954.
8. Jespersen O. Linguistics. – Copenhagen, 1933.
9. Marchand H. The Categories and Types of Present Day English Word formation. – Weisbaden, 1960.
10. West M. A General Service List of English Words. – London, 1959.

© Муминов А. М., 2016

**REPRESENTATION OF REGIONAL IDENTITY
IN THE NANAI PROPER NAMES**

G. A. Shusharina

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Komsomolsk-on-Amur State Technical University,
Komsomolsk-on-Amur, Russia*

Summary. The article investigates the representation of regional identity in the Nanai proper names of the folk discourse. In this paper, the concept of identity is seen in terms of evolutionarily stable accumulating representation given in the Nanai regional folklore. The Nanai are indigenous population of the Amur River region. The object of the analysis is to identify the hidden meanings contained in the proper names that constitute the uniqueness of the region. The survey of proper names in Nanai tales shows that the typical character for the majority of the texts of folk discourse is a human male. The explanation for this can be found in the traditional way of the family, where the man played a major role, the role of provider and breadwinner.

Keywords: regional identity; proper names; values; world picture.

In the era of globalization of social processes, the development of mass communication, increasing migration the problem of identity takes on the new meaning in the modern world. In the XXI century, a man finds himself at the crossroads of a large number and variety of social and cultural worlds that are quite blur in connection with the above-mentioned processes. Realizing and experiencing his belonging to a plurality of worlds, a man gains the complex identity.

The phenomenon of identity has been actively investigated in modern science, particularly in psychology, sociology, philosophy, linguistics and other spheres. Each of these branches of sciences has gained its knowledge on different terminological apparatus, methods of study, research materials, etc.

The phenomenon of identity is related to the constitution of discourses of "Otherness", "Authenticity", "the Other" in the contemporary socio-cultural space. "Instead of sameness, stability of the individual experience <...> there

comes a man of the modern era, who gains multiple and combined identity" [4]. Identity in this context is understood as an endless process of constitution of the man himself.

While agreeing that the personal identity in the modern world is the result of person's own choice in a rapidly transforming social reality, we cannot but accept the fact that certain reference points in the human life limit freedom of choice. These are the values, or "generalized goals and means of achieving them, which serve as the fundamental norms or ideal achievements" [3].

The values provide the integration of the society, contributing to the implementation of the individual socially approved behavior in life-relevant situations. There is no doubt that the identity (national, gender, professional, etc.) is included in the system of values of the modern man. Identity is derived from the ratio of the world and a man, expressing what is in the world and the fact that a person creates during his life as meaningful to him.

The idea of the constitution of identity in the multiple discourses is supported in a number of other well-known researchers. In particular, L. Phillips and M. V. Jorgensen, following Laclau and Mouffe believe that “identities are accepted, rejected, and are discussed in the discursive processes” [1].

Basing on the simultaneous existence of sameness and uniqueness in the concept of identity, let us highlight in the concept of the identity such coherent structure components as the historical past of the people living in a particular region, the so-called genetic code that is transmitted between the generations, and the current socio-cultural dispositions. On this basis, we can assume that the regional identity as a concept is intercepted in the first place, in evolutionary terms in the picture of the region and is represented in the folklore and literary discourses, and secondly, in terms of actually objectifying in the texts of news, advertising, sports, tourism, pedagogical, political, scientific discourses.

The object of study in this paper is the representation of regional identity in the proper names in folk discourse of the Amur River region. The goal of the analysis is to identify the hidden meanings contained in the proper names that constitute the uniqueness of the Amur River region.

People appeared in the Far East a long time ago. Before the Russian settlements in the Amur River region in the XVII century, the tribes of Daur, Evenki, Nanai (about thirty thousand people) lived on this territory.

In this paper, the concept of identity is seen in terms of evolutionarily stable accumulating representation given in the Nanai regional folklore. Legends, epics of people living in a particular region, point to the historical and cultural identity of the region, as reflected in the

ideological basis of national self-consciousness.

The conceptual worldview of the Nanai, their identity can be traced back to the proper names. In the texts of fairy tales proper names are used not only for the nomination of persons, for heroes of fairy tales, but they also have a certain functional, informational, ideological, and aesthetic value.

The survey of proper names in Nanai tales shows that the typical character for the majority of the texts of folk discourse is a human male. The explanation for this can be found in the traditional way of the family, where the man played a major role, the role of provider and breadwinner.

Proper names in traditional fairy tales go back to the names of hunting tools. For example, the Nanai name Гид comes from the word “spear”, the name Cypэ comes from the word “ax”.

Some names reflect human qualities. Thus, the common name Mergen, often found in fairy tales means:

- 1) lucky;
- 2) reliability;
- 3) the hero of fairy tales, a lucky man [2].

Indeed, Nanai tales describe Mergen as a brave young man who bravely fought the evil spirits for the happiness of people.

Thus, we can see that the Nanai folk tales store and encode knowledge, information and representation of the people about the world.

In fairy tales, national socio-historical experience, namely, traditions, norms, values, beliefs are fixed, having a symbolic nature and defining uniqueness of the Amur River region.

The discourse analysis as a special research strategy, assuming a set of techniques necessary for the understanding of the text and associated with the extra linguistic factors, allows the

reconstruction of the mythological picture of the world, that is, to restore the deeper meanings and symbolic representations.

Bibliography

1. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков : Изд-во «Гуманитарный центр», 2008.
2. Оненко С. Н. Нанайско-русский словарь: 12800 слов. – М. : Рус. яз., 1980.
3. Серебренникова Е. Ф. Этносемиотрия как способ лингвистического аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов : коллективная монография. – М. : ТЕЗАУРУС, 2011.
4. Тельнова Н. А. Феномен идентичности: способы описания и социокультурные основа-

ния // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 27.

Bibliography

1. Yorgensen M. V., Fillips L. Diskurs-analiz. Teoriya i metod. – Harkov : Izd-vo «Gumanitarniy tsentr», 2008.
2. Onenko S. N. Nanaysko-russkiy slovar: 12800 slov. – M. : Rus. yaz., 1980.
3. Serebrennikova E. F. Etnosemiometriya kak sposob lingvisticheskogo aksiologicheskogo analiza // Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnyih smyslov : kolektivnaya monografiya. – M. : TEZAVURUS, 2011.
4. Telnova N. A. Fenomen identichnosti: sposoby opisaniya i sotsiokulturnye osnovaniya // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 1. – S. 27.

© Shusharina G. A., 2016

UDC 81'373:[811.161.3+811.111]

**TYOLOGICAL ANALYSIS OF EMOTION METAPHORS
IN BELARUSIAN AND ENGLISH****O. Y. Shymanskaya***Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Belarusian State University, Minsk, Belarus*

Summary. The article provides typological and contrastive analysis of emotion metaphors in Belarusian and English. Metaphorical representation of emotions is implemented by conventional and novel metaphors which name different emotions and describe their duration, intensity, quality, and orientation features. Specific features of emotion metaphors are determined by linguistic and extra-linguistic factors. For Belarusian it is common to approve of greater intimacy between interlocutors and to identify a feeling or emotion with a person. English metaphors reveal the tendency to disapprove of excessive expression of feelings and to distance emotional experience.

Keywords: typological analysis; metaphor; conventional; novel metaphor; emotion; semantic universals; connotation.

The sphere of emotion is conceptualized through similar images in different cultures which lets us talk about emotion metaphors as a cognitive-semantic universal. While our languages are very different, people of different nations and cultures tend to compare the same things and notions to express similar ideas [6; 7].

Studying typological characteristics of emotion metaphors helps to reveal national characteristics woven into the language. The regularity and strength of emotional connotation implemented into metaphorical structures of a language serves an indicator of qualities and feelings important for this nation [5]. At the same time, semantic lacunes usually appear to reveal less valued qualities or sometimes taboos.

The aim of the research is to define typologically common and specific features of metaphorical representation of emotion in the Belarusian and English languages (on the basis of nouns). The research is based on typological and contrastive methods and includes methods of semantic universals and semantic oppositions suggested by Russian linguists [1; 2], com-

ponent and definitional analysis methods, methods of step identification and data processing, and modes of classification.

Metaphorical representation of emotion is implemented by conventional and novel metaphors which name different phenomena of human psychology (mental processes, mental conditions, and personality traits) and also describe their duration, intensity, quality, and orientation features. The nominative or descriptive function of the metaphors is defined by their semantic structure as well as by the micro context (word combination) they are used in.

The research shows that there are more descriptive metaphors than nominative ones. It does not mean that our languages are deficient in nouns naming mental and emotional phenomena, moreover, most today's non-figurative namings are usually metaphorically motivated (e. g. *emotion* is interpreted in relation to *motion* (compare to Latin *ēmoveo*, *ēmōtum*), *абурэнне* 'anger' – in relation to *бура* 'storm, gale'). While there is a limited number of words that represent human psychology sphere

not metaphorically, the reservoir of metaphorical nominations is by far larger [4, p. 82]. One more point is that we need to describe and evaluate emotions much more than just to name them. That explains the complexity and variation of the metaphorical field of emotion.

Emotion metaphors can name or (and) describe mental processes (*чарвяк цікаўнасці, лёт дум, прыліў няшчоты, foliage of reveries, shades of opinion, barrage of thoughts*), mental conditions (*пахмураць і незадаволенасць, творчае кіпенне, creative juices, glow of pride, hunger for woman*), and personality traits (*пачуццёвая мяккасць, душа з чарвяточынай, sobriety of thought, moral timbre*). Social level of emotions reflects activity, behaviour and relations, which allows us to include the mentioned aspects into emotional sphere [3, p. 287]: *беспрыньцтовая мімікрыя, выкінуць нумар, to end affair without theatricals, intellectual fireworks, a flurry of activity*.

Specific features of Belarusian and English metaphors are revealed on different levels – word structure, semantics, connotations, and context use. In Belarusian, there are many phonetic and morpheme variants of metaphors while in English derivatives of nouns, adjectives and verbs are more widely used. As far as in English substantivation occurs easier (through suffixation), it explains the large number of metaphors corresponding to projections ‘animal → personality trait’ and ‘physical impact → psychological impact’: *sheepishness, worminess, foxiness, rattiness, jab, jolt, knock, lash*.

In English, judging by definitions and context, about 56% of metaphors denoting intense emotions possess negative connotation. It is evinced in definitions which reflect the way metaphors are interpreted by informants. We find words like *excessive* and *insincere* quite often, as well as combinations with words *anger, rage, controversy, abuse*, etc. Quite the

contrary, the Belarusian language culture metaphors denoting intense emotions do not necessarily acquire negative connotation: *прыліў злосці, наплыў радасці, разліў няшчоты, услёск эмоцый, хваля абурэння, сэрца захліснула няшчотная хваля, a blaze of publicity, a firestorm of controversy, a fit of jealous rage, a tide of euphoria, a surge of anger, a torrent of abuse, a flood of complaints, a gush of praise*.

In descriptive function, emotion metaphors very often appear in genitive structures (genitive case in Belarusian and an of-phrase in English). Such metaphors characterize some mental condition or process: *жар кахання, услёск эмоцый, вуж рэўнасці, патайнікі душы, a flare of anger, a tide of enthusiasm, a whirlwind of emotions, a stab of envy*. When we compare broader contexts, we realize a typological difference in metaphorical representation of emotion in English and Belarusian. In Belarusian we often come across metaphors with components *душа, сэрца* ‘heart, soul’, where a feeling or emotion is perceived as a part of a person’s inner world and is the focus of attention: *Замілаванасць сціснула сэрца абцугамі. Агонь нянавісці рваў сэрца на кавалкі. Боль і горыч ахапілі сэрца. Мінор у душы*. English conventional metaphors denoting feelings or emotions construe with words *heart* and *soul* quite rare. The typical structure for English metaphor of such type is ‘to feel a [metaphor] of [emotion]’, where a feeling or emotion is an object of a person’s experience while the person is the focus of attention: *She felt a prick of resentment. She felt a flare of anger within her. He had killed her in a fit of jealous rage*.

Comparison of emotion metaphors in Belarusian and English helps to reveal not only regularities in modeling of human psychology and specific features of contextual actualization of metaphorical meanings, but also exposes cases when

words with equivalent primary meanings have different metaphorical meanings: *мяккі тэмбр душы – one's moral timber, узнімаць са дна душы ўспаміны – his views have bottom*. Likewise, words with different primary meanings may have equivalent metaphorical ones: *адкінуць шалупінне нагавораў – their proposals were too much chaff, нейтралізаваць прычэпкі вучня – to take potshots at critics, гаварыць з запалам – he's gone off the boil*.

In conclusion it has to be said that for Belarusian, it is common to approve of greater intimacy between interlocutors and to identify a feeling or emotion with a person. English metaphors tend to reveal the tendency to disapprove of excessive expression of feelings and to distance emotional experience.

Community of metaphorical representation of emotion in Belarusian and English is rooted in the semantic and cognitive universals and becomes apparent through equivalence of metaphors with equivalent primary (non-metaphorical) meanings. Specific features in modeling human psychology in both languages are determined by linguistic and extra-linguistic factors.

Bibliography

1. Апресян В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. Науч. журнал института языкознания РАН. – М. : Наука, 1993. – № 3. – С. 27–35.
2. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте : коллективная монография / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1988. – С. 11–26.
3. Общая психология : учебник / под ред. Р. Х. Тугушева, Е. И. Гарбера. – М. : ЭСМО, 2006.

4. Старычонак В. Д. Метафора ў беларускай мове: на матэрыяле субстантываў. – Мінск : БДПУ, 2007.
5. Шыманская В. Ю. Менталітэт беларусаў у люстэрку метафар // «Этналогія: генезіс традыцыйнага»: матэр. Міжнар. навук. канф., Мінск, 25–26 красавіка 2014 г. / Бел. дзярж. нац.-тэхн. ун-т; рэдкал.: Н. П. Мартысюк (адк. рэд.), М. В. Макарыч. – Мінск : БНТУ, 2015. – С. 101–103.
6. Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling. – Cambridge University Press, 2000.
7. Lakoff G., and M. Johnson. Metaphors we live by. – University of Chicago Press, 2003.

Bibliography

1. Apresyan V. Yu. Metafora v semanticheskom predstavlenii emotsiy // Voprosy yazykoznanija. Nauch. zhurnal instituta yazykoznanija RAN. – M. : Nauka, 1993. – № 3. – S. 27–35.
2. Gak V. G. Metafora: universalnoe i spetsificheskoe // Metafora v yazyke i tekste : kollektivnaya monografiya / отв. ред. V. N. Teliya. – M. : Nauka, 1988. – S. 11–26.
3. Obschaya psihologiya : uchebnik / pod red. R. H. Tugusheva, E. I. Garbera. – M. : ESMO, 2006.
4. Staryichonak V. D. Metafara ў беларускай мове: на матэрыяле субстантываў. – Мінск : БДПУ, 2007.
5. Shymanskaya V. Yu. Mentalitet belarusaŭ u lyusterku metafara // “Etnalogiya: genezis tradytsyynaga”: mater. MIZhnar. navuk. kanf., Minsk, 25–26 krasavika 2014 g. / Bel. dzyarzh. nats.-tehn. un-t; redkal.: N. P. Martyisyuk (adk. red.), M. V. Makaryich. – Minsk : BNTU, 2015. – S. 101–103.
6. Kovecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling. – Cambridge University Press, 2000.
7. Lakoff G., M. Johnson. Metaphors we live by. – University of Chicago Press, 2003.

© Shymanskaya O. Y., 2016

Pedagogické vědy

УДК 378.1

МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ АГРАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ф. А. Игебаева

*Кандидат философских наук, доцент,
Башкирский государственный
аграрный университет,
г. Уфа, Россия*

METHODS OF DEVELOPMENT OF CREATIVE THINKING AMONG STUDENTS OF AGRARIAN UNIVERSITY

F. A. Igebaeva

*Candidate of Philosophical Sciences,
assistant professor,
Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia*

Summary. The article is devoted to the problems of professional training of students of the University for new educational programs. Emphasize the importance and necessity of introducing in educational program of the University of new subjects «Sociology» and «Political science» for the development of creative thinking of students in the agrarian university. The author shares the experience of application as a method of teaching of these disciplines training workshops that assist students in mastering knowledge and skills in the field of socio-political issues to further implement them in their professional activities.

Keywords: higher education; sociology; political science; workshop; political culture; a graduate of the University.

Современная концепция высшего образования, признанная во всем мире, исходит из того, что выпускник любого вуза, будущий специалист в той или иной сфере деятельности не может быть социально и политически неграмотным. Иначе он не может стать полноценной личностью, самостоятельным субъектом, принимающим ответственные решения за свою судьбу и судьбу других людей. Способность же к принятию рациональных решений в социально-политической жизни не приходит стихийно, а формируется в ходе систематического приобретения знаний и опыта.

Башкирский государственный аграрный университет по праву считается своеобразной «кузницей» подготовки ру-

ководящих кадров и специалистов для агросектора республики. Следовательно, современный выпускник агроуниверситета должен владеть не только специальными знаниями и навыками, но и быть социально компетентным человеком, знающим принципы организации, строение и развитие общества, в котором он живет и работает, владеющим азами грамотного общения, умеющим хорошо ориентироваться в сложных ситуациях общественной жизни. На приобретение таких знаний и ориентировано преподавание социологии и политологии в качестве учебных дисциплин [1, с. 3].

Одной из главных целей «Социологии» является формирование у студентов общего систематизированного

представления о теории, методологии познания и регулирования социальных процессов и явлений. Это предполагает усвоение студентами специфики социологического знания, понимание природы возникновения социальных общностей, институтов, а также их взаимодействия, возможных социальных напряжений и конфликтов, путей их преодоления. В процессе изучения социологии студенты должны познакомиться с социологическими подходами к личности, факторами её формирования в процессе социализации, с формами регуляции социального поведения [2, с. 4].

Целью «Политологии», как учебной дисциплины, является формирование у граждан системы знаний о мире политики, о процессах и явлениях, которые происходят в политической сфере жизни общества. Кроме этого, политология способствует формированию политического мышления, выработке гражданской позиции, учит самостоятельно ориентироваться в сложных проблемах современного общества и государства, четко формулировать и отстаивать свои социальные и политические интересы. Другими словами, политологический курс помогает обрести более устойчивые политические ориентиры.

В результате изучения курсов «Социология» и «Политология» выпускник агроуниверситета должен:

➤ знать общие и специфические законы развития и функционирования исторически определенных социальных систем, механизмы действия и формы проявления этих законов в деятельности людей; смысл происходящих в современном мире социальных процессов; вести дискуссию и аргументировано отстаивать свою позицию; на основе конкретных фактов современной действительности представлять четкую картину состояния социума в России; находить способы решения социальных проблем и составлять прогнозы развития общества;

➤ получить знания о предмете и методе политической науки, ориентиро-

ваться в основных направлениях политической мысли; иметь представления о сущности власти, государства, гражданского общества, политических отношениях и процессах, политической культуре, политических субъектах, различать политические системы и режимы, знать о политических партиях, «группах давления», политических лидерах, уметь ориентироваться в политических конфликтных ситуациях, уметь анализировать международные политические процессы, геополитическую обстановку, место и роль России в современном мире, овладеть навыками политической культуры, уметь применять политологические знания в повседневной жизни и в своей профессиональной деятельности.

Следует отметить, что сегодня в высшей школе произошли кардинальные изменения в преподавании социально-политических наук: их содержанию, структуре, формах и методах. Это связано с разработкой и внедрением в практику высшего гуманитарного образования проблемного обучения, ставящего своей задачей развитие творческого мышления студентов.

Сегодня от студентов требуется способность не только воспроизводить определенную систему готового знания, но также понимать и объяснять социальные процессы, творчески осмысливать реалии прошлого и современного развития социума, умение получать необходимые знания и использовать их в своей профессиональной и повседневной деятельности [3, с. 4].

Конечно, было бы не только несправедливо, но и неверно полагать, что ответственность за «серые» занятия несет только преподаватель. Никакие дидактические приемы и задачи не дадут желаемых результатов, если единственным побудительным мотивом пребывания студента в аудитории является это самое пребывание. Успех обучения зависит от степени включенности преподавателя и студента в единый процесс познания – это система вузовской дидактики.

Поэтому, для того чтобы перевести пассивные знания студентов в русло активного мыслительного процесса, мы используем в процессе преподавания курсов «Социология» и «Политология» практикумы, которые подготовлены с учетом требований современного Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования Российской Федерации. Они составлены с целью – формирования у студентов творческого мышления как основы для самостоятельного осмысления социально-политических процессов и практического умения квалифицированно решать профессиональные задачи в аграрной сфере.

Социологический и политологический практикумы – это объемные практические блоки, содержащие удобные для студента формы самоконтроля: упражнения, таблицы, логические задания, проблемные вопросы, тесты для самопроверки полученных знаний, вопросы для размышления, деловые ситуации по каждой пройденной теме. Таким образом, формируется обширное пространство для самостоятельной работы студента, которое играет роль своеобразной практической лаборатории, где он может проверить, апробировать и закрепить свои знания. Учебные практикумы построены таким образом, чтобы студент мог последовательно, в приемлемой для усвоения форме, в соответствии с учебной программой, освоить необходимые знания по социологии и политологии [4, с. 57].

В настоящее время социально-политические знания и политическая культура нужны сегодня любому человеку, независимо от его профессиональной деятельности. А для того чтобы использовать огромный мобилизационный и регулятивный потенциал «Социологии» и «Политологии» во благо общества и человека, их следует глубоко изучать, уметь видеть за множеством социально-политических событий, явлений и действий определенную логику, обуслов-

ленную интересами и потребностями участников общественной жизни.

Надеемся, что изучение социологии и политологии поможет студентам сформировать собственное отношение к окружающему миру и к политике, расширить социальный и политический кругозор, приобщиться к великому наследию мировой социологической и политической мысли. А практикумы по «Социологии» и «Политологии» будут студентам большим подспорьем в заинтересованном изучении данных учебных курсов, дадут им необходимые знания о социальных и политических реалиях и ценностях, нормах политической культуры и поведения в обществе.

Библиографический список

1. Игебаева Ф. А. Социология: учебное пособие для студентов вузов. – М. : ИНФРА-М, 2012. – 236 с. – (Высшее образование – Бакалавриат).
2. Игебаева Ф. А. Практикум по социологии. – Уфа : Башкирский ГАУ, 2012. – 128 с.
3. Агафонов Ю. А., Визнер С. В. и др. Основы политологии : учеб. пособие. – Ростов н/Д. : Феникс. 2000. – 448 с.
4. Игебаева Ф. А. Значение учебных практикумов в активизации самостоятельной работы студентов // Инновационные методы в преподавании социально-гуманитарных наук в вузах и ссузах : материалы республиканской научной конференции. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2012. – С. 54–57.

Bibliograficheskiy spisok

1. Igebaeva F. A. Sotsiologiya: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov. – M. : INFRA-M, 2012. – 236 s. – (Vyisshее obrazovanie – Bakalavriat).
2. Igebaeva F. A. Praktikum po sotsiologii. – Ufa : Bashkirskiy GAU, 2012. – 128 s.
3. Agafonov Yu. A., Vizner S. V. i dr. Osnovy politologii : ucheb. posobie. – Rostov n/D : Feniks. 2000. – 448 s.
4. Igebaeva F. A. Znachenie uchebnykh praktikumov v aktivizatsii samostoyatelnoy raboty studentov // Innovatsionnyie metody v prepodavanii sotsialno-gumanitarnykh nauk v vuzakh i ssuzhah : materialy respublikanskoy nauchnoy konferentsii. – Ufa : RITs BashGU, 2012. – S. 54–57.

© Игебаева Ф. А., 2016

Профилактика дисграфии у первоклассников является одним из наиболее важных и актуальных вопросов современной теоретической и практической логопедии. Уже в самом начале овладения навыками письма по целому ряду признаков можно заранее предвидеть, у кого из детей проявится дисграфия.

Если у ребёнка имеются серьёзные нарушения звукопроизношения характера искажений, замен, пропусков, то это неизбежно приведёт по выражению М. Е. Хватцева к «косноязычию в письме» или артикуляторно-акустической дисграфии.

Трудности при различении фонем близких по звучанию могут привести к акустической дисграфии. К смешению при письме свистящих и шипящих, звонких и глухих согласных, аффрикат и компонентов входящих в их состав: ч-ть, ч-щ, ц-т, ц-с и т. д.

Дисграфия на почве нарушения языкового анализа и синтеза возникает, когда ребёнок испытывает трудности при проведении фонематического и слогового анализа и синтеза, анализа слов в предложении, анализа предложений в тексте. Для неё характерны пропуски гласных, согласных при стечении, перестановки букв, добавления букв, пропуски и перестановки слогов и т. п. Согласно исследованиям А. Р. Лурия, дисграфия на почве несформированности анализа и синтеза составляет 75 % от общего числа дисграфий – это самый распространенный вид дисграфии.

Несформированность лексико-грамматического строя речи, когда ребёнок не усваивает принципы словоизменения, словообразования, различные виды согласования и управления слов приводят к аграмматической дисграфии.

Несформированность зрительно-пространственных функций приводит к оптической дисграфии (зеркальное написание букв, недописывание эле-

ментов, лишние элементы, замены и смешения графически сходных букв).

По мнению Е. А. Логиновой коррекция дисграфий успешна при раннем её начале, а профилактика ещё более эффективная мера, позволяющая предупредить развитие дисграфии у детей путём устранения у них уже появившихся её предпосылок [2].

Л. Г. Парамонова указывает, что наличие предпосылок дисграфии – это уже патология, одним из основных видимых признаков которой является отклонение от нормального хода речевого развития. Это отклонение проявляется в том, что у ребенка оказывается несформированной какая-то психическая функция, которая уже должна быть сформирована к данному возрасту. Наличие предпосылок дисграфии свидетельствует о том, что она уже имеется, но пока еще в скрытом виде [3].

С целью определения уровня сформированности некоторых предпосылок для успешного овладения письмом на базе МБОУ СОШ № 7 г. Биробиджана нами было организовано экспериментальное исследование, в котором принимало участие 114 учащихся первых классов.

Детям были предложены задания для определения уровня сформированности зрительно-пространственных представлений, графо-моторных навыков, фонематического слуха, языкового анализа и синтеза.

Данные проведенного эксперимента позволили выявить, что около 17 % испытуемых оказались на низком уровне выполнения заданий. Эти первоклассники не готовы к овладению навыками самостоятельной письменной речи.

В рамках организованного нами кружка «Говорим и пишем правильно», с этими первоклассниками была проведена логопедическая работа, направленная на формирование специфических операций и функций, в наи-

большой степени «ответственных» за письменно-речевую деятельность.

Коррекционно-логопедическое обучение осуществлялось нами по нескольким направлениям.

Развитие мелкой моторики и зрительно-двигательной координации было направлено на формирование совместных движений взора и руки в характерных для письма направлениях, развитие умения «удерживать» строку при письме и формирование устойчивого стереотипа написания буквы. В рамках данного направления логопедической работы мы предлагали ученикам пальчиковые игры с палочками и цветными спичками, со стихами и скороговорками. Большой интерес вызывали задания с элементами пальчикового театра и театра теней. Были предложены специальные упражнения по подготовке руки к письму.

В рамках реализации следующего направления логопедической работы – развитие языкового анализа и синтеза нами осуществлялось последовательное обучение детей навыкам анализа и синтеза текста, предложения, слогового и фонематического анализа и синтеза.

Формированию умения ориентироваться в структуре предложений способствовали такие задания как составление предложения из слов, данных в беспорядке, работа с деформированными предложениями. Нами использовался наглядный материал, с помощью которого ученики составляли предложения. Например, предлагалось составить предложения по картинкам, на которых изображен один и тот же предмет, но в различных ситуациях. Далее мы предлагали первоклассникам определить место заданного слова в этих предложениях.

Для развития слогового анализа и синтеза детям предлагалось определить пропущенный слог в слове с помощью картинки, например: *__буз, ум__*,

лод__, *ка__*, *ка__даш*. Большой интерес у детей вызывало следующее задание: выделить первый слог из названий картинок, записать его, объединить слоги в слово, предложение, прочитать полученное слово или предложение. Например: «улей», «паук», «пылесос», «лошадь», «пальма», «тарелка», после выделения первых слогов получается предложение: *У папы лопата*.

Работа по развитию фонематического восприятия, в первую очередь, направлялась на дифференциацию оппозиционных согласных звуков. Учащимся предлагалось прослушать слова и сказать, чем отличаются данные слова друг от друга по смыслу и по звуковому составу (юра – юла, кот – кит, дом – лом, ком – сом, сор – сок; точка – почка, бочки – очки, роса – оса, банк – банка, рот – крот); ответить, что нужно сделать, чтобы слово мука превратилось в слово рука; салат – в халат; пена – в пенал; волки – в вилки; кол – в укол; тесто – в место.

При развитии произносительной стороны речи делался акцент на формирование у детей кинестетического анализа артикуляционных движений, что позволяло улучшить не только их произношение, но и письмо. Применялись различные комплексы артикуляционных упражнений с использованием красочного наглядного материала, сказки о «Веселом язычке».

Работа по развитию слухоречевой памяти предполагала выработку произвольного запоминания, сохранения и воспроизведения речевого материала разной сложности. Особое место отводилось формированию запоминания порядка речевых единиц. Материал подавался первоклассникам в виде таких игр, как «**Эстафета слов**» (произносилось короткое предложение, ребенок повторял его, добавляя еще одно слово, затем логопед делал то же самое и т. д. Например: «Я рисую»; «Я рисую в альбоме»; «Я хорошо рисую в альбоме»);

«**Что какого цвета?**» (предлагалось прослушать текст и запомнить, какого цвета игрушки на елке, далее необходимо было раскрасить елочные украшения в соответствии с описанием); «**Инопланетяне**» (ученики слушали описание внешности инопланетянина, мысленно представляли себе его и как можно точнее рисовали портрет на листе бумаги).

Коррекция зрительно-пространственных функций предусматривала уточнение представлений детей о схеме собственного тела; развитие ориентировки в окружающем пространстве на вертикальной и горизонтальной плоскости; определение пространственных соотношений элементов графических изображений и букв. При выполнении задания «Копирование точек», где необходимо было скопировать образец – несколько групп точек, и рассказать о пространственном расположении их, многие первоклассники испытывали затруднения. Не всегда удавалось точно скопировать данный рисунок, требовалась помощь со стороны взрослого. При описании образца путались такие понятия как слева/справа, над/под, сверху/снизу, перед/после.

Задания на составление какой-либо фигуры из разрозненных деталей трудностей не вызывало. Некоторым детям была необходима лишь минимальная помощь со стороны взрослого.

Во время проведения физминутки «Найди свое место», где ребятам предлагалось построиться в одну шеренгу, прослушав такие инструкции как: «встать слева/справа от Вани», «встать между Олей и Леной», «встать перед/после Кати» лишь некоторые учащиеся путали данные понятия. Но, так как этот вид работы является групповым, первоклассники достаточно быстро усвоили значение данных слов по подражанию сверстников.

В рамках реализации следующего направления коррекционно-логопеди-

ческой работы – формирование взаимосвязи слухового внимания и графического навыка работа проводилась над развитием слухового внимания и слухо-моторной координации. Первоклассникам было предложено такое задание, как «Графический диктант», где в соответствии с инструкцией выполнялись изображения в тетрадах в клетку. Большое количество учащихся не справлялось с этим заданием, конечный результат значительно отличался от заданного образца, хотя предварительная работа по закреплению всех используемых понятий (вниз/вверх, влево/вправо) проводилась. Это говорит о недостаточном уровне развития слухового внимания и слухо-моторной координации, ребенок не может удерживать инструкцию.

Формированию этих умений способствовала игра «Любопытная муха». Для этой игры необходимо квадратное игровое поле, расчерченное на 9–16 квадратов. В каждый квадрат вставлялась, перевернутая изображением вниз, картинка. Инструкция давалась следующим образом: «Любопытная муха села на левый нижний квадрат и поползла на 2 квадрата вверх, на 1 вправо, на 1 вниз, на 1 вправо и т. п. Покажи, где сейчас сидит муха». Тем детям, которые правильно показали расположение мухи, она загадывала загадки. После того, как ребенок отгадал загадку, открывалась картинка в квадрате, где находилась в данный момент муха. На картинке был изображен предмет, о котором шла речь в загадке. Эта игра имела и другой вариант. В клетках игрового поля записаны слоги. Двигаясь в соответствии с инструкцией ведущего, дети составляли из слогов слова.

Еще одно направление логопедической работы – обогащение лексико-грамматического строя речи, предполагало работу над расширением и активизацией лексики, уточнением

значений слов, закреплением семантических связей между ними, совершенствованием процесса поиска слов, развитием навыков согласования, словоизменения, словообразования.

Таким образом, предпосылки дисграфии уже на начальном этапе освоения грамоты встречается достаточно часто. Многочисленные расстройства зрительно-пространственной координации, графо-моторных навыков, фонематического слуха, языкового анализа и синтеза свидетельствуют о важности и актуальности проблемы изучения дисграфии, предупреждения, выявления предпосылок сразу при поступлении в первый класс.

Из выше сказанного следует, что в основу коррекционно-логопедической работы по предупреждению дисграфии необходимо положить комплексный подход, учитывающий как особенности речедвигательных, так и речеслуховых расстройств у младших школьников.

Целенаправленная логопедическая работа по профилактике нарушений письма у первоклассников в системе взаимодействия может оказать существенное влияние на качество обучения в начальных классах, успешность которого определяет дальнейшую судьбу ученика.

Библиографический список

1. Елецкая О. В., Горбачевская Н. Ю. Логопедическая помощь школьникам с нарушениями письменной речи. – СПб. : Речь, 2007. – 176 с.
2. Логинова Е. А. Нарушения письма : учебное пособие / под ред. Л. С. Волковой. – СПб. : Детство-Пресс, 2004. – 208 с.
3. Парамонова Л. Г. Дисграфия: диагностика, профилактика и коррекция. – СПб. : Детство-пресс, 2006. – 128 с.
4. Поваляева М. А. Профилактика и коррекция нарушений письменной речи. Качество образования. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2006. – 158 с.
5. Садовникова И. Н. Дисграфия, дислексия: технология преодоления. – М. : Парадигма, 2011. – 279 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Eletskaia O. V., Gorbachevskaya N. Yu. Logopedicheskaya pomoshch shkolnikam s narusheniyami pismennoy rechi. – SPb. : Rech, 2007. – 176 s.
2. Loginova E. A. Narusheniya pisma : uchebnoe posobie / pod red. L. S. Volkovoy. – SPb. : Detstvo-Press, 2004. – 208 s.
3. Paramonova L. G. Disgrafiya: diagnostika, profilaktika i korrektsiya. – SPb. : Detstvo-press, 2006. – 128 s.
4. Povalyaeva M. A. Profilaktika i korrektsiya narusheniy pismennoy rechi. Kachestvo obrazovaniya. – Rostov-na-Donu : Feniks, 2006. – 158 s.
5. Sadovnikova I. N. Disgrafiya, disleksiya: tehnologiya preodoleniya. – M. : Paradigma, 2011. – 279 s.

© Емельянова И. А., Егорова Е. Е., 2016

УДК 371.21

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КЛАСТЕР СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА
В СФЕРЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ ГИМНАЗИИ**

О. В. Коновалова
Л. В. Караева

*Педагоги,
Гимназия № 1, г. Ноябрьск,
Ямало-Ненецкий автономный округ, Россия*

**EDUCATION CLUSTER OF SOCIAL PARTNERSHIP
IN ADDITIONAL EDUCATIONAL SERVICES OF SCHOOL**

O. V. Konovalova
L. V. Karaeva

*Teachers,
Gymnasium № 1, Noyabrsk,
Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Russia*

Summary. The article discusses the modern mechanisms of interaction of social institutions in the area of additional educational services, which are operative in the «Gymnasium № 1» of Noyabrsk. In the article you may learn about the basic principles and criteria for the efficiency of the educational cluster, about the directions of the analysis of the external environment on the components of the direct and indirect impact on the functioning and development of educational institutions, about the structure of the analysis of the internal environment, about the effectiveness of the various forms of cooperation with the social partners.

Keywords: education cluster; additional educational services; social partnership.

Дополнительное образование детей – это новое прочтение образования сегодня

А. Г. Асмолов

В современном кризисном состоянии российского социума, когда переоценке подвергается широкий спектр ценностей, особую значимость приобретает дополнительное образование детей. Учащиеся должны владеть не только комплексом необходимых предметных, метапредметных, личностных результатов, но и обладать личностными качествами, позволившими бы им реализовать себя в профессиональном и социальном плане.

Задача развития социального партнерства в сфере дополнительного образования детей является системообразующей в обновлении и повышении его качества. Об этом свидетельствует

обозначенная в Концепции миссия дополнительного образования, которое должно превратиться в «подлинный системный интегратор открытого вариативного образования», обеспечивающего конкурентоспособность личности, общества и государства, и превратить жизненное пространство школьников в мотивирующее пространство, определяющее их самоактуализацию и самореализацию.

По нашему мнению, одно из перспективных направлений в сложившейся ситуации является взаимодействие с социальными партнерами.

Среди социальных субъектов, взаимодействие с которыми во многом определяет жизнь образовательного учреждения, важное место занимают социальные партнеры. Сейчас наступил такой момент, когда об образовании (в том числе и дополнительном)

говорят как о сфере услуг, употребляя такие понятия, как конкурентоспособность, образовательная услуга, сегмент рынка, маркетинговые исследования, социальное образовательное партнерство, франчайзинг. Новые социально-экономические условия в нашей стране требуют и новых форм управления, координации, сотрудничества.

Для дополнительного образования нашей гимназии социальное партнерство является естественной формой существования и функционирования. Развитие социального партнерства и выстраивание социального диалога с внешней средой – социальная основа управления учебно-воспитательным процессом в гимназии.

В гимназии социальные институты функционируют в форме образовательного кластера – это система географически соседствующих взаимосвязанных образовательных учреждений и компаний различных организационно-правовых форм, функционирующих в образовательной сфере и взаимодополняющих друг друга в определении главного продукта – качества образовательной услуги как уровня «образованности» человека. Участники кластера не являются потребителями конечного продукта (образованности выпускников), но

консолидируют и развивают лучшие образовательные программы и технологии, что гарантирует конечный продукт высокого уровня. Образовательный кластер в гимназии нацелен на совершенствование образовательного и научного процессов на основе современных программ и технологий.

Основные цели образовательного кластера:

- максимизировать качество образовательного продукта;
- привлечь наиболее прогрессивные кадры для участия в образовательном процессе;

– создать устойчивый бренд образовательного кластера для всех типов потребителя.

Принципы:

- согласованность образовательных программ всех участников кластера;
- модульный принцип построения учебных программ;
- пользование инновационных технологий и методик в обучении;
- адаптация учащихся с разными возможностями;
- равноправие социальных партнеров и согласование интересов;
- добровольность принятия взаимных обязательств;
- взаимная ответственность;
- наличие информационного поля, освещающего процессы партнерства.

Критерии эффективности:

- наличие единой стратегии развития;
- наличие сквозных, предусматривающих вовлеченность всех уровней участников кластера, программ инновационного развития и проектных программ;
- наличие системы сетевого обмена эксклюзивными образовательными модулями и ресурсами;
- наличие актуальной лабораторной, стажировочной базы (профессиональные пробы);
- высокое качество социализации, как учащихся, так и преподавателей.

Результативность от различных форм взаимодействия с социальными партнерами

✓ Применение эффективных моделей и рациональная организация дополнительного образования в гимназии в части повышения мотивации и эффективности учебной деятельности учащихся.

✓ Внедрение в учебно-воспитательный процесс новых педагогических и информационно-коммуникационных технологий обучения, эффективных форм и методов обучения, пересмотр содержания обучения с учетом новых производственных и информационно-коммуникационных технологий в соответствии с требованиями сферы труда региона.

✓ Организация и проведение мероприятий, направленных на формирование профессиональной культуры учащихся, привитие ценностей и норм профессиональной среды.

✓ Работа представителей производств в качестве наставников. Их участие в подготовке к конкурсам, внеурочным мероприятиям, научно-практическим конференциям профессиональной направленности.

✓ Предоставление учащимся возможности профессиональных проб и привлечение внимания учащихся к изменениям на рынке труда, к специальностям, пользующимся спросом на рынке труда.

✓ Возрастание доли участия профессиональных сообществ в определении требований к содержанию обучения и в развитии материально-технической базы гимназии.

✓ Взаимодействие субъектов социального партнерства в оценке качества образовательного процесса и комплексной оценке деятельности гимназии.

✓ Выявление необходимости формирования дополнительных компетенций, определяемых современными требованиями.

✓ Определение перечня курсов в дополнительном образовании на основе механизма социального партнерства.

✓ Мониторинг отслеживания результативности работы дополнительного образования.

✓ Привлечение специалистов предприятий для профориентационной работы.

Актуальность данного образовательного кластера обусловлена новизной и сложностью образовательной ситуации перехода на новые стандарты, представляющие образование как целостную систему, охватывающую все ступени – от дошкольной до профессиональной. Признание Правительством РФ ценности дополнительного образования как важного ресурса обеспечения прав человека на свободное личностное развитие и профессиональное само-

определение – свидетельство государственной важности решения проблем образования и социализации человека.

Все это обеспечивает гимназии устойчивый положительный имидж в оказании образовательных услуг.

Сложившийся механизм социально-го партнерства и высокий процент поступающих выпускников по профильному направлению в высшие учебные заведения свидетельствует о том, что учащиеся устойчиво мотивированы и основательно подготовлены к дальнейшему образованию по освоенным в гимназии программам дополнительного образования профессиональной направленности.

Коллективом гимназии созданы условия для развития ключевых компетенций у учащихся, обусловленных требованиями государственных образовательных стандартов, обеспечивающих выпускнику мобильность, коммуникативные навыки, умение работать в «команде», способность к самоуправлению, стремление к непрерывному самообразованию.

Правильно организованное социальное партнерство обеспечивает гимназии конкурентоспособность на рынке образовательных услуг, помогает смягчить социальные последствия проводимых реформ в образовании, обеспечивает гарантированный уровень образования, представляющий необходимую основу для полноценного развития личности, будущей профессиональной деятельности, возможности обучения на последующих уровнях профессионального образования.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) (гл. 2, ст. 15).
2. Концепция развития дополнительного образования детей. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 4 сентября 2014 года № 1726-р.
3. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

4. Аксенова И. Г. и др. Политика социального партнерства (российский и зарубежный опыт). – М. : ТК Велби, Издательство Проспект, 2003.
5. Мелехина Т. А. Духовно-нравственное воспитание школьников в среде социального партнерства. Программа на 2008–2012 год.
6. Письмо Министерства образования и науки РФ «Об организации внеурочной деятельности» от 12.05.2011 г. 03-296.
7. Социально-педагогическое партнерство в решении актуальных задач воспитания : научно-методическое пособие / под научной ред. В. А. Степиховой. – СПб. : СПб АППО, 2010. – 125 с.
8. Степихова В. А. «Портрет» социально-педагогического партнерства в петербургской школе // Социально-педагогическое партнерство в решении социальных проблем ребенка : материалы межрегиональной научно-практической конференции 15 марта 2012 года / под общ. ред. В. А. Степиховой. – СПб., 2012. – 255 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Federalnyiy zakon ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii» (s izmeneniyami i dopolnениями) (gl. 2, st. 15).
2. Kontseptsiya razvitiya dopolnitelnogo obrazovaniya detey. Utverzhdena rasporyazheniem Pravitelstva RF ot 4 sentyabrya 2014 goda № 1726-r.
3. O Kontseptsii dolgosrochnnogo sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda. Rasporyazhenie Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 17 noyabrya 2008 g. № 1662-r.
4. Aksenova I. G. i dr. Politika sotsialnogo partnerstva (rossiyskiy i zarubezhnyiy opyt). – M. : TK Velbi, Izdatelstvo Prospekt, 2003.
5. Melehina T. A. Duhovno-nravstvennoe vospitanie shkolnikov v srede sotsialnogo partnerstva. Programma na 2008–2012 god.
6. Pismo Ministerstva obrazovaniya i nauki RF «Ob organizatsii vneurochnoy deyatel'nosti» ot 12.05.2011 g. 03-296.
7. Sotsialno-pedagogicheskoe partnerstvo v reshenii aktualnykh zadach vospitaniya : nauchno-metodicheskoe posobie / pod nauchnoy red. V. A. Stepihovoy. – SPb. : SPb APPO, 2010. – 125 s.
8. Stepihova V. A. «Portret» sotsialno-pedagogicheskogo partnerstva v peterburgskoy shkole // Sotsialno-pedagogicheskoe partnerstvo v reshenii sotsialnykh problem rebenka : materialy mezhhregionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 15 marta 2012 goda / pod obschey redakt-siey V. A. Stepihovoy. – SPb., 2012. – 255 s.

© Коновалова О. В., Караева Л. В., 2016

УДК 378.14.7

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ CASE STUDY
В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ**

**П. Н. Медведев
Н. В. Медведева**

*Кандидат педагогических наук, доцент,
кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент,*

А. С. Барсуков

*студент,
Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
г. Тула, Россия*

USE CASE STUDY TECHNOLOGY IN YOUTH PROFESSIONALISATION

P. N. Medvedev

*Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant professor,*

N. V. Medvedeva

*Candidate of Agricultural Sciences,
assistant professor,*

A. S. Barsukov

*student,
Tula State Pedagogical University
named after Lev Tolstoy, Tula, Russia*

Summary. This article explains the necessity of mastering the students versatile and professional competences with a view to their professionalization. We consider the design-technological competence as an integrative quality of a person, which includes the possession of special design and technological knowledge and skills, awareness in the field of related sciences, the ability to apply this knowledge in their professional activities. Describes the peculiarities of the use of technology case studies in forming student's design-technological competence. Basis of algorithmized case-method make algorithmic orders to study the devices, materials and objects, characterized by the logic of a single study.

Keywords: versatile competence; professional competence; professionalization; design-technological competence; case study technology; algorithmized case-method.

Преодоление технологических проблем производства в целом и сельских территорий в частности невозможно без совершенствования профессионального образования, создания условий для привлечения квалифицированных молодых кадров, их профессионализации.

Основная цель системы профессионализации – сформировать у молодежи установку на необходимость профессионального самоопределения, устойчивый интерес к профессии, побудить к активному поиску, выбору и самостоятельному решению профессиональных проблем.

Приоритетным направлением профессионализации в вузе является овладе-

ние студентами универсальными и профессиональными компетенциями [1].

Исследования показывают, что одной из основных профессиональных компетенций является проектно-технологическая компетенция, которая рассматривается как интегративное качество личности, включающее владение специальными проектно-технологическими знаниями и умениями, осведомленность в области смежных наук, умение применять эти знания в профессиональной деятельности [2].

С целью совершенствования процесса формирования проектно-технологической компетенции были разработаны

методические подходы обучения, в основе которых лежит решение профессионально направленных технических задач и анализ технических систем.

В широком смысле под профессионально направленной технической задачей подразумевается задача, связанная с применением совокупности знаний, умений и навыков в труде. Таким образом, процесс обучения складывается из решения технических задач и выполнения технологических операций.

Последовательность решения задач едина: усвоение задачи, анализ ее содержания, нахождение способа решения, его обсуждение и реализация в практической деятельности или модели. Центральным звеном в данной последовательности является поиск решения.

Для активизации деятельности студентов на этапе осуществления поиска целенаправленно и логично был использован алгоритмизированный кейс-метод. Целенаправленность поиска определяется созданием образа некоторого идеального конечного результата (ИКР), который в реальной жизни недостижим, но приближение к нему любого технического объекта или технической системы является правильным направлением, собственно, и определяющим научно-технический прогресс. Кроме того, при таком подходе у обучаемых формируется и развивается определенная система интеллектуальных умений, направленных на совершенствование техники и технологий. Такая система обладает свойством переноса и на другие сферы человеческой деятельности. Таким образом, алгоритмизированный кейс-метод характеризуются тем, что не дает указания на конкретное действие, а лишь выделяет направления, следуя которым студент должен определить систему конкретных действий, приводящих к успеху.

Основу алгоритмизированного кейс-метода составляют алгоритмические предписания, разработанные на основе объединения совокупности понятий в группы, характеризующиеся единой логикой изучения.

Алгоритм изучения процессов

1. Определение процесса.
2. Научно-теоретические основы изучаемого процесса.
3. Исходные материалы, необходимые для оптимального протекания процесса.
4. Условия, при которых происходит процесс.
5. Оборудование, приспособления, инструменты, используемые для осуществления процесса.
6. Ход процесса, его последовательность.
7. Результат процесса.
8. Отличительные особенности процесса.
9. Область применения процесса.

Аналогичные алгоритмы разработаны для изучения устройств, материалов и предметов (неделимых изделий).

Технология обучения работе с алгоритмическими предписаниями, представляющими собой специфические планы изучения компонентов технических систем, имеет свои особенности.

В ходе беседы со студентами устанавливается, что изучение структуры и особенностей той или иной системы должно следовать определённой логике. Эта последовательность представлена в виде перечня шагов, называемых *алгоритмическими предписаниями*. При объяснении материала необходимо придерживаться порядка следования шагов алгоритмического предписания.

На последующих занятиях студенты самостоятельно проводят анализ технических систем и объектов. В зависимости от продвижения студентов в усвоении навыков самостоятельного поиска

изменяется объём и сложность учебного задания [3].

Кейс-метод – это инструмент, с помощью которого значительно облегчается и качественно улучшается обмен идеями в группе обучаемых. В ходе анализа технических систем и объектов участник вправе принять или отвергнуть обоснованность любого постулата или определения. Другими словами, во ходе этого интеллектуального процесса он имеет возможность делать различные выводы так же, как и в профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Информационно-образовательная среда вуза как фактор профессионализации молодежи / П. Н. Медведев, А. С. Барсуков // Новая наука: от идеи к результату : международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции / в 2 ч. Ч. 1. – Стерлитамак : РИЦ АМИ, 2015. – С. 26–28.
2. Критерии и показатели сформированности проектно-технологической компетенции бакалавров / П. Н. Медведев, А. Н. Сергеев, А. В. Сергеева // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – Тула : Изд-во ТулГУ, 2014. – Вып. 4. Ч. 2. – С. 134–139.
3. Формирование проектно-технологической компетенции бакалавров в процессе обучения моделированию : монография / П. Н. Медведев. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing Gnbh & Co. KG, 2012. – 156 с. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22806936> (дата обращения 25.12.2015).

Bibliograficheskiy spisok

1. Informatsionno-obrazovatel'naya sreda vuza kak faktor professionalizatsii molodezhi / P. N. Medvedev, A. S. Barsukov // Novaya nauka: ot idei k rezultatu : mezhdunarodnoe nauchnoe periodicheskoe izdanie po itogam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / v 2 ch. Ch. 1. – Sterlitamak : RITs AMI, 2015. – S. 26–28.
2. Kriterii i pokazateli sformirovannosti proektno-tehnologicheskoy kompetentsii bakalavrov / P. N. Medvedev, A. N. Sergeev, A. V. Sergeeva // Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki. Vyip. 4. Ch. 2. – Tula : Izd-vo TulGU, 2014. – S. 134–139.
3. Formirovanie proektno-tehnologicheskoy kompetentsii bakalavrov v protsesse obucheniya modelirovaniyu : monografiya / P. N. Medvedev. – Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing Gnbh& Co. KG, 2012. – 156 s. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22806936> (data obrascheniya 25.12.2015).

© Медведев П. Н., Медведева Н. В., Барсуков А. С., 2016

УДК 612:796

**ДЕТИ НОВОГО ВРЕМЕНИ: ПЕРСПЕКТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ
НАЧАЛЬНОЙ СПОРТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ**

A. K. Москатова

*Доктор педагогических наук,
кандидат биологических наук,
профессор, мастер спорта,
бакалавр,*

T. M. Козлов

*Российский государственный университет
физической культуры, спорта, молодежи
и туризма, г. Москва, Россия*

**CHILDREN OF NEW TIMES:
PROMISING STRATEGY FOR INITIAL SPORTS TRAINING**

A. K. Moskatova

*Doctorate of Pedagogical Sciences,
Candidate of Biological sciences, Professor,
Master of Sport,
student,*

T. M. Kozlov

*Russian State University Physical Education,
Sport, Youth and Tourism, Moscow, Russia*

Summary. The article shows the results of the creative use of a systematic approach in the implementation of the innovation strategy of initial sports training and development of coordination capacity for gaming activities on the example of basketball for children of primary school age with different genetic background to the accelerated development of extraordinary mental and physical and intellectual abilities and effective adaptation to the evolutionary transformation of the Earth and the space environment that refutes the standard features of the age recommended to start learning and sports. We examined the relationship of genetic and epigenetic factors that determine the variability of individual development. The directions of children's learning coaches can ensure the effective development of a unique generation of children predetermine formation of a new human race.

Keywords: generation of children; transformation of the age-related standards; systems approach; diagnosis of giftedness; phenomenology ontogenesis: the impact of epigenetic incentives; best samples of the genetic code; coordination capacity; the pleasure of self-realization; systemic thinking coach; strategy of mutual creativity.

Перспективы развития любых видов спорта в текущем периоде XXI века не мыслимы без понимания принципов эффективной организации спортивного отбора, предварительной и начальной спортивной подготовки детей, проявляющих врождённые склонности и интерес к активной двигательной, игровой, соревновательной деятельности, удовлетворяющей их естественную, природную потребность к самовыражению. При этом, генерация современных детей генетически, физиологически,

психологически значительно отличается от общеизвестных характеристик развития, относящихся к общепринятой периодизации по календарному возрасту. Нормативы, отмеченные в вузовских учебниках и пособиях, не учитывают реалии значительных, быстротекущих эволюционных трансформаций человеческого генома, испытывающего давление множества физических факторов внешнесредовой динамики. Определённые эволюционные законы действуют на всех планах

многомерной человеческой конституции и на каждом плане сознания. Индивидуальное развитие отличается сложностью взаимодействий персонифицированной генетической программы и её фенотипической (или надгенетической) реактивностью, в связи с чем на комплексном, системном уровне моменты относительно плавного перехода от одного психофизического состояния к следующему, сменяются непредсказуемыми квантовыми скачками и переключениями собственно генетического контроля за структурными и функциональными изменениями многомерной конституции человеческих особей. Кроме того, *индивидуальное развитие* претерпевает разнообразные позитивные или негативные воздействия в связи с психоэмоциональными состояниями и переживаниями особи, изменчивыми и доминирующими реакциями её индивидуального сознания, а также подвергается влияниям энергоинформационного поля и полярных проявлений коллективного сознания всей человеческой Расы настоящего этапа эволюции земного антропогенеза.

В результате, установленные *стандарты* возрастных нормативов, рекомендуемых для начала организованной учебной и/или спортивной деятельности, не являются объективными и обоснованными. Они повторяют возрастные *шаблоны* морфологических параметров и физиологических характеристик, которые не меняются уже десятки лет (!), опираясь на недоказуемую статистику туманных популяционных исследований, проведённых на региональных выборках контингента с абсолютно неизвестными генетическими и фенотипическими предпосылками.

Психофизиологические, медицинские, педагогические и психологические исследования и наблюдения, проводимые по всему миру уже более двадцати лет, свидетельствуют об уникальных качествах и неординарных

способностях, присущих значительно-му количеству детей, чьи души пришли в воплощение из иной реальности и привнесли с собой черты Новой Расы, Нового Времени. Каждый малосведущий родитель, учитель, воспитатель или тренер, желающий перепроверить свои убеждения и необоснованные компетенции, может получить убедительную информацию о развернувшейся по всему миру эволюционной волне рождения феноменальных особей – «детей Будущего», «детей Индиго», «Кристаллических и Звёздных детей», «детей переходного периода», чьи души пришли в земной мир как самосозающие, просветлённые *учителя* и сострадательные *целители*, как *самовыражающиеся индивидуальности*, чтобы явить примеры мужественного преодоления неизведанной, необычной для них, противоречивой земной реальности, формализованной и ограниченной механистичными установками «коллективного бессознательного» – социума, неразумными, необъяснимыми с позиций здравого смысла. Вопреки сложившимся педагогическим и психологическим представлениям о «нормах поведения» и обладая врождённым *внеземным* опытом жизни в целесообразно, гуманно организованных условиях, генерация уникальных детей несёт в своём подсознании решимость проявлять необычные физические и психические способности, тонкую интуицию, пронизательность, правдивость, ясновидение, необычные врождённые таланты, осуществляя прогрессивную духовную миссию [6; 1; 2]. «Каждого такого ребёнка следует признать мудрой душой, которая, руководствуясь своим универсальным сознанием, сознательно избрала для себя культуру, своих родителей и судьбу и через рождение вступила в этот мир» [3, с. 107]. Ожидается, что благоразумное, чуткое, любовное отношение к ним со стороны родителей, воспитателей и учителей

позволит «вырастить удивительное поколение восприимчивых, одарённых людей, которые ради блага всего человечества смогут повести наш мир к объединению и невероятным достижениям [8, с. 220].

Следовательно, процесс обучения студентов, чья деятельность будет связана с привлечением к занятиям физической культурой и спортом любознательных, перспективных, неподражаемых детей нового времени, потребует пересмотра содержания теоретических дисциплин медико-биологического и психолого-педагогического профиля, чтобы помочь будущим детским тренерам продвинуться в самопознании и переосмыслить изучаемые методы спортивной подготовки детского контингента в избранных ими видах спорта.

Будущим спортивным наставникам детей предстоит освоить существенно обновлённые представления относительно:

1) особенностей и закономерностей современного этапа земного антропогенеза;

2) закономерностей онтогенеза и комплекса варьирующих признаков его индивидуального выражения;

3) системного взаимодействия генетических и эпигенетических факторов, определяющих проявление и совершенствование врождённых психофизических потенциалов индивидуума;

4) структуры, психофизиологических факторов, определяющих развитие качеств и способностей, необходимых для достижения намеченных результатов в избранном виде спортивной деятельности.

В настоящем сообщении рассматривается конкретный опыт творческой реализации стратегии предварительной и начальной спортивной подготовки детей 6–7-летнего возраста в группе баскетбола. Инновационный подход к стратегии обусловлен использованием принципов системного мышления и системного подхода к объективной

оценке психофизических возможностей каждого ребёнка, не ограниченной общепринятой ориентацией на установленные возрастные стандарты физического статуса, функциональных возможностей, развития психики и спортивной работоспособности. Благодаря системному мышлению тренер получает возможность более эффективно, избирательно, творчески управлять адаптивными процессами детского организма, принимая во внимание закономерности взаимосвязей и взаимной обусловленности всех составляющих психической и физической конституции, но главное – учитывая индивидуальные особенности проявления одарённости и естественную вариативность самовыражения каждой многозначной личности ребёнка. Таким образом, стратегически и творчески мыслящий тренер создаёт благоприятную перспективу последующего полноценного, своевременного и продуктивного развития не только жизненно важных физических, двигательных качеств ребёнка, но что существенно важнее – укрепляя его психическое здоровье, повышая самоуверенность, способствуя реализации творческих потенциалов и формированию навыков уравновешенных межличностных отношений как в спортивной команде, так и в социальной среде, то есть в целом – воспитывая гармонично развитого человека [11, с. 22–23; с. 130–134].

Посредством использования системного мышления на всех последовательных этапах начальной спортивной подготовки тренер может существенно расширить сферу индивидуального развития, выйти за пределы обучения детей разнообразным двигательным навыкам и освоения специальной игровой координации, так называемой «школы мяча». Путём обучения различным элементам техники, вариантам их тактического использования в разнообразных ситуациях, в игровых взаимодействиях с партнёрами и соперниками

в усложняющихся пространственно-временных условиях, тренер стимулирует *ментальную активность* занимающихся, создаёт информационные воздействия на каналы осознанного восприятия игровых ситуаций и принятие необходимых результативных решений каждым игроком. Множественная и систематическая сенсорная и моторная стимуляция функций физического мозга и умственной активности способствует формированию усложняющихся нейронных сетей, новых информационных каналов связи для внутри- и межполушарных функциональных взаимодействий. Соответственно, нейродинамика мозга и психическая активность ребёнка получает инструменты, которые обеспечивают реализацию нарастающей пространственно-временной сложности моторных координат и позволяют успешно достигать целей посредством всё новых и новых оригинальных решений в игровых задачах.

Осваивая разнообразные навыки и комбинации скоординированных межличностных взаимодействий, развивая адаптационные механизмы координации скорости, усилий и пространственной точности, решая неожиданные двигательные задачи, рождающиеся в процессе игры, личность ребёнка, его самосознание и интеллект претерпевают глубокие изменения, *превосходящие* возрастные психологические и физиологические нормативы. Кроме того, дети обладают врождённой способностью полностью, самозабвенно отдаваться своей игровой активности, получая невыразимое *удовольствие*, испытывая подлинную *радость* соучастия в непредсказуемом развитии игры, прилагая силы к *самовыражению*, *достижению превосходства* в соперничестве. Спортивная игра становится для ребёнка неисчерпаемым источником искренних *эмоций* и *переживаний* *удовольствия*, что обеспечивает мотивацию и энергию для его *творческих*

побуждений – искать и находить неожиданные решения для достижения желаемых результатов и заслуженных поощрений. Психология удовольствия и свободы творческого самовыражения придаёт личности ребёнка мощные стимулы для полноценного психического и физического развития и повышения качественной зрелости самосознания [9, с. 17].

Ребёнок, приобщённый к систематическим занятиям в секции баскетбола, не вписывается в теоретически и практически устаревшие нормативы возрастного развития. Поэтому, отношение учителя или тренера к понятию «*нормативы*» должно получить разумную переоценку в своей основе, как существенный *тормоз* физического и ментального развития *любой человеческой личности* – *изначально уникальной и неповторимой в существе души и духа*. Единство персонифицированного Сознания, Души и Телесности не может быть вписано в рационально полагаемые, статистические «*нормативы*». Ибо *индивидуальное сознание* человеческой особи – есть динамичная, эволюционирующая производная Единого, Творящего, Созидающего, Самопревосходящего Абсолютного Сознания. Талантливые дети Нового Времени, не позволяют ограничивать себя устаревшими нормативами, предписаниями, идеалами и догмами, не хотят следовать «старым меркам», но с радостью пополняют спортивные секции, осваивают тайны и премудрость управления своим телом, развивают свой мозг и разум на нескольких уровнях, быстро схватывают и преобразуют информацию в мгновенных мысленных процессах, сочетаемых с повышенной двигательной активностью. Отличаясь независимостью, свободолобием и не нуждаясь во внешних авторитетах для самоопределения, эти дети призваны высшим Замыслом Эволюции строить

Новую Расу одухотворённого, творческого человечества, созидającego новую жизнь и новый спорт для нового планетарного сообщества миролюбивых, здоровых, сильных и красивых людей [4].

Таким образом, используя отмеченную выше систему знаний в сочетании с профессиональным личным опытом игровой деятельности, современный тренер может и должен творчески формировать свои стратегии, учитывать *общественную ценность* каждого одарённого ребёнка, осознанно практиковать системный подход к психическому и физическому *развитию организма* ребёнка и *раскрытию неповторимых потенций личности*, всемерно поощряя его волевые усилия на всех этапах начальной спортивной подготовки, воспитывая чувство общественной ценности своих достижений и личной ответственности за свой вклад в достижения команды.

Отбор детей в группу начальной спортивной подготовки в секции баскетбола

Согласно мнению большинства тренеров и методическим указаниям по теории и методике баскетбола, наиболее благоприятным возрастом для начала систематических занятий баскетболом считается возраст 9–11 лет, т. е. морфофункциональный этап «второго детства». Однако, учитывая отмеченные выше эволюционные предпосылки для ускоренного формирования и опережающего развития общей адаптационной способности организма детей младшего школьного возраста к дозированным физическим нагрузкам и склонность к разнообразной игровой деятельности, в которой ребёнок может удовлетворить врождённую потребность в активном, разностороннем самовыражении в соперничестве с другими детьми, было решено провести набор в секцию баскетбола первоклассников 6–7-лет-

него возраста. Начиная заниматься командным видом спорта с младшего школьного возраста, ребенок получает возможность реализации интеллектуального, физического потенциала, свободного выражения полноты своих эмоций радости, проявления силы воли к обладанию впечатляющих результатов – фактического открытия своих неповторимых возможностей на баскетбольной площадке. Как игрок ребёнок развивает не только самосознание, но приходит к пониманию значимости соучастия всей команды в его личных достижениях, следовательно, он приобретает новые качества *коллективного сознания* и умение их использовать для дружественных, комфортных взаимоотношений в социальной среде. Кроме того, у него появляется возможность к началу «стандартного возраста» 11 лет освоить более сложные по координации элементы игровой техники и тактики и, тем самым, накопить игровой опыт для всестороннего, успешного совершенствования спортивной подготовки к соревновательной деятельности и более быстрому продвижению к высотам спортивного мастерства.

Психофизиологический статус детей младшего школьного возраста и готовность к освоению разнообразных координаций обусловлена проявлениями *сенситивности* – специфически выраженной психической восприимчивости ЦНС, сенсомоторных механизмов, определяющих освоение новых пространственно-временных взаимодействий двигательного аппарата, что наиболее благоприятно для развития координационных способностей и выполнения различных заданий. На этом этапе созревание и усложнение нейронных сетей мозга стимулируется собственно усложняющимися двигательными координациями по механизмам обратной связи, что ускоряет развитие и созревание структурно-функциональных комплексов и механизмов срочной

коррекции скорости и точности движений. Параллельно развиваются регуляторные функции лобной коры – сетей и центров, отвечающих за интеграцию информации о моторных реакциях и сенсорной коррекции, обеспечивающих точные решения двигательных задач.

В этот период целесообразно развивать координационный потенциал, поскольку дети проявляют выраженную способность поддерживать равновесие тела в быстрых, разнонаправленных перемещениях на игровом поле, при изменениях положения тела в пространстве в сочетании с ускорениями, прыжками, поворотами, передачами и приёмами мяча. Они демонстрируют хорошую точность движений в заданных условиях, благодаря развивающейся способности оценивать, дифференцировать и воспроизводить пространственные, силовые и временные параметры техники движений [12, с. 25–27].

Для детей младшего школьного возраста отмечено характерное стремление к самовыражению, демонстрации своих необычных умений, сложных навыков в сравнении со сверстниками, желание быть замеченными и получать поощрения. Эти признаки наиболее активно проявляются в условиях состязательной игровой деятельности, в подвижных играх, в различных эстафетах и особенно в баскетболе, где успешность действий каждого игрока носит непредсказуемый характер и требует проявления особых качеств и оправданных коллективных взаимодействий в быстро меняющихся игровых ситуациях. Все подобные нюансы поведения должны отслеживаться и оцениваться тренером и дружески обсуждаться с игроками. Условия приучают игроков постоянно следить за процессом игры, мгновенно оценивать обстановку, действовать инициативно, находчиво и быстро в любой ситуации. Непрерывное наблюдение за процессом игры помогает развивать способность к объёмному

распределению и концентрации внимания, к пространственной и временной ориентации. Соревновательный характер игры, непрерывное изменение обстановки, удача или неуспех вызывает у детей проявление разнообразных чувств и переживаний, влияющих на их деятельность. Высокий эмоциональный уровень способствует поддержанию постоянной активности и интереса к игре. Эти особенности баскетбола создают благоприятные условия для воспитания у юных баскетболистов умения управлять эмоциями, не терять контроля над своими действиями.

Обоснования к оценке индивидуальных особенностей и перспективности юных спортсменов

Предварительную спортивную подготовку детей тренеру следует рассматривать как своеобразный *период диагностики* индивидуальных способностей, в течении которого осуществляется выбор, изобретение и комбинирование специальных тестов и заданий, наблюдение за их реализацией и размышление, нацеленное на создание продуманного в деталях *пространства возможностей* для каждого ребёнка, чтобы помочь прорастанию даже робких намёков *одарённости* и, тем более, расцвету её ярко выраженных признаков – наглядных, заразных примеров творческой природы каждого юного спортсмена.

Объективная оценка истоков одарённости детей, проявляющих живой интерес и склонность к освоению баскетбольной техники, разнообразных игровых комбинаций и целенаправленных манипуляций мячом во времени и в игровом пространстве, которые требуются для ведения результативной игры, основана на осознанном *системном подходе* к расшифровке *особенностей онтогенеза* – индивидуального развития особи. Каждый ребёнок

в своём развитии претерпевает неповторимые воздействия доброй или конфликтной обстановки в семейной среде от начала рождения и сопровождающей его на протяжении раннего детства. Подсознание ребёнка запечатлевает проявления нюансов ментальной и эмоциональной *рефлексии* взаимоотношений между родителями и с родителями. Она оставляет характерные следы в его поведении, что имеет принципиальное значение в выборе тренером адекватной стратегии педагогического сопровождения занятий ребёнка в спортивной секции, чтобы содействовать реализации потенциала психоэмоциональной основы способностей, ведущих к прогнозируемым достижениям одарённой личности в избранном виде спортивной деятельности.

Распространённое в среде детских тренеров мнение о перспективности развития *ростовых характеристик морфологической конституции* детей высокорослых родителей, не соответствует реальным следствиям генетической детерминации роста, как объективного преимущества особи в спортивной игре. Выявлено, что ряд индивидов с нарушенным равновесием в наборе *половых хромосом* ($X + Y$) и наличием его аномальной структуры, например – ($X + YY$ или $X + YYY$), может отличаться особенно высоким ростом, мегалитическими признаками в физической конституции, однако при этом у них проявляются признаки определённых ограничений умственных способностей и дефекты ментального развития.

На этом этапе приобщения ребёнка к спортивной деятельности внимание тренера должно быть направлено на выявление способности к восприятию и реагированию на изменения сенсомоторных параметров движения, особенностей проявления межполушарных взаимодействий право/левой функциональной асимметрии мозга в разнообразных игровых комбинациях и ре-

шении игровых задач, выраженности поведенческих характеристик личности, согласованности личных побуждений с требованиями командной игры. Для правильного выбора стратегии спортивной подготовки, учитывающей *индивидуальные особенности* каждого ребёнка, тренер должен использовать знания о системных взаимоотношениях внутренних (*генотипических*) и внешних (*фенотипических*) факторов, которые способны направить индивидуальное развитие к эффективной реализации врождённых потенциалностей не только в избранной спортивной деятельности, но и далее в общественной жизни личности.

Вместе с тем, наука донныне не разрешила дилеммы – является ли физическая или интеллектуальная *одарённость* к определённым видам и сферам жизненной деятельности *генетически детерминированной* особенностью конкретной особи или она может быть развита при жизни посредством специальной тренировки или психофизических технологий. Генетический детерминизм – *центральная догма*, пока ещё обсуждаемая на страницах научных публикаций и не изъятая из биологических учебных дисциплин, превратила самосознание её сторонников в жертвы собственной наследственности. Они абсолютно уверены, что *гены* управляют судьбой, здоровьем и всеми чертами человека – физическими, поведенческими, эмоциональными.

Однако, появились веские доказательства альтернативы. Генетик из университета Мэдисона (шт. Висконсин, США) – Говард Тёмин (Howard Martin Temin – /1934–1994/), Нобелевский лауреат по физиологии и медицине (1975) доказал, что *генетический код* может быть изменён искусственным путём или под влиянием определённых энерго-информационных факторов, присущих мерностям внешней среды. Также в исследованиях другого биогенетика,

профессора биологии из университета Дьюка (Дарем, шт. Сев. Каролина) Фредерика Ниджхаута (Frederik Nijhout) было установлено, что *гены* не способны активироваться сами по себе для создания определённых генных продуктов в связи с клеточными потребностями, но они подчиняются внешним информационным и энергетическим стимулам, которые запускают регуляторные процессы и перенастраивают генетическую программу в соответствии со спектром возможных *эпигенетических (надгенетических)* реакций организма, предусмотренных его генотипом. Один и тот же *генотип* содержит в своей матрице множественные *варианты развития организма* в зависимости от динамичной совокупности *внешнесредовых эпигенетических факторов* и изменчивости условий жизнедеятельности, что сопряжено с подверженностью многомерной человеческой природы закономерным эволюционным преобразованиям [7, с. 217–223; 15].

Для правильных суждений будущим учителям и детским тренерам, необходимо принять во внимание объективные сведения о человеческой природе и факторах, определяющих стези, ступени и достижения индивидуального развития, т. е. феноменологию *онтогенеза*. Это закономерный, непрерывный, но индивидуально выраженный, вариативный процесс роста и качественных изменений морфо-функциональной организации и психического развития особи, направленный к обеспечению её жизнеспособности в условиях земной среды. Онтогенез начинается от момента оплодотворения яйцеклетки спермием, оформления *зиготы* – диплоидной клетки с полным набором из 46 хромосом. Стартовый *сигнал* к запуску программы всех этапов развития, которому предшествует процесс рекомбинации родительских генов в хромосомном наборе нового генотипа и последующее клеточное деление, начинается с мо-

мента снисхождения с высших планов и воплощения в зиготу *искры сознательной души*. Этот принципиальный, ключевой момент запуска индивидуальной программы развития особи не учитывается материалистической генетикой, которая не способна понять бесконечную череду причин и факторов *неповторимой индивидуализации и ценности опыта воплощений души каждой человеческой особи*.

Именно душа привносит *программу* индивидуальной выраженности развития многомерной конституции, организации энергетической структуры жизнеобеспечения, предпосылок ментальных и эмоциональных проекций индивидуального сознания, определяющего предназначение каждой особи – осуществление ею определённой *жизненной миссии*, избранной *сознанием души* до перехода к воплощению. Программа души предусматривает неизбежное завершение физическим телом личности *жизненного цикла*, но его качественное выражение, эффективность реализации физических и психических потенций у каждой личности будет испытывать влияние склонностей, привычек, потребностей *плотского эго-сознания*, конкурирующего с самосознанием *духовной души* в выборе *пути развития* и устремлением к обретению плотских и/или духовных жизненных ценностей. Каждая индивидуализация посредством множества воплощений накапливает *неповторимые* черты своего жизненного опыта, который реализуется в присутствии ей талантах.

Установлено, что психофизическое развитие каждой человеческой особи контролируют не только *наследственная, генетическая программа (индивидуальный генотип, совокупность унаследованных генов)*, но также и сложная совокупность *эпигенетических (надгенетических)* энергетических и информационных *факторов* внешнего мира,

которые побуждают организм адаптироваться и проявлять специфическую *индивидуальную, фенотипическую реактивность* на квантовом уровне, что вызывает непредсказуемые переключения компонентов генотипа, отдельных генов и генетической программы развития. В результате, накопление положительных или отрицательных признаков – *фенов*, будет выражать в целом относительно высокую, умеренную или низкую жизнестойчивость развивающегося организма в отношении актуальных условий существования [13, с. 22].

Соприкасаясь с различными сторонами индивидуального развития человеческой особи и проявления её одарённости к избранной деятельности, тренеру и учителю важно иметь представление о *спектре эпигенетических факторов*, способных трансформировать генетическую программу и перенаправить развитие в позитивном направлении. Среди них отмечены:

1) состояние психического и физического здоровья родителей, условия жизни и семейная атмосфера на протяжении периода эмбрионального развития и раннего детства;

2) циклические *изменения геофизических и космофизических условий земной жизни*, касающихся активности электромагнитных полей в различных климатогеографических зонах планеты, которые влияют на биоэлектрическую активность мозга, центральной нервной, вегетативной и эндокринной систем, а также на квантовые уровни модуляции генетического аппарата и массы клеток, начиная с эмбрионального периода развития;

3) *взаимодействия* организма, сознания, психики, интеллекта развивающегося индивида с квантовыми полями, несущими энергию и информацию со стороны окружающей природы, а также с совокупностью следов энергетических стимулов социального, семейного, культурного, этнического,

коммуникативного и информационного характера;

4) систематизированная, целенаправленная, самомотивированная *двигательная активность* и спортивная деятельность индивидуума, сопровождающаяся сознательными усилиями и соблюдением дисциплины в организации жизни;

5) повторяемость и интенсивность эмоциональных откликов, ментальной рефлексии множества событий, психоэмоциональных переживаний стрессогенного характера, оставляющих следы в клеточной и генетической памяти;

6) *рацион питания*, его адекватность возрастным потребностям развивающегося организма и степень очищенности от любых видов *генетически модифицированных организмов* (бактериальных, растительных, животных), ввиду их непредсказуемого деструктивного воздействия на генетический аппарат человека, здоровье и развитие [14].

Совокупность этих *эпигенетических факторов* приводит к существенным энергетическим и информационным трансформациям механизмов реализации генетической программы, в результате чего ожидаемые проявления качественного прироста психофизиологических признаков, высоких спортивных достижений, интеллектуальной продуктивности, жизнеспособности и здорового долголетия могут уступить место подверженности дисфункциям и заболеваниям.

Обширные исследования, нацеленные на поиски фактов преобладающей генетической детерминации выдающихся спортивных достижений талантливых личностей, вероятных носителей *особых генов*, присущих генотипам олимпийских чемпионов и золотых медалистов, привели к подтверждению выводов, полученных в экспериментальных моделях на популяции животных, о том, что *гены и типичные им*

аллели, предположительно соучаствующие в проявлении признаков отмеченных у индивидуумов с выдающимися двигательными и функциональными способностями, обладают присущей им природной *вариативностью* как *динамичные инструменты* для восприятия множества отмеченных выше эпигенетических факторов и условий, сопровождающих индивидуальное развитие на всей протяжённости жизненного цикла [16, с. 89–90].

Факторная структура развития координационной способности на этапе начальной спортивной подготовки

Начальный этап спортивной подготовки детского контингента посвящается преимущественно развитию координационной способности и освоению навыков общей, разносторонней психомоторной координации, подводящей к овладению техническими приёмами владения мяча, целенаправленных взаимодействий в игровых комбинациях, ведущих к выигрышу. Необходимость быстро и целесообразно преобразовывать движения и формы действий по ходу баскетбольных состязаний требует от игроков сознательной мобилизации всех своих возможностей, максимальной концентрации усилий, преодоления психоэмоциональных напряжений, возникающих в ходе спортивной борьбы. Особенности игровых ситуаций, сопровождающих состязания баскетбольных команд, способствуют воспитанию у игроков настойчивости, решительности и целеустремленности, что должно учитываться тренером в планировании режимов тренировки детского контингента, в использовании подводящих упражнений, моделировании адекватных ситуаций и усложняющихся заданий на координацию в системе подвижных игр, чтобы помочь каждому ребёнку продвигаться по ступеням совершенствования моторики и волевых качеств.

Предпосылками для формирования обоснованной системы развития индивидуальных особенностей и качественного овладения координационными структурами множества игровых комбинаций служит *система психофизиологических факторов*, знание которых необходимо тренеру при формировании тренировочных программ, нацеленных на развитие высших уровней специальной координации юных баскетболистов. Факторы принимаются во внимание при планировании обоснованных режимов скоростно-силовой тренировки психомоторных качеств, подбора комплекса упражнений, помогающих эффективной реализации *координационного потенциала* каждым начинающим игроком для последующего творческого использования освоенных технико-тактических комбинаций для повышения спортивного мастерства [10, с. 64–73].

Рассмотрим значимость нижеследующих функциональных факторов, определяющих эффективность физической и психической адаптации начинающих баскетболистов к требованиям игровой деятельности.

1) *Нейродинамическая конституция мозга* определяет индивидуальные типологические свойства нервной системы – силу, подвижность, концентрированность процессов возбуждения и торможения и уравновешенность между ними; считается энергетическим резервом адаптации сенсомоторных центров коры мозга к сложным пространственно-временным взаимодействиям. Личности с сильным, уравновешенным, подвижным типом нервной системы, характерной для *сангвиников*, наиболее предрасположены к устойчивой координации и стабильной технике движений, что создаёт оптимальные предпосылки к результативной игровой деятельности в баскетболе. Личности с *холерической* типологией нервной системы – сильной, неуравновешенной,

подвижной, которым свойственно быстрое реагирование на значимые стимулы, но неустойчивая временная структура управления моторикой, потребуют от тренера более тщательной работы и формирования навыков быстрой сенсорной коррекции моторной координации для освоения игровых действий как в защите, так и в нападении. Личности, обладающие сильным, уравновешенным инертным типом нервной системы – *флегматики*, отличающиеся высокой пространственной точностью и согласованностью движений, могут проявлять в игре уверенность, эмоциональную устойчивость и результативную самореализацию на площадке в условиях быстро меняющихся, сбивающих факторов. Тренеру следует иметь ввиду, что в современной генерации детей будут преобладать не стандартные психологические архетипы темпераментов, но смешанные типы, сочетающие в своей самореализации всю широту потенциала эволюционирующей человеческой Расы.

2) *Психодинамическая конституция*. Индивидуальные свойства высшей психической деятельности определяют: объем и скорость сенсорных восприятий, осмысления, запечатления, переработки и воспроизведения информации в процессе программирования движений; реализацию пространственно-временных отношений элементов координации; эффективность решения двигательных задач в ситуациях различной сложности. В зависимости от врождённых потенций психического развития ребёнок приобщается к выбору игрового амплуа, в котором его координационная и ментальная способность будет влиять на результативную игру команды.

3) *Сенсорная и моторная память*, включающая опыт впечатлений, непосредственного восприятия событий в условиях тренировочной и соревновательной деятельности, а также запас

разнообразных вариантов решения технико-тактических задач, формируют основу *подсознательной памяти* и *интуиции*. Роль интуиции, помогающей качественно экстраполировать развитие игровой ситуации, предугадывать действия соперника и творчески создавать и выбирать оптимальные варианты достижения цели, рассматривается в баскетболе как выражение высокого спортивного мастерства.

4) *Чувствительность различения времени движения*. Точность субъективной оценки временных параметров сложно-координированных движений в различных видах передач, переводов мяча во множестве игровых ситуаций, в условиях противодействий защитников, существенно повышает качество и результативность игры.

5) *Моторный интеллект* имеет весомое значение в развитии координации, определяя логику двигательного действия, его адекватность ситуации, соответствие цели избираемого действия и прогнозу развития событий. С ним связана: обучаемость индивида; освоение усложняющихся координаций; более быстрая адаптация к различным игровым ситуациям; реализация творческой способности к формированию индивидуального стиля и виртуозности исполнения технических элементов, игровых комбинаций; результативность решения технико-тактических задач, «обманных» действий, нестандартных решений в неожиданных игровых ситуациях.

6) *Генетические факторы* Генетическая детерминация отдельных компонентов координационной способности вариативна в связи с рассмотренными ранее *эпигенетическими* воздействиями на индивидуальный генотип и выражениями его реактивности. Практика системного подхода к оценке и стимулированию индивидуального развития ставит перед тренером задачи обоснованного применения психологических

и физиологических принципов развития специальной тренированности организма и личности, с учётом установленной специфичности генотипов современных детей новой генерации.

Заключение

1. Разработка новых, перспективных стратегий начальной спортивной подготовки одарённых детей требует от тренера, прошедшего вузовское обучение, *нового мышления*, освобождения от ментальных ограничений, посеянных при изучении стандартного содержания базовых дисциплин. Он должен стремиться к новаторству и искать новые подходы к организации развивающего обучения и тренировки одаренных детей. Ему необходимо, преодолеть неколебимое доверие к добытым ранее *субъективным знаниям* авторитетных теоретиков спортивной науки и практиков спорта, кому далеко не чужды заблуждения. Размышляя и формируя критическое отношение к устоявшимся представлениям, тренеру следует настраиваться на *творческий поиск нового знания*, не поддаваться иллюзиям, будто накопленные к данному моменту знания помогут решать все проблемы, сопровождающие нарастающие и быстротечные изменения сознания человеческого сообщества и многоликого спортивного мира.

2. Практикуя стратегию обоюдного сотворчества на всех этапах начального обучения, воспитания и тренировки юных спортсменов, раскрывая тем самым собственный творческий потенциал к исследованию многообразия путей развития человеческих личностей, тренер должен стремиться не только к гармоничному развитию даровитых юных спортсменов, но также не чуждаться познания и расширения собственной душевной природы, используя все доступные возможности чтобы строить с ними добросердечный, заинтересо-

ванный диалог, внимательно воспринимать их своеобразную, недетскую, душевную мудрость, заряжаться энергией их любознательности, глубоко прислушиваться к *их мнениям*, а не к голосам в своей голове – тем, что твердят усвоенные истины и скороспелые ответы на любые вопросы. Творческое взаимодействие тренера с контингентом *детей нового времени* должно сопровождаться *вопросами*, которые прокладывают путь к новым возможностям, к новому сознанию, к просветлённому восприятию благодатных даров человеческой природы [5, с. 321].

Библиографический список

1. Белимов Г. С. Дети Индиго: Кто управляет планетой? – М. : РИПОЛ-классик, 2007.
2. Вёрче Дорин. Кристальные дети. На смену Индиго: Дети служители Света / пер. с англ. – М. : София, 2008.
3. Гегенкамп Каролина. Энциклопедия Индиго – Теория и практика общения с новыми детьми / пер. с нем. – М. : София, 2007, 5. Обучение, С. 107.
4. Гегенкамп Каролина. Феномен Индиго: Дети Нового Времени / пер. с нем. – М., София, 2007.
5. Д'Соуза Стивен, Реннер Дайана. Не в знании сила. Как сомнения помогают нам развиваться / пер. с англ. – М. : Альпина-Паблшер, 2015. – С. 321.
6. Кюлевинд Георг. Звёздные дети. Дети, которые ставят перед нами особые задачи / пер. с нем. – М. : Evidentis, 2006.
7. Липтон Брюс, Бхаэрман Стив. Спонтанная эволюция: Позитивное будущее и как туда добраться / пер. с англ. – М., София, 2010, Гл. 7. – С. 217–223.
8. Лоузи Мэг Блекберн. Дети будущего уже среди нас. Дети индиго, кристаллические и звёздные дети, ангелы на Земле и феномен переходных детей / пер. с англ. – М. : РИПОЛ-классик, 2007. – С. 220.
9. Лоуэн А. Удовольствие: Творческий подход к жизни / пер. с англ. – М. : Изд. «Психотерапия», 2011, Гл. 1 Психология удовольствия – С. 17.
10. Москатова А. К. Спортивная физиология. Лекционный курс. – М. : Министерство спорта Российской федерации, РГУФКСМиТ, 2014. – С. 64–73.

11. O'Коннор Джозеф, Макдермотт Иан Искусство системного мышления. Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем / пер. с англ. – М. : Альпина Паблишер, 2015. – С. 22–23, 130–134.
12. Скрипец Э. Б. Развитие координации у баскетболистов // Физическая культура для учителей – Изд. Группа «Основа», Пилотный выпуск, август, 2011. – С. 25–27.
13. Шпорк Петер Читая между строк ДНК. Второй код нашей жизни или Книга, которую нужно прочитать всем / пер. с нем. – М. : ЛомоносовЪ, 2013. – С. 22.
14. Carey Nessa The Epigenetics Revolution: How Modern Biology is Rewriting Our Understanding of Genetics, Disease and Inheritance. – London, UK, Icon Books Ltd., 2011.
15. Nijhout Frederik (Duke University) – Publications (1997 – 2015) – <http://phdtree.org/scholar/nijhout-h-frederik/publication>.
16. Shenk David The Genius in All of Us. Why everything you've been told about genetics, talent and intelligence is wrong – London, UK, Icon Books, 2011, Chapter six, P. 89–90 – Genes don't directly cause traits; they only influence the system.
7. Lipton Bryus, Bhaerman Stiv. Spontannaya evolyutsiya: Pozitivnoe buduschee i kak tuda dobratsya / per. s angl. – М. : Sofiya, 2010, GL. 7. – S. 217–223.
8. Louzi Meg Blekbern. Deti buduschego uzhe sredi nas. Deti indigo, kristallicheskie i zvYozdnyie deti, angelyi na Zemle i fenomen perehodnyih detey /per. s angl. – М. : RIPOL-klassik, 2007. – S. 220.
9. Louen A. Udovolstvie: Tvorcheskiy podhod k zhizni / per. s angl. – М. : Izd. «Psihoterapiya», 2011, Gl.1 Psihologiya udovolstviya – S. 17.
10. Moskatova A. K. Sportivnaya fiziologiya. Lektionnyiy kurs. – М. : Ministerstvo sporta Rossiyskoy federatsii, RGUFKSMiT, 2014. – S. 64–73.
11. O'Konnor Dzhozef, Makdermott. Ian Iskusstvo sistemnogo myshleniya. Neobhodimyye znaniya o sistemah i tvorcheskom podhode k resheniyu problem / per. s angl. – М. : Alpina Pablisher, 2015. – S. 22–23, 130–134.
12. Skripets E. B. Razvitie koordinatsii u basketbolistov // Fizicheskaya kultura dlya uchiteley – Izd. Gruppya «Osnova», Pilotnyiy vyipusk, avgust, 2011. – S. 25–27.
13. Shpork Peter. Chitaya mezhdru strok DNK. Vtoroy kod nashey zhizni ili Kniga, kotoruyu nuzhno prochitat vsem / per. s nem. – М. : Lomonosov, 2013. – S. 22.

Bibliograficheskiy spisok

1. Belimov G. S. Deti Indigo: Kto upravlyaet planetoj? – М. : RI-POL-klassik, 2007.
2. Vyorche Dorin. Kristalnyie deti. Na smenu Indigo: Deti sluzhite-li Sveta / per. s angl. – М. : Sofiya, 2008.
3. Gegenkamp Karolina. Entsiklopediya Indigo – Teoriya i praktika obscheniya s novyimi detmi / per. s nem. – М. : SOFIYA, 2007, 5. Obuchenie, S. 107.
4. Gegenkamp Karolina. Fenomen Indigo: Deti Novogo Vremeni / per. s nem. – М., Sofiya, 2007.
5. D'Souza Stiven, Renner Dayana. Ne v znanii sila. Kak somneniya pomogayut nam razvivatsya / per. s angl. – М. : Alpina-Pablisher, 2015. – S. 321.
6. Kyulevind Georg. ZvYozdnyie deti. Deti, kotoryie stavyat pered nami osobyie zadachi / per. s nem. – М. : Evidentis, 2006.
14. Carey Nessa. The Epigenetics Revolution: How Modern Biology is Rewriting Our Understanding of Genetics, Disease and Inheritance. – London, UK, Icon Books Ltd., 2011.
15. Nijhout Frederik (Duke University) – Publications (1997–2015) – <http://phdtree.org/scholar/nijhout-h-frederik/publication>.
16. Shenk David. The Genius in All of Us. Why everything you've been told about genetics, talent and intelligence is wrong – London, UK, Icon Books, 2011, Chapter six, P. 89–90 – Genes don't directly cause traits; they only influence the system.

© Москатова А. К., Козлов Т. М., 2016

УДК 796.056.26

**ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ СПОРТСМЕНОВ
С ПОРАЖЕНИЯМИ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА,
ЗАНИМАЮЩИХСЯ ПАУЭРЛИФТИНГОМ**

- А. В. Хотимченко** *Профессор,
Тихоокеанский государственный
университет, г. Хабаровск, Россия,*
- И. М. Воротилкина** *доктор педагогических наук,
профессор,
Приамурский государственный университет
имени Шолом-Алейхема, г. Биробиджан,
Еврейская автономная область, Россия,*
- Л. В. Бянкина** *кандидат педагогических наук, доцент
Дальневосточная государственная
академия физической культуры,
г. Хабаровск, Россия,*
- М. В. Верещагин** *тренер,
Хабаровский краевой
физкультурно-спортивный клуб профсоюзов
«Спартак», г. Хабаровск, Россия*

**FEATURES OF MOTIVATION OF ATHLETES WITH LESIONS
OF THE MUSCULOSKELETAL SYSTEM INVOLVED IN POWERLIFTING**

- A. V. Khotimchenko** *Professor,
Pacific National University, Khabarovsk,
Khabarovsk region, Russia*
- I. M. Vorotilkina** *Doctor of Pedagogical Sciences, professor,
Sholom-Aleichem Priamursky
State University Birobidzhan,
Jewish Autonomous region, Russia*
- L. V. Byankina** *Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant professor,
Far Eastern State Academy of Physical Culture,
Khabarovsk, Khabarovsk region, Russia*
- M. V. Veretschagin** *trainer,
The Khabarovsk regional sport club
of trade unions "Spartak" Khabarovsk,
Khabarovsk region, Russia*

Summary. The motivation of the disabled sports activities with lesions of the musculoskeletal system involved in powerlifting is of interest to study both in terms of attracting people with disabilities in sport as well as for the purpose of formation and development of motivation in the course of employment. The article provides an analysis of the motives of sports activities of athletes with lesions of the musculoskeletal system, to participate in the Championship of Russia on power lifting in 2014 in the town of Aleksin. Analyzed indicators for women and men. It was determined that, regardless of gender main motive is the motive of sports achievements.

Keywords: powerlifting disabled; athletes stages of sports; training lesions of the musculoskeletal system.

Общепризнан тот факт, что занятия физической культурой и спортом благотворно влияют на личность, причем это проявляется не только в физическом

совершенствовании, но и прежде всего в психологическом и социальном аспектах. Естественно, что воздействуя на человека в разных направлениях, спорт и привлекает к себе по разным причинам. Поэтому выяснение данных причин или мотивов занятий спортом является проблемой, не утрачивающей своей актуальности на протяжении всего времени существования организованных занятий. Факт прихода в спортивный зал инвалида – человека, имеющего поражения опорно-двигательного аппарата (ПОДА), обусловлен не столько его личным желанием, но и целым комплексом факторов и обстоятельств, обуславливающих саму возможность занятий. К данным факторам, прежде всего, относятся материально-технические возможности зала и не просто кадровый состав, но человеческий потенциал конкретного тренера, работающего с инвалидами. Далее следуют наличие методики и система распространения информации среди инвалидов: зачастую у людей, имеющих поражения просто нет сведений о предлагаемых спортивно-оздоровительных услугах. Не на последнем месте находится возможность добраться от дома до зала, поскольку человеку, зачастую передвигающегося на инвалидной коляске, необходима определенная помощь. Как показано в проведенных нами ранее исследованиях, большое значение имеет помимо всего прочего и время получения травмы (перенесения заболевания) [1, 5].

На Чемпионате и Первенстве России по пауэрлифтингу для лиц с ПОДА в г. Алексин (2014 г.) нами было проведено анкетирование тренеров и спортсменов-участников. Одним из вопросов анкеты участников стал вопрос о значимости причин (мотивов), по которым спортсмены занимаются данным видом спорта. В анкетировании приняли участие 74 спортсмена, из них 51 спортсмен мужского пола и 23 женского. Респондентам было предложено оценить по десятибалльной шкале зна-

чимось каждого из предложенных мотивов (таблица).

Основным движущим мотивом, независимо от пола у спортсменов пауэрлифтеров с ПОДА является «Достижение высокого спортивного результата»: у мужчин данный показатель составил 8,29 балла, у женщин – 8,69. Исследования проводились среди участников Чемпионата России и весьма логично, что данный мотив среди спортсменов такого уровня явился определяющим.

На втором месте по важности мотив «Улучшить физическую форму». У мужчин он набрал 7,47 балла, у женщин – 8,56. В тройку лидирующих мотивов у мужчин вошел мотив – «улучшить состояние здоровья», а у женщин «работа над собой (воспитание морально-волевых качеств)». Мотив «работы над собой» у мужчин находится на четвертом месте, а вот мотив улучшения здоровья у женщин на шестом, пропускающая такие мотивы как «получение впечатлений» и желание «быть полезным обществу». Возможно при увеличении количества респондентов данные тенденции не нашли бы своего продолжения, поскольку изначально, как указывается авторами, изучающими данные проблемы [2, 3, 4], и самой логикой занятий физическими упражнениями инвалидами мотив улучшения состояния здоровья является ведущим на этапе начала занятий. Однако на уровне соревнований высокого ранга мотивы, играющие важную роль на начальном этапе занятий, могли сместиться из-за развития мотивов социального уровня.

Наименее значимыми мотивами у спортсменов-пауэрлифтеров с ПОДА являются коррекция веса (и у мужчин и у женщин), активный отдых и удовлетворение желания в движении. Полученные данные легко объясняются тем, что указанные мотивы играют важную роль, когда спортсмен только приступает к занятиям, либо занимается в спортивно-оздоровительных группах.

Результаты исследования мотивов участников Чемпионата России по пауэрлифтингу для лиц с ПОДА

№ п/п	Мотивы	Мужчины, средний показатель	Женщины, средний показатель	Разница показателей
1.	Достичь высоких спортивных результатов	8,29	8,69	0,4
2.	Улучшить физическую форму	7,47	8,56	1,09
3.	Хочу быть полезным обществу	6,41	6,89	0,48
4.	Улучшить состояние здоровья	6,65	6,15	0,5
5.	Достичь гармонии не только в умственном, но и в физическом развитии	5,89	5,33	0,56
6.	Получение впечатлений	5,59	7,23	1,64
7.	Работа над собой (воспитать морально-волевые качества)	6,46	7,98	1,52
8.	Активно отдохнуть	4,77	5,88	1,11
9.	Улучшить телосложение (формы тела)	5,31	6,07	0,76
10.	Стремление показать свои возможности	6,25	6,01	0,24
11.	Найти друзей, товарищей	5,27	5,97	0,7
12.	Удовлетворить желание в движении (двигательная активность)	5,05	5,69	0,64
13.	Коррекция веса	2,83	3,75	0,92

Наибольшую разницу в значении показателей между группами мужчин и женщин составили такие мотивы как «получение впечатлений», «улучшить физическую форму», «активно отдохнуть», разница в средних показателях больше единицы. Наименьшую разницу, то есть наибольшее согласие между мужчинами и женщинами с поражениями опорно-двигательного аппарата, выступающими на соревнованиях по пауэрлифтингу всероссийского уровня имеют показатели мотивов «стремление показать свои возможности», «достижения высоких спортивных результатов», «улучшение состояния здоровья». Наибольшую разницу составили показатели мотивов «получение впечатлений», «активный отдых» и «работа над собой». Причем оценивание данных мотивов во всех трех слу-

чаях выше у женщин. В целом следует отметить, что оценки мотивов по десятибалльной шкале у женщин спортсменок выше, чем у мужчин.

Таким образом, в результате проведенного исследования, можно сделать основной вывод о том, что для достижения высоких спортивных результатов на первом месте должен быть соответствующий мотив. Именно благодаря данному мотиву на протяжении многих лет занятий можно поддерживать устойчивый интерес к данному виду спорта. Спортсмены-инвалиды относятся к спорту не просто как к средству реабилитации, а как к спортивной карьере, связанной со стремлением к высоким спортивным результатам и постоянным самосовершенствованием в конкретном виде спорта.

Библиографический список

1. Бянкина Л. В., Хотимченко А. В. Проблемы выделения этапов спортивной подготовки пауэрлифтеров с поражениями опорно-двигательного аппарата // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2015. – № 10 (128). – С. 33–36.
2. Воротилкина И. М. Физическая культура в социальной защите населения // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. – 2011. – № 4. – С. 218–223.
3. Евсеев С. П., Шапкова Л. В. Адаптивная физическая культура: учебное пособие. – М.: Советский спорт, 2000. – 240 с.
4. Махов А. С. Адаптивный спорт в России и за рубежом: становление, организация, регулирование: монография. – М.: РУДН, 2011. – 196 с.
5. Хотимченко А. В., Бянкина Л. В. Обоснование программ спортивной подготовки для взрослых спортсменов-пауэрлифтеров с ПОДА // Физиологические и биохимические основы и педагогические технологии адаптации к разным по величине физическим нагрузкам: материалы II Международной научно-практической конференции (27–28 ноября 2014). – Казань, 2014. – С. 313–314.

Bibliograficheskiy spisok

1. Byankina L. V., Hotimchenko A. V. Problemy vyideleniya etapov sportivnoy podgotovki pauerlifterov s porazheniyami oporno-dvigatel'nogo apparata // Uchenye zapiski universitet imeni P. F. Lesgafta. – 2015. – № 10 (128). – S. 33–36.
2. Vorotilkina I. M. Fizicheskaya kultura v sotsialnoy zaschite naseleniya // Uchenye zapiski Zabayskalskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya, sotsiologiya, kulturologiya, sotsialnaya rabota. – 2011. – № 4. – S. 218–223.
3. Evseev S. P., Shapkova L. V. Adaptivnaya fizicheskaya kultura: uchebnoe posobie. – M.: Sovetskiy sporta, 2000. – 240 s.
4. Mahov A. S. Adaptivniy sport v Rossii i za rubezhom: stanovlenie, organizatsiya, regulirovanie: monografiya. – M.: RUDN, 2011. – 196 s.
5. Hotimchenko A. V., Byankina L. V. Obosnovanie programm sportivnoy podgotovki dlya vzroslyih sportsmenov-pauerlifterov s PODA // Fiziologicheskie i biokhimicheskie osnovy i pedagogicheskie tehnologii adaptatsii k raznyim po velichine fizicheskim nagruzkam: materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (27–28 noyabrya 2014). – Kazan, 2014. – S. 313–314.

© Хотимченко А. В., Воротилкина И. М., Бянкина Л. В., Верецагин М. В., 2016

УДК 378.126

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОЛЛЕКТИВ ВУЗА КАК СУБЪЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В КОМПЕТЕНТНОСТНОМ
ФОРМАТЕ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ)**

А. М. Шехмирзова *Кандидат педагогических наук, доцент,*
Л. В. Грибина *кандидат педагогических наук, доцент,*
Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп, Республика Адыгея, Россия

**TEACHING STAFF OF THE UNIVERSITY AS A SUBJECT
OF REALIZATION EDUCATIONAL PROCESS IN THE COMPETENCY
FORMAT (METHODOLOGICAL PROBLEMS)**

A. M. Shekhmirzova *Candidate of Pedagogical Sciences,*
assistant professor,
L. V. Gribina *Candidate of Pedagogical Sciences,*
assistant professor,
Adyghe State University, Maikop,
Republic of Adyghea, Russia

Summary. The article investigates the problem of implementation of competent approach in higher education process. The significance of the activities of teaching staff within the competence model of higher education is presented as one of the important methodological problems of modern teaching practices. For example, the formation of students of universal / general cultural competence highlights the role of the joint efforts of the team of high school teachers in the educational system towards these results. The presented findings are based on this analysis of regulations in various areas of training and higher education levels, generalization of the practice of formation of competencies in a number of Russian universities, studying the results of numerous scientific publications domestic and foreign researchers.

Keywords: competence model of higher education; university teaching staff; joint activity; the practice of forming general cultural competencies; systemic educational result.

Происходящие в рамках Болонского процесса перманентные изменения в системе высшего российского образования особенно интенсивны в последние годы. Модернизация федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) и программ высшего образования (ВО) практически становится константной, обуславливая значительные осложнения в деятельности высшей школы. Вместе с тем, следует признать уже пройденным системой высшего образования точку невозврата к ее прежнему состоянию и, адаптируясь, следует вносить конкретные изменения в образовательную практику

с сохранением традиций как отличительных ее особенностей. Определенные действия в этом направлении уже сделаны и изменения в системе высшего образования закреплены в нормативных документах, отражающих стратегию государства по отношению к намечаемым в высшей школе переменам в ближайшей среднесрочной перспективе. Это, в основном, нормативные документы программного характера, касающиеся не только социально-экономического развития нашей страны в целом (Стратегия инновационного развития в РФ на период до 2020 года, утв. Распоряжением Правительства РФ

от 08.12.2011 № 2227-р; Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»; Государственная программа РФ «Развитие образования» на 2013-2020 годы в новой редакции; ФЗ «Об образовании в РФ» от 29.12.2012 № 273-ФЗ в ред. от 13.07.2015 и др.), но и решаемых системой высшего образования профессиональных задач (утвержденные ФГОС ВО четвертого поколения, Профессиональные стандарты). Однако, внесение изменений в нормативные составляющие социально-экономического развития российского общества и системы высшего образования не становится достаточным для существенных преобразований в реальной практике обучения. В условиях перехода на ФГОС ВО четвертого поколения (ФГОС 3+) требуется пересмотр устоявшихся традиционных подходов к организации вузовского образовательного процесса, внесение глубоких системных изменений во все его структурные компоненты (содержание, образовательные технологии и др.). Неизбежность влияния компетентностного подхода на стандарты российского образования подчеркивается в трудах известного ученого А. В. Хуторского, знакомство с которыми позволяет вникнуть в сущность этой значимой проблемы [5].

Как показал анализ многочисленных научных публикаций исследователей, в образовательной практике российских вузов имеются значительные трудности в реализации компетентностного подхода [1; 2; 4]. Согласно данному подходу, теперь оцениванию подлежат не полученные знания и умения, а компетенции специалистов в ряде определенных профессиональных ситуациях. Это нововведение в стандартах стало основной темой конференций последних лет, организуемых на разных уровнях (вузовском, региональном, российском, международном) с участием ведущих

специалистов и ученых. И на каждом из них, подчеркивалось не только и не столько приобретаемые знания и навыки, а значимость собственных характеристик выпускаемых специалистов, дающих им возможность осуществлять профессиональную деятельность с учетом возможных рисков в ситуациях неопределенности. Данный аспект был подробно исследован британским психологом Дж. Равеном, который проанализировал компетенции и представил концептуальные основания для их мониторинга, что впоследствии повлияло на изменение мировой образовательной системы под этот результат [7]. Сегодня реализация требований ФГОС ВО нового поколения в компетентностном формате актуализирует проблему качества образования, подготовки и переподготовки профессорско-преподавательского состава вузов. Отсюда, одним из существенных методологических и методических сложностей, возникающих при формировании компетенций у выпускников высшей школы, становится высокая значимость коллективных усилий преподавателей вуза в реализации компетентностной модели высшего образования [3; 6].

Необходимость пересмотра устоявшихся подходов к организации образовательного процесса можно представить на примере формирования у студентов универсальных/общекультурных компетенций (УК/ОК) в соответствии с требованиями ФГОС ВО. В методических рекомендациях Минобрнауки РФ по актуализации действующих ФГОС ВО с учетом принимаемых профессиональных стандартов (№ ДЛ-2/05вн от 22.01.2015 г.) предлагаются уточнения в формулировках УК/ОК в связи с общемировыми тенденциями ориентации на качество ВО в рамках реализации Болонского процесса. С учетом ускоряющихся изменений на современном рынке труда в рамках компетентностной модели высшего образования

повышается социальная значимость УК/ОК, эффективное формирование которых возможно только на основе совместных усилий вузовского профессорско-преподавательского коллектива. Как интегрированные образовательные результаты, УК/ОК отражают и гармонизируют требования высшего образования и профессиональной квалификации. Это способствует, с одной стороны, сохранению социальной значимости высшего образования, а с другой – позволяет учитывать реальные потребности рынка труда. В широко обсуждаемых ФГОС ВО нового поколения и основных профессиональных образовательных программах (ОПОП) теперь должны быть интегрированы требования профессиональных стандартов. Практическая реализация этих нормативных документов предусматривает необходимость коллективной деятельности педагогического состава вуза. От согласованности действий всех членов профессорско-преподавательского коллектива как совокупного субъекта образовательного процесса зависит эффективность его конечного результата, выраженного на языке компетенций.

Традиционная практика высшего образования с ее предметной ориентацией занижает социальную значимость универсальных компетенций. Негативные последствия такого положения дел, по мнению В. И. Байденко, может разрушить единое компетентностное пространство России [3]. Отсюда, возникает необходимость понимания значимости УК/ОК в обеспечении качества высшего образования в условиях Болонского процесса и решения ряда методических, ресурсных, кадровых и структурных трудностей, связанных с получением системных образовательных результатов посредством совместных усилий педагогического коллектива.

По результатам анализа многочисленных научных публикаций отече-

ственных и зарубежных исследователей и обобщение практики формирования компетенций в ряде российских вузов, можно заключить, что устойчивость сложившихся в вузовских педагогических коллективах стереотипов педагогической деятельности обуславливают трудности реализации компетентностного подхода. Традиционная практика осуществления педагогической деятельности не в состоянии обеспечить необходимый уровень сформированности компетенции выпускников, достаточный для эффективного разрешения ими проблем в профессиональной сфере деятельности (Фоменко С. Л., Кузенков О. А. и др.). Наряду с теоретико-методической предметной готовностью педагогического коллектива требуются личностные качества, позволяющие осуществлять профессиональное межличностное взаимодействие в условиях реализации требований ФГОС ВО в метапредметном, интегративно-модульном образовательном процессе (А. А. Виландеберг, Е. И. Сахарчук, В. В. Сериков, А. П. Тряпицына, С. Л. Фоменко и др.). Вместе с тем, если необходимость исключения традиционной изоляции учебных дисциплин теоретически осознается педагогическим коллективом, то повсеместно на практике наблюдается попытка измерения ими результатов образования в виде компетенций, руководствуясь только предметной парадигмой [1; 2; 4; 6].

Качественные преобразования в деятельности образовательных организаций и вузовских педагогических коллективов зависят от рационального осуществления менеджмента в компетентностно-ориентированном образовании и оптимального управления их командной работой в условиях освоения и реализации ими образовательных технологий с учетом требований ФГОС ВО. Отсюда, реализация содержания образования от результата предполагает установление внутриколлективного

взаимодействия и сотрудничества при осуществлении образовательного процесса и выбора образовательных технологий дисциплинарно модульного и системного уровней. Только в развитом состоянии педагогический коллектив может выступать субъектом реализации образовательного процесса в компетентностном формате.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы компетентностного подхода в образовании и реализации ФГОС нового поколения: материалы всероссийской научно-практической конференции (28 февраля 2013 года). – Тамбов: Тамбовский областной институт повышения квалификации работников образования, 2013. – 304 с.
2. Бермус А. Г. Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании // Интернет-журнал «Эйдос». – 2005. – 10 сентября. – <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-12.htm>.
3. Болонский процесс: поиск общности европейских систем высшего образования (проект TUNING) / под науч. ред. В. И. Байденко. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. – 211 с.
4. Современные практики формирования профессиональных компетенций и освоения российскими вузами инновационных продуктов и технологий: науч.-метод. материалы / под науч. ред. Т. И. Грабельных и В. А. Решетникова. – Иркутск: ИГУ, 2012. – 423 с.
5. Хуторской А. В. Компетентностный подход в обучении: научно-методическое пособие. – М.: Эйдос; Институт образования человека. – 2013. – 73 с. (Серия «Новые стандарты»).
6. Шехмирзова А. М., Пшизова А. Р. Методологические проблемы вузовской практики формирования универсальных компетенций (на примере педагогических и экономических направлений подготовки) // В мире научных открытий. – 2015. – № 11.4 (71). – С. 1498–1508.
7. Raven J. Competence in Modern Society: Its Identification, Development and Release / by J. Raven. – Oxford, England: Oxford Psychologists Press, 1984. – P. 420.

Bibliograficheskiy spisok

1. Aktualnyie problemy kompetentnostnogo podhoda v obrazovanii i realizatsii FGOS novogo pokoleniya: materialyi vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (28 fevralya 2013 goda). – Tambov: Tambovskiy oblastnoy institut povyisheniya kvalifikatsii rabotnikov obrazovaniya, 2013. – 304 s.
2. Bermus A. G. Problemy i perspektivy realizatsii kompetentnostnogo podhoda v obrazovanii // Internet-zhurnal «Eydos». – 2005. – 10 sentyabrya. – <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-12.htm>.
3. Bolonskiy protsess: poisk obschnosti evropeyskiy sistem vyisshego obrazovaniya (proekt TUNING) / pod nauch. red. V. I. Baydenko. – M.: Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 2006. – 211 s.
4. Sovremennyye praktiki formirovaniya professionalnykh kompetentsiy i osvoeniya rossiyskimi vuzami innovatsionnykh produktov i tehnologii: nauch.-metod. materialyi / pod nauch. red. T. I. Grabelnykh i V. A. Reshetnikova. – Irkutsk: IGU, 2012. – 423 s.
5. Hutorskoy A. V. Kompetentnostnyy podhod v obuchenii: nauchno-metodicheskoe posobie. – M.: Eydos; Institut obrazovaniya cheloveka. – 2013. – 73 s. (Seriya «Novyye standarty»)
6. Shehmirezova A. M., Pshizova A. R. Metodologicheskie problemy vuzovskoy praktiki formirovaniya universalnykh kompetentsiy (na primere pedagogicheskikh i ekonomicheskikh napravleniy podgotovki) // V mire nauchnykh otkryitiy. – 2015. – № 11.4 (71). – S. 1498–1508.
7. Raven J. Competence in Modern Society: Its Identification, Development and Release / by J. Raven. – Oxford, England: Oxford Psychologists Press, 1984. – P. 420.

© Шехмирзова А. М., Грибина Л. В., 2016

Sociální vědy

УДК 37.013.42

**РИСКИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Р. А. Андрианова

*Кандидат педагогических наук,
Институт изучения детства,
семьи и воспитания Российской академии
образования, г. Москва, Россия*

**THE RISK OF SOCIAL ADAPTATION
OF MIGRANTS IN MODERN RUSSIAN SOCIETY**

R. A. Andrianova

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Institute for the Study of childhood,
family and upbringing of the Russian
Academy of Education, Moscow, Russia*

Summary. The article provides a description of the main risks of social adaptation of migrants. With the loss of inner circle – close friends, relatives, neighbors, community – workers lose a significant portion of social support. Many of them are not sufficiently fluent in Russian, Russian laws do not know, have no idea about the realities of Russian life. Migrants in the shortest time necessary to solve the housing and financial problems, to adapt to a foreign culture. Problems of social adaptation lead to the closure in his ethnic group, which may contribute to their retraction in various extremist groups. In the article the social adaptation of migrants is seen as the process of adaptation of the individual to the new social environment and the adoption of its standards and values.

Keywords: ethnic group; social risks of adaptation; socially disadvantaged groups; socially stable group; extremist groups; a difficult life situation and social risk.

Перед российским обществом стоят проблемы осознания новых вызовов, связанных с массовым бесконтрольным притоком выходцев из других стран, с другим менталитетом, иными традициями и культурой межэтнических взаимодействий.

Из ближнего и дальнего зарубежья в Российскую Федерацию приезжают не только квалифицированные и образованные специалисты. Значительная часть мигрантов – бедные, необразованные, невостребованные у себя на родине. Многие из них не в достаточной степени

владеют русским языком, не знают российские законы и тем более не имеют представления о реалиях российского бытия. При этом мигранту в кратчайшие сроки необходимо решить жилищные и материальные проблемы, адаптироваться к чужой культуре [1].

Известно, что при миграции серьезно затрудняется социальная адаптация мигрантов: из одной привычной среды жизнедеятельности они перемещаются в другую. С потерей ближайшего окружения – близких людей, родственников, соседей, общины – мигранты

утрачивает значительную часть социальной поддержки. Безусловно, переход мигрантов из социально уязвимой группы населения в социально стабильную и социально перспективную группы населения – одно из важнейших условий обеспечения профилактики их девиантной активности [1].

Исследования, проведенные нами в 2014 году, показали, что большая часть (65%) из 120 опрошенных нами мигрантов находятся в зоне социального риска (ограниченный материальный ресурс, неудовлетворительные жилищные условия, наличие хронических заболеваний и вредных привычек – курения, злоупотребления алкоголем). Ближайшее их социальное окружение в чужой стране – те же мигранты с такими же проблемами адаптации и интеграции. Возникает своего рода порочный круг, когда проблемы социальной адаптации ведут к их замыканию в своей этнической группе.

Опасность представляют и распространение криминальных анклавов мигрантов, которые пытаются втянуть своих земляков экстремистские и террористические группировки, в «теневой» бизнес, контрабанду, наркоторговлю, проституцию. По сведению начальника московского управления федерально-миграционной службы (УФМС) Ольги Кирилловой, меняется состав миграции, помимо трудовых мигрантов в Российскую Федерацию приезжают различные криминально организованные структуры [<http://gfaclaims.com>]. Вызывает тревогу активная деятельность запрещенной в Российской Федерации организации ИГИЛ («Исламское государство Ирака и Леванта»). Организация ИГИЛ образовалась в Ираке в 2006 году во время оккупации этой страны армией Соединенных Штатов Америки. ИГИЛ ставит перед собой цель создания на Ближнем Востоке исламского государства, в котором законы Шариата были бы пре-

обладающими [<https://ru.wikipedia>]. Активная пропаганда ИГИЛ идей религиозного экстремизма, организация выезда молодых мусульман, проживающих на территории РФ, с целью их вербовки, представляет собой серьезную угрозу национальной безопасности российского общества. Важным проявлением экстремизма как социально-педагогического феномена является интолерантность (нетерпимость). Экстремисты крайне нетерпимы к «чужим» социальным группам, к людям другой этнической группы, которые исповедуют иные религиозные идеи, политические взгляды. Экстремисты пренебрегают правами и интересами противостоящей стороны и не желают идти на мирное решение противоречий. В конце 90-х годов прошлого века деятельность экстремистских групп и организаций была замкнутой в конкретных территориальных пределах, например, города или села. В настоящее время экстремистская деятельность благодаря Интернет-ресурсам значительно расширила границы воздействия на сознание молодежи [4].

Социальная адаптация легальных мигрантов способна значительно снизить различные риски развития их девиантной активности, способствовать их интеграции в социум принимающей стороны. Социальная адаптация нами понимается как процесс приспособления личности к новой социальной среде и принятие её норм и ценностей. Основные направления минимизации рисков социальной адаптации мигрантов: своевременное выявление мигрантов группы риска; оперативное вмешательство специалистов, осуществление индивидуальной профилактической работы не только с самим мигрантом, но и с его ближайшим окружением; мониторинг трудной жизненной ситуации и социально опасного положения с момента выявления негативных факторов до их полного устранения.

Библиографический список

1. Андрианова Р. А. Условия профилактики социальных рисков девиантного поведения детей мигрантов // Вестник ВЭГУ. – 2014. – № 3(71). – С. 5–14.
2. Мукомель В. И. Этническая идентификация // Мир России. – 2011. – № 1. – С. 34–50.
3. Назарова Е. И. Межнациональные отношения и адаптация мигрантов в столичном мегаполисе // Этносфера. – 2009. – № 3. – С. 7.
4. Паин Э. А. Социально-культурные границы правового противодействия этнополитическому экстремизму в России // Социальное согласие против правового экстремизма. – М., 2005. – Вып. 3. – С. 4.

Bibliograficheskiy spisok

1. Andrianova R. A. Usloviya profilaktiki sotsialnyih riskov deviantnogo povedeniya detey migrantov // Vestnik VEGU. – 2014. – № 3(71). – S. 5–14.
2. Mukomel V. I. Etnicheskaya identifikatsiya // Mir Rossii. – 2011. – № 1. – S. 34–50.
3. Nazarova E. I. Mezhnatsionalnyie otnosheniya i adaptatsiya migrantov v stolichnom megapolise // Etnosfera. – 2009. – № 3. – S. 7.
4. Pain E. A. Sotsialno-kulturnyie granitsyi pravovogo protivodeystviya etnopoliticheskomu ekstremizmu v Rossii // Sotsialnoe soglasie protiv pravogo ekstremizma. – M., 2005. – Vyipusk 3. – S. 4.

© Андрианова Р. А., 2016

Kulturologie

UDC 783.2 (4–15)

PRINCIPLES OF LINES COORDINATION IN THE EARLY ORGANUM

N. V. Shymansky

*Candidate of Arts, assistant professor,
Belarusian State Academy of Music,
Minsk, Belarus*

Summary. The author applies typological analysis to reveal key features of the early organum including the opposition “unconscious *vs* conscious” and polymelodies. The conclusions are based on the contrastive study of examples from the Chartres codices 130 and the Winchester manuscript. The principles of identity, assimilation, and opposition of lines coordination are associated with the syllabic polyphony. Contrapuntal phenomena in syllabic organum exist in the framework of a moving timbre-texture form where not only splitting and merging but also dynamic interaction of voices is possible. The archetypal sensation of vibration and friction tend to represent ‘beat diaphony’.

Keywords: early organum; intonational rhythmic; lines coordination; trope; syllabic polyphony; polymelodies; friction; heterophony; Medieval liturgical singing.

Despite a number of significant research papers issued in recent years (Rankin, Hughes, Arlt, etc. [4]), early organum still remains a mystery to modern musicology. The problem is to choose the correct approach to conduct the study of the few sources that represent the semi-professional work of medieval singers [2]. This article proposes a historical-stadial approach formulated by M. Kharlap. Early organum is seen as a phenomenon based on the intonational rhythmic. At the same time, the very notion is revised and a new definition of ‘syllabic polyphony’ is introduced to refer to the interaction of voices as in ‘note against note’ principle.

Being free from theoretical prescriptions and avoiding certain simplifications, practice of syllabic polyphony worked out a range of unique principles of lines coordination. Most valuable of those include:

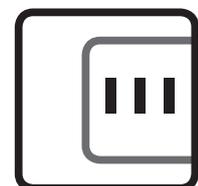
a) polymelodic character and variant heterophony;

b) splitting of choral unison into parts followed by their merger in unison again;

c) freedom of voices interaction in time;

d) fragmented character of parallel voice motion.

It is known that the Winchester manuscript is the only orderly collection of polyphonic pieces compiled in the first quarter of the 11th century. As S. Rankin quotes, “only with the various Saint-Martial codices – none copied before the early 12th century – do we next find polyphonic pieces assembled together in a relatively systematic way” [4, p. 64]. In other cases, there are only fragmentary examples of early polyphony, for example, continental sources Chartres, Fleury or Tours, Saint-Maurdes-Fossés. “Despite their stylistic diversity, an underlying trend of change

towards a freer style, analogous to that described in the meets the Montpellier and Milan treatises, is clear” but “it is the ‘old’ organum represented in the Winchester manuscript” that provides a unique opportunity for research of the relation between theory and practice of liturgical singing in Medieval times [4, p. 64].

At the same time, these collections may serve as confirmation of the idea that troping and polyphony formed two related trends in the singing culture of the Middle Ages. In the preface to the 1894 edition of the Winchester troper, W. Frere [5] and later, A. Plainchart, analysing Winchester repertoire, described three types of tropes – prosulae (text), melismas (melodic) and laudes (new verses containing both text and music). Textual tropes used to clarify and complement the main text.

As the examples show, there is a diaphonic ‘quarter modus’ in these manuscripts and organum *sub voce* may take the form of organum *supra vocem* (respectively, ‘under the voice’ and ‘above the voice’) and vice versa. This applies not only to the middle, but the beginning, when the upper voice from the first notes becomes the lower. Thus, a lot of ‘voice crossings’ appear to impede the perception of the vox principalis and the vox organalis.

Musical tropes were usually elaborated jublations of enthusiastic religious character often on the final syllable of the word ‘Alleluia’. Musical-textual tropes in their turn appeared on the basis of musical ones by creating captions required to memorize long vocalisms. a more detailed analysis of tropes is provided in Frere’s edition [5].

Early sources of organum practice recorded two ways of musical notation – that with separate and joint fixation of voices. Samples of the separate type are found in the Winchester manuscript, organum pieces of the Chartres 4 and Fleury codices Vat. Reg. lat. 586 and 592. The other method is embodied in codices of Chartres 130 and 109, as well as Paris. bibl. nat. lat. 11631, 12584 12596. Both ways of notation fixation represent voice-leading (intonation) by well-sung singers who need no strict regulations about pitch, rhythm, and time of the piece.

Consider the two following fragments of the same chorale with separate and joint fixation of voices, one from text from the Chartres codices 130 and the other from the Winchester troper. This is Alleluia with verse ‘Dies sanctificatus’, which is an essential part of the Christmas Mass.

Example 1. *Opening of Alleluia V. Dies sanctificatus* Chartres [3, p. 127]:

Al-le-lu-ia

Example 2. *Opening of Alleluia V. Dies sanctificatus* Winchester [3, p. 129]:

In the initial phase, the two organa are almost identical representing the unison movement followed by a quarter interval. a small caveat is the inclusion of tone «h» into the Chartres 130 organal voice, the tone which had to be avoided according to the diaphonic rules set forth by treatises. a certain similarity in the melodic structure of voices is articulated by two- and three-note neumes.

Arsis as an essential element of rhythmic intonation, in both cases repeatedly identified on repercussions II of modus «f», emphasized by the adjacent tone «g» and multiple unison merging of voices. Both organa contain hints of pentatonic scale indicating their relation to the early polyphony.

The differences in this case are less apparent than similarities but realising them is crucial for considering the alleged counterpoint. If we assume the possibility of occasional correlation of voices 'note against note', i. e. strictly syllabic movement, then in the Winchester organum on "sanctifica-

tus" in the moments described by Guido as 'occursus', there often arise second frictions. In the Chartres organum in the same position only third and quarter combinations are used.

The principles of lines coordination here are associated with the notion of a strict (synchronous) and free (asynchronous) voice connection determined by intonational rhythm. As a result, seconds frictions and play of voices periodically converging into unison appear quite often along with the temporary stabilization of the lines. It is the primary (archetypal) sensation of vibration and friction which is the most characteristic feature of the so-called 'beat diaphony'. These features of the interaction of the voices could not be realized by the medieval theory prescribing to act "by using a counted and harmonically understood sound" for a simpler singing practice [1, p. 235].

Summing up the results of the above analysis it should be said that early organum is a specific form of Medieval

liturgical music the existence of which is connected with the opposition “unconscious *vs* conscious”. Whilst the unconscious means an unpredictable combination of voices, then the conscious, in contrast, requires the original correctness and regularity. This type of equal lines correlation represents “subject – subject” relation in musical-psychological aspect.

Polymelodics is another important feature of syllabic organum determined by intonational rhythmic patterns originating in the Gregorian chant. This feature is implemented on the basis of methods of identity, assimilation, and opposition of voices. The correspondent principles of lines coordination – identity, assimilation and opposition – are associated with the syllabic polyphony. As a form of vocal-ensemble polyphony, it is focused on the combination of elements of stripe-like unison-heterophonic singing – synchronous and asynchronous. Contrapuntal phenomena in syllabic organum exist in the framework of a moving timbre-texture form where not only splitting and merging of voices is possible, but also there are zones of their dynamic interaction.

Bibliography

1. Музыкальная эстетика западноевропейского Средневековья и Возрождения: хрестоматия / сост. В. П. Шестаков. – М.: Музыка, 1966.
2. Шиманский Н. В. Типология многоголосия в литургической музыке западноевропейской традиции: феномен архаического вокально-ансамблевого интонирования. – Минск: БГАМ, 2006.

3. Arlt, W. Stylistic Layers in Eleventh-Century Polyphony // Music in the Medieval English Liturgy: Plainsong & Medieval Music Society Centennial Essays / ed. by S. Rankin and D. Hiley. – Oxford: Clarendon Press, 2001. – P. 102–141.
4. Rankin S. Winchester Polyphony. The Early Theory and Practice of Organum // Music in the Medieval English Liturgy: Plainsong & Medieval Music Society Centennial Essays / ed. by S. Rankin and D. Hiley. – Oxford: Clarendon Press, 2001. – P. 59–99.
5. Winchester Troper. From MSS. (Manuscripts) of the Xth and XIth centuries with other documents illustrating the history of tropes in England and France / ed. by W. H. Frere. – London, 1894. – P. V–XLII.

Bibliography

1. Музыкальная эстетика западноевропейского Средневековья и Возрождения: хрестоматия / сост. В. П. Шестаков. – М.: Музыка, 1966.
2. Шиманский Н. В. Типология многоголосия в литургической музыке западноевропейской традиции: феномен архаического вокально-ансамблевого интонирования. – Минск: БГАМ, 2006.
3. Arlt, W. Stylistic Layers in Eleventh-Century Polyphony // Music in the Medieval English Liturgy: Plainsong & Medieval Music Society Centennial Essays / ed. by S. Rankin and D. Hiley. – Oxford: Clarendon Press, 2001. – P. 102–141.
4. Rankin S. Winchester Polyphony. The Early Theory and Practice of Organum // Music in the Medieval English Liturgy: Plainsong & Medieval Music Society Centennial Essays / ed. by S. Rankin and D. Hiley. – Oxford: Clarendon Press, 2001. – P. 59–99.
5. Winchester Troper. From MSS. (Manuscripts) of the Xth and XIth centuries with other documents illustrating the history of tropes in England and France / ed. by W. H. Frere. – London, 1894. – P. V–XLII.

© Shymansky N. V., 2016

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ
ВУЗАМИ РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ,
БЕЛОРУССИИ, КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ
НА БАЗЕ VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2016 ГОДУ**

Дата	Название
15–16 февраля 2016 г.	Психология XXI века: теория, практика, перспективы
16–17 февраля 2016 г.	Общество, культура, личность в современном мире
20–21 февраля 2016 г.	Инновации и современные педагогические технологии в системе образования
25–26 февраля 2016 г.	Экологическое образование и экологическая культура населения
1–2 марта 2016 г.	Национальные культуры в социальном пространстве и времени
3–4 марта 2016	Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы
5–6 марта 2016 г.	Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях
10–11 марта 2016 г.	Социогуманитарные и медицинские аспекты развития современной семьи
13–14 марта 2016 г.	Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты
15–16 марта 2016 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
20–21 марта 2016 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2016 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
27–28 марта 2016 г.	Современные инфокоммуникационные и дистанционные технологии в образовательном пространстве
29–30 марта 2016 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2016 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
7–8 апреля 2016 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира

10–11 апреля 2016 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2016 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
18–19 апреля 2016 г.	Актуальные аспекты педагогики и психологии начального образования
20–21 апреля 2016 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2016 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2016 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2016 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2016 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
5–6 мая 2016 г.	Теория и практика гендерных исследований в мировой науке
7–8 мая 2016 г.	Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления
10–11 мая 2016 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2016 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2016 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2016 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2016 г.	Реклама в современном мире: история, теория и практика
25–26 мая 2016 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2016 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2016 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2016 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2016 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2016 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2016 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2016 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2016 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2016 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований

10–11 октября 2016 г.	Актуальные проблемы связей с общественностью
12–13 октября 2016 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2016 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2016 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2016 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2016 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2016 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2016 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2016 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2016 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2016 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2016 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2016 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2016 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2016 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2016 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2016 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2016 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2016 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Реферативные базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Россия), • Open Academic Journal Index по адресу, • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада)	<ul style="list-style-type: none"> • (Global Impact Factor) за 2014 г. – 0,784. • (РИНЦ) за 2013 г. – 0,194.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада)	
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	РИНЦ (Россия),	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия),	
Чешский научный и практический журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	РИНЦ (Россия),	
Чешский научный и аналитический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия),	
Чешский научный и практический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия),	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии

(в выходных данных издания будет значиться –

Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».

или в России

(в выходных данных издания будет значиться –

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок);
- изготовление оригинал-макета;
- дизайн обложки;
- печать тиража в типографии;

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals,
- ✓ autoabstracts,
- ✓ dissertations,
- ✓ monographs,
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic.

(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities.

- editing and proofreading of the Russian text (correct spelling, punctuation and stylistic errors) ;
- making an artwork;
- cover design;
- print circulation in typography is by arrangement;
- these types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text,
- production of an artwork,
- cover design,
- printing coloured flexicover,
- printing copies in printing office,
- ISBN assignment,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of the Czech Republic,
- sending books to the author in Russia by the post.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items).

Other options will be considered on an individual basis.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.
Academia Rerum Civilium – Vysoká škola politických a společenských věd

Paradigmata poznání

Interdisciplinární vědecký časopis

№ 1, 2016

Šéfredaktorka – Ilona G. Dorošina
Zástupce šéfredaktora – Umidjon R. Kušaeu

*Názory vyjádřené v této publikaci jsou názory autora
a nemusí nutně odrážet stanovisko vydavatele.
Autoři odpovídají za správnost publikovaných textů – fakta, čísla, citace,
statistiky, vlastní jména a další informace.*

*Opinions expressed in this publication are those of the authors
and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.
Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures,
quotations, statistics, proper names and other information.*

Redaktorka – I. G. Balašova
Korektura – Ž. V. Kuznecova
Produkce – G. A. Kulakova

Podepsáno v tisku 06.02.2016. 60×84/8 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavate llistů 11,12.
100 kopií.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz